

Handwritten notes in Russian, including the name 'Тиздель' and dates '1771-1793'.

ЗАПИСКИ КОМАНДИРА КОРАБЛЯ МАРІЯ МАГДАЛИНА,

КАПИТАНА ТИЗДЕЛЯ (*).

(1771—1793).

Предки мои жили въ графствѣ Кентъ, въ портовомъ городѣ Сандвичъ. Дѣдъ мой по отцу, капитанъ Рожертъ Тиздель, командовалъ большимъ судномъ *Association*, принадлежавшимъ восточной торговлѣ, и однажды, идучи на немъ изъ Средиземнаго моря съ грузомъ фруктовъ, адресованныхъ въ Амстердамъ, погибъ у голландскаго берега со всѣмъ своимъ экипажемъ. Это случилось 22 октября 1707 года, во время шторма, отъ котораго погибъ въ тотъ же день адмиралъ Клаудислей Шовель, у скалы Силли, на кораблѣ *Association*, вмѣстѣ съ кораблями *Eagle* и *Romney*.

Объ участи моего дѣда узнали по его записной книгѣ, найденной на берегу, между обломками корабля.

Бабунка моя осталась съ двумя малолѣтними дѣтьми: дочерью и 8 лѣтнимъ сыномъ Томасомъ, впоследствии моимъ отцемъ, который по окончаніи воспитанія опредѣлился къ торговымъ дѣ-

(*) Мнѣ достались собственноручныя записки моряка, англичанина Тизделя, служившаго въ русскомъ флотѣ въ царствованіе Екатерины II.

Записки ведены въ продолженіе всей его жизни. Начало ихъ заключаетъ въ себѣ интересъ частный, собственно автора касающійся, знакомящій со временемъ его юности; потомъ слѣдуетъ періодъ службы его на коммерческихъ английскихъ судахъ и въ британскомъ военномъ флотѣ, и наконецъ періодъ послѣдній — службы его въ Россіи, имѣющій интересъ для желающихъ знать прошедшее нашего флота.

Я представляю здѣсь въ переводѣ краткое извлеченіе изъ начала этихъ записокъ, какъ нѣсколько знакомящее съ личностью автора, гдѣ онъ упоминаетъ о своемъ происхожденіи и воспитаніи, потомъ прямо переходу ко времени переезда его въ Россію. Службу его въ Англии, какъ неинтересную для насъ, я пропустилъ.

ламъ въ Ситти Коунтербюри; потомъ, переѣхавъ въ Ситенбургъ, занялся своими собственными дѣлами, по которымъ вошелъ въ сношенія съ торговымъ домомъ г-на Хилсъ, и спустя нѣкоторое время женился на дочери изъ этого семейства, Саррѣ, въ 1726 г.

Я родился въ 1733 году 14 ноября, въ Ситенбургѣ. Воспитывался сперва дома, потомъ въ школѣ; между тѣмъ дѣла отца пошли худо и мало по малу совершенно разстроились.

Между знакомыми отца былъ нѣкто г. Эдвардсъ; онъ командовалъ своимъ собственнымъ судномъ; съ этимъ почтеннымъ человекомъ и хорошимъ морякомъ я, съ позволенія родителей, сдѣлалъ нѣсколько морскихъ путешествій, и море до того понравилось мнѣ, такъ прельстило меня, что я вознамѣрился посвятить себя морской службѣ. Г. Эдвардсъ училъ меня математикѣ, навигаціи, мореходной астрономіи, и мои усѣхи были такъ хороши, что онъ самъ предложилъ мнѣ служить на его кораблѣ. 14 марта 1750 года мы подписали контрактъ на мое служеніе у него въ качествѣ мѣта.

Въ началѣ марта 1771 года (*) возвратилась наша эскадра изъ Остъ-Индіи; большая часть судовъ, въ томъ числѣ и фрегаты *Prince*, на которомъ служилъ я, требовали значительныхъ исправленій. Война кончилась, съ нею кончилась дѣятельность нашего флота, и я началъ придумывать средства къ продолженію своего существованія.

Недѣли три спустя, я узналъ, что въ Дептфордѣ вооружаются двѣ бомбарды для русскаго правительства, и должны быть отправлены въ Средиземное море, къ находящейся тамъ русской эскадрѣ.

Мѣста командировъ были уже заняты, а потому мнѣ пришлось взять мѣсто мѣта (штурмана), съ жалованьемъ, пока суда находятся въ докѣ, по 4 фунта въ мѣсяцъ и по 3 шиллинга столовыхъ денегъ въ день; но выходъ же изъ дока, до возвращенія нашего изъ Средиземнаго моря, плату эту обѣщано было утратить.

Я поступилъ на бомбарду *Lightning*, подъ команду капитана

(*) Служба автора записокъ въ Англіи, не помѣщена мною здѣсь, какъ періодъ, не заключающій въ себѣ никакихъ свѣдѣній о нашемъ флотѣ. На коммерческихъ судахъ, а преимущественно у Эдвардса, онъ пробылъ до 1757 года. Въ 1757 г., по случаю войны съ Франціею и Испаніею, поступилъ въ военный британскій флотъ, гдѣ прослужилъ 14 лѣтъ (до 1771 г.)

Роберта Скимапа, которому было поручено доставить бомбарды въ Средиземное море или въ Архипелагъ.

Суда эти были уже такъ худы, что ихъ тимберовали, а рангоутъ поставили новый. Въ исходѣ апрѣля мы вышли изъ дока въ рѣку Темзу, для постановки на каждую по двѣ мортиры, для принятія мореходныхъ инструментовъ и провизіи.

27 мая пріѣхалъ къ намъ г. Бокстеръ, русскій консулъ, для осмотра судовъ, чтобы донести объ ихъ состояніи русскому посланнику въ Лондонѣ; въ тотъ же день мортиры были поставлены и, надо сказать правду, суда наши имѣли хорошей видъ.

Капитанъ Скиманъ былъ болѣе почти со дня моего поступленія на бомбарду, а потому г. Бокстеру часто случалось обращаться ко мнѣ по дѣлу касательно приготовленія судовъ къ походу, и эти частыя сношенія все болѣе и болѣе сближали насъ.

Однажды Бокстеръ сказалъ, что хочетъ просить посланника дать мнѣ рекомендательныя письма къ русскимъ адмираламъ въ Средиземномъ морѣ, прибавивъ, что быть можетъ это послужитъ въ мою пользу; но я отказался, отвѣтивъ, что мнѣ едва ли случится быть въ сношеніи съ адмиралами. На другой день Бокстеръ пожелалъ видѣть мои аттестаты; я удовлетворилъ его любопытству, а онъ далъ мнѣ письма къ адмираламъ графу Орлову и Спиридову. Я опять отказывался ихъ принять, увѣряя его, что мнѣ не придется говорить съ адмиралами, по незнапію мною русскаго языка, что я не служу туда иду, а только отвести суда; но Бокстеръ стоялъ на своемъ. «О, пустяки», сказалъ онъ, «многие изъ вашихъ соотечественниковъ, не зная русскаго языка, служили и служатъ въ Россіи». Письма, однако, остались у меня, хотя противъ моего желанія.

Въ слѣдующее наше свиданіе г. Бокстеръ предложилъ мнѣ быть представленнымъ русскому посланнику въ Лондонѣ, Мусину-Пушкину. Этого предложенія я не могъ не принять, и мы тогда же отправились.

Посланникъ принялъ меня очень хорошо, много говорилъ со мною и потомъ предложилъ мнѣ вступить въ русскій флотъ, въ чинѣ второго лейтенанта. Я опять началъ приводить разныя причины, не позволяющія принять предлагаемую мнѣ честь, отвѣчиваясь незнапіемъ языка и тѣмъ, что не намѣренъ оставлять родину, и проч., но на все мои резоны онъ дѣлалъ возраженія такъ искусно, что я мало по малу согласился; а главною обод-

ряющею меня мыслию было то, что я всегда буду имѣть право возвратиться въ Англiю.

Мусицъ-Пушкинцъ, получивъ мое согласіе, приказалъ Бокстеру снабдить меня всѣмъ нужнымъ для отправленія прямо въ Россію, а на мое мѣсто на бомбарду велѣлъ приласить другаго. При прощаніи онъ просилъ меня къ себѣ на другой день.

Прежде всего я отправился къ капитану Свинману, рассказалъ ему о случившемся со мною. Мы непритворно выразили другъ другу сожалѣніе, что не будемъ продолжать службу вмѣстѣ; онъ рассчитался со мною за время моей службы на бомбардѣ, и послѣ многихъ прощальныхъ привѣтствій мы разстались.

Отъ него я пошелъ къ своему истинному другу — Эдвардсу, чтобы сказать ему о томъ, чему самъ еще не исполнилъ вѣрить. Этотъ истинно любившій меня человекъ выслушалъ мой рассказъ; вмѣстѣ съ нимъ обдумывали мы то, что уже случилось и что должно было случиться. Весь этотъ день мы провели вмѣстѣ, у него обѣдали нѣкоторые изъ нашихъ общихъ знакомыхъ, много было выпито поздравительныхъ рюмокъ; друзья мнѣ сулили всего лучшаго, а мнѣ было грустно; какая то тяжесть, какъ задуманное преступленіе, тяготила мою душу. Сколько разъ я хотѣлъ взять назадъ данное слово! я и могъ это сдѣлать, но не сдѣлалъ.

Отъ Эдвардса я узналъ, что командуемое имъ его собственное судно должно идти съ грузомъ въ Кронштадтъ, и мы положили отправиться вмѣстѣ. Это обстоятельство очень меня радовало: мнѣ оставалось еще нѣсколько недѣль быть съ моимъ старымъ другомъ. Разставаясь съ Эдвардсомъ, мы согласились сойтись завтра у Бокстера.

На другой день я былъ у Мусица-Пушкинца. Онъ далъ мнѣ письмо на имя графа Чернышева (вице-президента адмиралтейства въ С.-Петербургѣ), потомъ я пошелъ къ Бокстеру; Эдвардсъ былъ уже тамъ; они уговорились касательно моей поездки до Кронштадта, затѣмъ Бокстеръ далъ мнѣ 65 рублинъ на путевыя издержки, и мы простились съ нимъ, какъ друзья.

Судно Эдвардса, бригантина *Hunter*, находилось въ Гревсендѣ, куда мнѣ слѣдовало отправиться. Приѣхавъ въ Гревсендъ, я видѣлъ назначенныя для русскаго правительства бомбарды *Lightning* и *Terrible*, тамъ же я встрѣтилъ г. Бокстера и обѣдалъ съ нимъ и съ командирами обѣихъ бомбардъ въ гостищицѣ *Faul-*

son. Это былъ послѣдній день моего пребыванія въ Англiи, это былъ послѣдній домъ, стоящій на берегу Англiи, подъ крышей котораго я находился.

Въ среду 4 іюня (въ день рожденія короля Великобританіи), наша бригантина спялась съ якоря и при свѣжѣмъ попутномъ вѣтрѣ быстро понеслась, увозя меня отъ родины.

Не будучи обязаннымъ принимать участіе въ управленіи судномъ, я имѣлъ время смотрѣть на милую мнѣ Англiю и прощаться съ нею. Я не отходилъ отъ гака-борта, пока совершенно не исчезъ изъ виду ея берегъ. Долго потомъ я перебиралъ въ памяти свое прошедшее, исчезнувшее такъ же, какъ и берегъ, оставившее по себѣ только одни воспоминанія. Мнѣ было грустно, сердце ныло. Чисто садящееся солнце, а потомъ вечерняя заря, освѣщали западный горизонтъ, за которымъ скрылась моя родина; между тѣмъ, отъ О-та поднимались тучи, какъ бы затемняя уже безъ того темное будущее, — и мнѣ казалось, что этотъ темный горизонтъ, своимъ траурнымъ цвѣтомъ, не предвѣщаетъ мнѣ ничего хорошаго.

Вѣтеръ стихалъ и постепенно заходилъ; наконецъ задулъ О, съ дождемъ, и долго держалъ насъ въ Сѣверномъ морѣ, такъ что въ Гельсингфоръ мы пришли 22, а 23-го снялись и вошли въ Балтику; здѣсь опять, вплоть до Голланда, вѣтеръ не переставалъ дуть изъ NO четверти, но отъ этого острова мы пошли ховрошо, такъ что поздно вечеромъ того же дня 8 іюля (въ день празднованія годовщины полтавскаго сраженія), пришли на крошшадтскій рейдъ. Въ одно время съ нами становилась на якорь небольшая эскадра, состоящая изъ трехъ кораблей, пришедшая изъ Ревеля, подъ командою контръ-адмирала Василія Яковлевича Чичагова.

На другой день, рано утромъ, 9 іюля (въ день вознесенія на престолъ Императрицы Екатерины II), моя нога въ первый разъ вступила на русскую землю, и я вмѣстѣ съ командиромъ бригантинны *Hunter*, пошелъ къ г. Бувару, агенту англійскихъ купеческихъ судовъ въ Кронштадтѣ.

Г. Буваръ припалъ меня очень хорошо и объявилъ, что день вознесенія на престолъ есть день торжественный, а что завтра празднуется день именинъ Великаго Князя Павла Петровича, а потому въ эти два дня мнѣ невозможно будетъ проникнуть въ адмиралтействъ-коллегію, чтобы представиться начальствующимъ лицамъ, и предложить мнѣ остаться у него, до окончанія празднествъ.

10-го вечеромъ, я пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился въ англійской гостинницѣ, на берегу Невы, а на другой день представился графу Ивану Григорьевичу Чернышеву и передалъ ему письмо отъ Мусина-Пушкина. Графъ приказалъ мнѣ явиться къ адмиралу Карлу Ноульсу (Knowles), находившемуся тогда въ русской службѣ и состоявшему при генераль-адмиралѣ, Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ, а потомъ явиться въ адмиралтействъ-коллегію.

Адмиралъ Ноульсъ зналъ меня, какъ своего давнишняго подчиненнаго, — я служилъ въ его эскадрѣ еще въ 1757 году, а въ 1760—я, по его представленію, получилъ чинъ лейтенанта.

Въ одно время со мною, прибыли изъ Англій 11 морскихъ офицеровъ, также приглашенныхъ вступить въ русскій флотъ, съ званіемъ вторыхъ лейтенантовъ; но такъ какъ такого чина въ русскомъ флотѣ не было, то совѣтомъ адмиралтействъ-коллегіи было положено приять насъ мичманами. Такимъ опредѣленіемъ коллегіи мы остались недовольны, а потому просили адмирала Ноульса объявить членамъ ея, что находившіяся въ Лондонѣ русскій посланникъ приглашалъ насъ вступить въ службу вторыми лейтенантами, и если вмѣстѣ морское начальство на то не будетъ согласно, то мы просимъ возвратитъ насъ въ Англію. Въ слѣдующее собраніе совѣтъ рѣшилъ согласно нашего требованія, и 18 іюля всѣ мы нижеподписанные 12 человекъ были приглашены въ коллегію, гдѣ русскій священникъ привелъ насъ къ присягѣ въ вѣрности служенія Императрицѣ Екатеринѣ II.

Присяжали: Александръ Рейцъ (Raite), Робертъ Галль (Hall), Иванъ Дунстерфильдъ (Dunsterfield), Иванъ Бигсъ (Biggs), Давидъ Спенсъ (Spence), Генрихъ Акманъ (Ackman), Изарія Узультъ (Uzzuld), Василій Лоуренсъ (Lougence), Василій Стивартъ (Stewart), Егоръ Тетъ (Tate), Веніаминъ Тиздель (Tisdell), Василій Хогъ (Hogg).

Въ Россіи употребляется старое лѣтосчисленіе, и со дня моего поступленія въ русскую службу, я начинаю употреблять старый стиль. Итакъ, я поступилъ въ русскую службу 7-го іюля 1771 года, лейтенантомъ.

Мои товарищи и земляки, прибывшіе вмѣстѣ со мною, были посланы на эскадру, находившуюся въ рейсерствѣ въ Балтійскомъ морѣ, подъ командою контръ-адмирала Чичагова, а меня, по приказанію адмирала Ноульса, бывшаго тогда генераль-инспек-

торомъ и главнымъ начальникомъ морскаго департамента, оставили при немъ въ С.-Петербургѣ.

Ноульсъ поручилъ мнѣ составить штаты вооруженія императорской яхты и 100 пушечнаго корабля. Этою работою онъ остался доволенъ и приказалъ Роберту Адамсу, переводчику при коллегіи, перевести ее на русскій языкъ.

Въ сентябрѣ того же года, мнѣ было приказано составить штаты для 32 и 28 пуш. фрегатовъ, съ подробнымъ обозначеніемъ размѣровъ всѣхъ предметовъ, входящихъ въ вооруженіе. Этою работою я обратилъ на себя особенное вниманіе сэра Чарльса, который для четыре спустя сказалъ мнѣ, что графъ Чернышевъ желаетъ дать мнѣ порученіе инспектировать работы въ парусной мастерской и приказалъ мнѣ спросить у меня какую плату я назначу за эти дѣлныя мнѣ вновь обязанности. На это я отвѣтилъ сэру Чарльзу, что поручаю себя его расположенію и съ признательностію приму всякое вознагражденіе. Черезъ недѣлю онъ увѣдомилъ меня, что Чернышевъ назначилъ мнѣ 500 руб. жалованья въ годъ, готовую квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ и разѣздныя деньги для переѣздовъ изъ Петербурга въ Кронштадтъ и обратно, если того потребуетъ моя обязанность. Такимъ содержаніемъ я остался совершенно доволенъ, и вскорѣ за тѣмъ адмиралтействъ-коллегіа поручила мнѣ наблюденіе за приготовленіемъ такелажа и парусовъ для вооружающихся въ Кронштадтѣ двухъ кораблей, а лѣтомъ того же года, я завѣдывалъ проводкою повопостроеннаго корабля изъ С.-Петербурга въ Кронштадтъ. Всѣ эти порученія я исполнилъ чрезвычайно удачно.

Въ исходѣ января 1772 года адмиралъ Ноульсъ былъ въ Яссахъ. Вскорѣ по его отѣздѣ, ко мнѣ были присланы двѣ большія книги штатовъ вооруженій, писанныхъ по русски, съ приказаніемъ подписать ихъ немедленно. Я, не умѣя читать по русски, отказался исполнить это приказаніе, и какъ меня ни увѣряли, что это переводы моихъ же трудовъ, я все таки не согласился и просилъ генераль-интенданта Ивана Логиповича Кутузова принять мою сторону. Онъ дозволилъ мнѣ взять книги на домъ и просмотрѣть согласны ли онѣ со штатами, мною составленными. Провѣривъ книги, я нашелъ, что это была интрига зависти, что книги во всемъ разнествовали съ моими работами, а потому объявилъ это Кутузову. Онъ тотчасъ поѣхалъ въ адмиралтейство, сдѣлалъ виновнымъ строгій выговоръ, и тѣмъ совершенно раз-

рушилъ намѣреніе моихъ недоброжелателей, принуждавшихъ меня подписать книги, невѣрно составленныя.

Въ началѣ октября сэръ Чарльсъ возвратился изъ Йессъ въ С.-Петербургъ; я приписъ ему жалобу въ томъ, что обѣщанное мнѣ содержаніе осталось только обѣщаніемъ. «Какъ такъ? Можетъ ли быть?» воскликнулъ онъ, «какъ смѣете вы говорить мнѣ это?» — «Смѣю», отвѣчалъ я, «потому что это правда; въ продолженіе всего вашего отсутствія я получилъ только 69 руб. 15 коп. и едва не умеръ съ голода».

Ноульсъ обѣщаль вникнуть въ мое дѣло, но не имѣлъ успѣха. Въ ту же осень я проводилъ на камеляхъ два корабля изъ С.-Петербурга въ Кронштадтъ, за что по ходатайству генерала Кутузова, къ новому 1773 году получилъ награжденія 150 руб. При этой рекомендаціи я много выигралъ во мнѣніи графа Чернышева.

Въ то же время на мѣсто Кутузова поступилъ въ должность генералъ-интенданта Савва Марковичъ Назимовъ. Этотъ человекъ былъ совершенно противоположныхъ свойствъ съ своимъ предшественникомъ. Назимовъ въ первые же дни своего управленія интендантствомъ объявилъ, что мнѣ печего дѣлать въ Петербургѣ и велѣлъ ѣхать въ Кронштадтъ. Я, собравъ свои пожитки, переѣхалъ въ Кронштадтъ, но не успѣлъ тамъ оглядѣться, какъ получилъ письмо отъ Ноульса съ приказаніемъ немедленно пріѣхать къ нему. На другой день я былъ у него, онъ приказалъ мнѣ составить штаты для двухмачтоваго судна «С. Маркъ», только лишь построеннаго по особенному чертежу. Отъ этого порученія я отказался, напомнивъ ему, что прежнія мои работы остались не вознагражденными; онъ обѣщаль поговорить съ графомъ Чернышевымъ, но я уже не вѣрилъ обѣщаніямъ Ноульса, а потому написалъ графу письмо по французски, въ которомъ просилъ уволить меня отъ занятій при экспедиціонномъ департаментѣ и назначить во флотъ. Это письмо я подалъ ему лично, онъ прочелъ его и обѣщаль исполнить мое желаніе.

Въ слѣдующій за тѣмъ день, въ адмиралтействъ-коллегіи собрались всѣ члены и прочія должностныя лица департамента, для прижесенія поздравленія графу Чернышеву съ днемъ его рожденія.

«Я имѣю письмо отъ г. Тизделя», сказалъ президентъ, обращаясь къ Ноульсу, «онъ проситъ объ увольненіи его отъ за-

пятій при экспедиціи и жалуется на неудовлетвореніе его обѣщаніемъ содержаніемъ. Что это значитъ?» — «Такъ точно», отвѣчалъ Ноульсъ, «но всякій служащій долженъ исполнять всѣ порученія, которыя ему будутъ даны безъ особенныхъ за то вознагражденій.» — «Это такъ», замѣтилъ Чернышевъ, «но полезные офицеры должны быть вознаграждаемы, и я не думаю, чтобы вы не были за вашего соотечественника. Ну хорошо, я беру его подъ свое покровительство.» — «У меня есть другой офицеръ, продолжалъ Ноульсъ, капитанъ-лейтенантъ Егоръ Арнольдъ, онъ согласенъ заступить мѣсто Тизделя, безъ всякаго вознагражденія.» — «Г-пт Тиздсль, повторилъ Чернышевъ, я беру васъ подъ свое покровительство; явитесь къ адмиралу Мордвинову, онъ васъ назначитъ, согласно вашего желанія, во флотъ»; и обратясь къ секретарю приказалъ исключить меня изъ списка служащихъ при департаментѣ.

Адмиралъ Мордвиновъ назначилъ меня на эскадру, находящуюся въ Ревелѣ. Забравъ въ Кронштадтѣ свой скарбъ и возвратясь въ Петербургъ, я счелъ за обязанность быть у графа съ благодарностію за его ко мнѣ вниманіе. Графъ обласкалъ меня и опять обѣщаль быть моимъ протекторомъ. У Ноульса я не былъ; изъ его поступка я понялъ, что его обѣщанія были ложны, и что всѣ мои труды служили въ его собственную пользу.

Въ началѣ мая я пріѣхалъ въ Ревель, и явился къ главному командиру Ивану Яковлевичу Барчу (Barsh). Онъ назначилъ меня на 64 пуш. корабль «Мироносица» подъ команду капитана Степана Лукича Кузьминцева.

Здѣсь я встрѣтился съ нѣкоторыми моими земляками, лейтенантами Галомъ, Дунстерфильдомъ, Хогомъ и Егоромъ Тетомъ. Съ послѣднимъ я всегда былъ въ большой дружбѣ и вообще онъ пользовался между нами уваженіемъ.

Въ половинѣ мая наша эскадра, подъ командою контръ-адмирала Барча, состоящая изъ 5 кораблей и фрегата, вышла на рейдъ; но вскорѣ за тѣмъ на смѣну Барча былъ присланъ изъ Петербурга контръ-адмиралъ Барсбаль (Barshall). Подъ его флагомъ эскадра наша, въ началѣ іюня, вышла въ практическое плаваніе въ Балтійское море, была въ Кюге-бухтѣ, а оттуда возвратилась въ Ревель.

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего возвращенія, корабль «Мироносица» былъ назначенъ въ составъ эскадры, отправившейся

въ Средиземное море, подъ командою контръ-адмирала Самуила Грейга; по этому случаю прежній командиръ нашъ, Кузьмищевъ, былъ смѣненъ. У меня же, по несчастію, въ это время заболѣли глаза, а во всю компанію я страдалъ лихорадкою; эти обстоятельства лишили меня возможности служить на кораблѣ «Мирносица» и я былъ переписанъ на 64 пуш. корабль «Переславъ» подъ команду капитана Михаила Нѣмчинова.

Въ слѣдующемъ, 1774 году, на мѣсто Нѣмчинова назначили къ намъ капитана Осипа Федоровича Салтапова. Подъ его командою корабль нашъ въ эскадрѣ контръ-адмирала Барча съ половины іюня находился въ практическомъ крейсерствѣ по Балтійскому морю. Однажды, идучи въ Кёге-бухту съ полнымъ вѣтромъ, корабль нашъ едва не сталъ на мель (въ 10 часу утра). Причиною этого было совершенно пьяное состояніе капитана и капитанъ-лейтенанта. Въ слѣдующую за тѣмъ ночь, корабль нашъ опять находился въ бѣдственномъ положеніи, и я, видя, что капитанъ и его помощникъ не въ состояніи сдѣлать какое либо распоряженіе, какъ старшій, принялъ командованіе. Ночь дрейфовало на берегъ, я спялся съ якоря и опять сталъ на глубинѣ 6-ти сажень. Находясь въ Кёге-бухтѣ, мы узнали о заключеніи мира Россіи съ Турціею. Черезъ двѣ недѣли мы перешли на коненгагенскій рейдъ, тамъ простояли 10 дней и въ продолженіе всего этого времени капитанъ и капитанъ-лейтенантъ вели себя по прежнему: шили, спорили и спали, а когда адмиралъ сдѣлалъ сигналъ сняться съ якоря, то ихъ не могли разбудить; я опять принялъ команду, спялся съ якоря и въ эскадрѣ перешелъ въ Кёге-бухту, оттуда въ крейсерство, а въ исходѣ сентября пришли въ Ревель разружаться. За эту кампанію я получилъ именную благодарность отъ адмирала Барча, а бѣдный Дупетерфильдъ за пьянство былъ протестованъ и исключенъ изъ службы Ея Величества. Онъ служилъ на кораблѣ «Вячеславъ».

Прослужа 2 года въ Балтійскомъ морѣ, я былъ назначенъ въ Архангельскъ, откуда подъ командою капитана Аоанасія Федоровича Поповкина долженъ былъ придти въ Кронштадтъ на корабль Ея Величества, названномъ впоследствии «Америка».

Слѣдуя изъ Ревеля въ Архангельскъ, я остановился на нѣкоторое время въ Петербургѣ и долгомъ считалъ быть у моего стараго начальника генерала Кутузова. Онъ былъ очень радъ моему приходу, разспрашивалъ обо всемъ: какъ мнѣ правится служба

въ русскомъ флотѣ, подъ чьею командою я служилъ, и узнавъ имена моихъ командировъ, всплеснувъ руками, воскликнулъ: «Боже мой! Боже мой! Степанъ Кузьмищевъ, Салтаповъ, Нѣмчиновъ и—назначены къ Поповкину. О! съ какими отъявленными пьяницами вы служили и будете служить. Обойдите весь флотъ, не найдти имъ равныхъ. Сейчасъ только вышелъ отъ меня Салтановъ, я его бранилъ за дурную нравственность.»—«Да, знаю, отвѣчалъ я, онъ встрѣтился мнѣ, и на мой вопросъ: дома ли вы? отвѣчалъ, что вы дома, но находитесь въ весьма дурномъ расположеніи духа.» При прощаніи Кутузовъ пожелалъ мнѣ счастливо служить съ капитаномъ Поповкинымъ. Отъ него я пошелъ къ графу Чернышеву.

Въ Архангельскъ я пріѣхалъ въ началѣ апрѣля. По изготовленіи судовъ, въ исходѣ іюня, мы, съ двумя другими кораблями, названными впоследствии «Ингерманландъ» и «Азія», подъ командою капитана Никифора Львовича Полибина, вышли въ море; въ концѣ августа пришли въ Коненгагенъ, а въ послѣднихъ числахъ сентября въ Ревель, и встали на рейдѣ, ожидая дальнѣйшихъ приказаній.

Черезъ нѣсколько дней пришла къ намъ эскадра кораблей, подъ начальствомъ адмирала Елманова, возвратившаяся изъ Средиземнаго моря. Эскадрѣ этой приказано было остаться на зимовку въ Ревель, присоединить къ ней нашъ корабль, а «Ингерманланду» и «Азіи» идти въ Кронштадтъ. Вскорѣ за тѣмъ суда вошли въ гавань, разружились, экипажи расположились во всѣхъ квартирахъ, и по существующему обыкновению во всѣхъ портахъ, офицеры и матросы начали исполнять береговую службу. Служба эта заключалась въ дежурствахъ въ военной гавани, въ арсеналѣ, въ морской госпитали и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ того требовала надобность. Дежурства были для насъ не обременительны, не смотря на то, что онѣ продолжались по три дня сряду. Большую часть свободнаго времени я проводилъ въ домѣ своего земляка Карла Нюкса (Кнох), лейтенанта въ русской службѣ, состоявшаго при ревельскомъ портѣ.

Въ исходѣ февраля или въ началѣ марта 1776 года, послѣдовалъ высочайшій приказъ приготовить 4 фрегата къ отправленію въ Средиземное море. Три изъ нихъ велѣно было нагрузить разнаго рода товарами, дать имъ видъ судовъ коммерческихъ, а четвертый (находившійся въ Ревель) «Сѣверный Орелъ», пред-

назначался для конвоирования ихъ, а потому оставался въ полномъ вооруженіи. Командиромъ фрегата былъ капитанъ Тимоѳеѣй Козляниновъ; ему же поручалось командованіе и всѣмъ отрядомъ. Я желалъ быть въ этой кампаніи, просилъ о томъ Козлянинова, онъ просилъ Елманова, и вскорѣ за тѣмъ отдалъ приказъ о назначеніи меня на фрегатъ «Сѣверный Орель» въ должность капитанъ-лейтенанта.

Козлянинова отозвали въ Петербургъ, и онъ, уѣзжая, поручилъ мнѣ полное командованіе фрегатомъ. Работы было очень много, всѣ мачты намъ дали новыя; такелажъ болѣею частью также новый.

Въ то же время я задумалъ жениться на дочери лейтенанта Нокса, Саррѣ, и получивъ согласіе ея и родителей, мнѣ хотѣлось обручиться съ нею до отправленія своего въ Средиземное море, а потому наше обрученіе было назначено 15 мая.

12 мая полученъ былъ приказъ отъ адмирала Мордвинова, что мнѣ поручается привезти фрегатъ «Сѣверный Орель» изъ Ревеля въ Кронштадтъ, а по сдачѣ его настоящему командиру, мнѣ предписывалось возвратиться въ Ревель въ команду корабля «Америка». Въ тотъ же вечеръ главный командиръ ревельскаго порта контръ-адмиралъ Шельтингъ отдалъ приказъ, съ порученнымъ мнѣ фрегатомъ выйти на рейдъ 15 мая.

Узнавъ объ этой новой своей неудачѣ, я пошелъ къ моему другу Ноксу и съ нимъ мы погоревали, что мои предположенія идти въ Средиземное море рушились.

15 Мая, въ воскресенье, рано утромъ, я вышелъ на рейдъ и ни мало не медля поѣхалъ на берегъ, съ рапортами о выходѣ фрегата, къ вице-адмиралу Елманову, контръ-адмиралу Барчу и капитану надъ портомъ контръ-адмиралу Шельтингу. Елмановъ, по своему вниманію, пригласилъ меня обѣдать; во всякое другое время я охотно бы принялъ отъ него это предложеніе, какъ отъ человѣка всѣми уважаемаго, но мнѣ предстояло много хлопотъ по случаю моего обрученія, а потому я отказался.

На другой день я получилъ приказъ отправиться въ Кронштадтъ 19-го числа, но, за противнымъ вѣтрикомъ вѣтромъ, простоялъ на рейдѣ до 20-го; въ этотъ день, рано утромъ, при благопріятномъ вѣтрѣ снялся съ якоря (со мною ѣхали жена и дочери капитана Мартына Снягина), а 22-го послѣ полудни благополучно пришелъ въ Кронштадтъ и тотчасъ поѣхалъ на берегъ съ ра-

портомъ къ контръ-адмиралу Самуилу Грейгу. Онъ приказалъ мнѣ приять провизію на 6-ть мѣсяцевъ и ожидать возвращенія командира изъ Петербурга. Вскорѣ пріѣхалъ Козляниновъ и выразилъ мнѣ сожалѣніе, что мы не будемъ служить вмѣстѣ, но что на это есть воля высшаго начальства.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того пріѣхалъ въ Кронштадтъ Мордвиновъ и повторилъ приказаніе отослать меня въ Ревель съ первою оказіею. Время моего пребыванія въ Кронштадтѣ я провелъ очень пріятно въ обществѣ Егора Тета и другихъ своихъ знакомыхъ, а 14 іюня отправился въ Ревель на шлюпкѣ (*) подъ командою лейтенанта Степана Вельяшева; 18-го мы благополучно пришли на ревельскій рейдъ.

Въ воскресенье 21-го августа 1776 года была моя свадьба.

10-го декабря послѣдовалъ приказъ о назначеніи меня на службу въ Черное море. Назначеніе это хотя вовсе не согласовалось съ моимъ желаніемъ, но нечего было дѣлать, служба выше всего, и я торопился ѣхать къ мѣсту своего новаго служенія. Жена моя была въ такомъ положеніи, что не могла ѣхать со мною въ такой дальній путь, а потому хотя и съ трудомъ, но я долженъ былъ съ нею разстаться. Перевезя ее въ домъ ея родителей, я 16 числа, простясь съ нею и родными, отправился въ Таганрогъ; 20-го я былъ уже въ Петербургѣ, представился къ графу Чернышину и къ Мордвинову. Графы приняли меня очень хорошо, предложили мнѣ свои услуги, но я просилъ его только позволить мнѣ взять съ собою матроса, провожатнаго меня изъ Ревеля; на это онъ охотно согласился, и потомъ, обратясь къ старшему секретарю адмиралтейства, спросилъ: выбаллотированъ ли я въ капитанъ-лейтенанты? тотъ отвѣчалъ, что да. Затѣмъ графъ, пожавъ мнѣ руку, сказалъ: «прощайте, поѣзжайте съ Богомъ, и знайте, что я всегда къ вашимъ услугамъ». Въ ожиданіи подорожной и прогонныхъ денегъ я съѣздилъ въ Кронштадтъ, гдѣ пробылъ весь праздникъ Рождества Христова съ другомъ своимъ Егоромъ Тетомъ.

8 января 1777 года я выѣхалъ изъ Петербурга, а 8-го февраля, прибывъ въ Таганрогъ, представился къ главному тамъ начальнику, контръ-адмиралу Осоду Алексѣевичу Клокачеву.

(*) Военное транспортное судно, употребившееся въ нашемъ флотѣ въ прошедшемъ столѣтіи (прим. перевод.).

Клокачевъ назначилъ меня командиромъ 16-ти пушечнаго судна, на которомъ было 125 человекъ команды (въ числѣ артиллеріи было 14-ть 12-ти фунтовыхъ пушекъ и двѣ 4-хъ фунтовыя гаубицы).

31-го марта ко мнѣ присоединились еще такія же три судна, и подъ общимъ моимъ начальствомъ эскадра эта отправилась въ Керчь, куда пришла 10-го апрѣля.

11-го, апрѣля по приказанію генерала Бурцева и капитана Картышева, эскадра моя умпожилась еще тремя судами: 16 пушечною шнявою и двумя 12 пушечными шлюпами.

Съ этимъ отрядомъ, состоящимъ изъ 7-ми судовъ, я вышелъ въ крейсерство по Черному морю между устьемъ рѣки Кубани и апатолійскимъ берегомъ, для перехватыванія лодокъ разбойника Некрасова. Погоды были большею частью бурныя, причемъ нѣкоторыя суда моей эскадры получили поврежденія въ рангутѣ и въ корпусѣ, а потому съ 4-ми судами я спустился въ Керченскій проливъ для исправленій. Тамъ я нашелъ стоящій на якорѣ 40 пуш. фрегатъ. Командиръ его, капитанъ-лейтенантъ Иванъ Микневъ, объявилъ мнѣ, что онъ имѣетъ предписаніе принять въ свое командованіе мой отрядъ, и въ то же время порадовалъ меня пріятною вѣстью о моемъ производствѣ въ капитанъ-лейтенанта, и по существовавшему обыкновенію въ Россіи присягать въ вѣрности служенія при каждомъ повышеніи чина, онъ, пригласивъ меня на свой фрегатъ, приказалъ священнику привести меня къ присягѣ. Въ тотъ день я обѣдалъ у Микнева. Спусти нѣсколько сутокъ, онъ съ тремя судами вышелъ въ море, а я остался на якорѣ для окончанія исправленій. Въ тотъ же вечеръ стала возлѣ меня на якорь пришедшая изъ Таганрога шкуна «Побѣдоносецъ» съ бригадиромъ Крузомъ (Cruse). Я провелъ съ нимъ очень пріятные два дня, — онъ былъ съ своимъ семействомъ; потомъ я пошелъ на соединеніе къ Микневу, а Крузъ направился въ Балаклаву къ другой эскадрѣ.

Въ ноябрѣ кончилось наше крейсерство безъ особенныхъ приключеній и мы пришли на зимовку въ Керчь.

Керчь, это маленькое мѣстечко, отстоящее отъ столицы имперіи болѣе 2000 верстъ, не представляло для насъ никакихъ развлеченій или занятій, а потому явилась праздность и породила пороки; начались ссоры, пьянство и все другое. Порядокъ и дисциплина были совершенно забыты. Страшно вспомнить, что про-

исходило въ этой маленькой самоуправной республикѣ. Всякій дѣлалъ что хотѣлъ, а дѣлать было нечего, какъ только пить, да драться. Били всѣхъ, даже начальнику досталось однажды за то только, что онъ вздумалъ сдѣлать какое то распоряженіе. Я тоже былъ жертвою потому только, что во всей этой русской компаніи — одинъ я былъ иностранецъ. Капитанъ Александръ Муромцевъ питалъ какъ бы врожденную ненависть ко всему иноземному, и всѣ подчиненные слѣдовали примѣру своего достойнаго начальника. Эту общую ко мнѣ ненависть я заслужилъ тоже тѣмъ, что былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты ранѣе нѣкоторыхъ, стоявшихъ выше меня по списку. Мои товарищи, русскіе офицеры, сами мнѣ говорили, что *пробытіе къ нимъ иностранцевъ очень замедлило ихъ повышеніе въ чинахъ*. Сперва я обратился къ капитану Муромцеву, ожидая найти защиту въ силѣ законовъ, но всѣ мои жалобы были оставляемы безъ вниманія, а потому я рѣшился прибѣгнуть къ своей собственной силѣ. Однажды капитанъ-лейтенантъ Никита Ивановичъ Баскаковъ, начавъ по просту бить меня, я далъ ему такой хорошей отпоръ, что онъ четыре дня лежалъ въ постелѣ. Это случилось въ присутствіи капитана Микнева и капитанъ-лейтенанта Ивана Ивановича Кунаковскаго.

Съ Кунаковскимъ я жилъ на одной квартирѣ. Однажды поздно вечеромъ пришелъ къ нему капитанъ-лейтенантъ Егоръ Раткіевскій, и найдя меня уже спящимъ, началъ будить и дразнить. Напрасно Кунаковскій убѣждалъ его оставить свои глупыя шутки; этого ему было недостаточно: онъ взялъ меня за поги и сталъ бить съ кровати. Я вскочилъ, схватилъ его за плечи и такъ принялся бить объ стойку, что онъ кричалъ, прося прощенія, — и эти оба случая были памятны Раткіевскому и Баскакову; они не только сами удерживались отъ дерзостей, но и другимъ совѣтовали меня не трогать. Итакъ, мое право я нашелъ въ своей физической силѣ. Теперь спрашивается: что еслибы ея не было, то подъ какую защиту могъ бы я прибѣгнуть?

Въ этотъ годъ зимовали въ Керчи суда: фрегаты: два 44 пуш. одинъ 32 пуш., три 28 пуш. одинъ 24 пуш. и многія другія мелкія суда.

Весною 1778 года, контръ-адмиралъ Клокачевъ назначилъ меня на фрегатъ къ Микневу, другихъ же капитанъ-лейтенантовъ — командирами фрегатомъ, что крайне было мнѣ прискорбно. По-

томъ, за отсутствіемъ въ Таганрогъ командира фрегата «№ 5», мнѣ приказано было идти съ этимъ фрегатомъ въ Таганрогъ, и это окончательно сразило меня. Я объявилъ Муромцеву въ присутствіи многихъ офицеровъ, что такое распоряженіе противно всякимъ правиламъ, что нигдѣ невидано, чтобы старшаго подчинили младшему, и что я во всякомъ случаѣ не намѣренъ быть подставнымъ, а потому не хочу командовать временно. «Хорошо», сказалъ Муромцевъ, «ваши слова я напишу адмиралу». «Пишите хоть чорту! Я оставлю службу и теперь же говорю вамъ, что болѣнъ и не принимаю такого назначенія». Муромцевъ, вида, что я не на шутку разсердился и что исполню свое обѣщаніе, — буду просить высшее начальство объ увольненіи отъ службы и тѣмъ раскрою его деспотическое распоряженіе, опредѣливъ меня на мѣсто Микпева, получившаго другое назначеніе, на фрегатъ «№ 3»; но и это было временно. Черезъ нѣсколько дней меня перевели командиромъ фрегата «№ 6», по болѣзни командира его, капитанъ-лейтенанта Раткіевскаго. Такъ наконецъ кончилась моя кочевка.

19-го марта мы вышли въ крейсерство подъ командою капитана Микпева. Въ исходѣ апрѣля мнѣ было приказано находиться на станціи, у устья Кубани. Тогда я имѣлъ несчастіе стать на неизвѣстную банку, находящуюся въ разстояніи $7\frac{1}{2}$ миль на SSO отъ устья. Но это кончилось благополучно, хотя и не безъ труда, потому что мнѣ нужно было вылить всю воду и выгрузить большую часть тяжестей; а послѣднее я долженъ былъ исполнить своими шлюпками, такъ какъ посторонней помощи мнѣ не откуда было имѣть. Снявшись съ мели, я вошелъ въ устье палиться водою и вышелъ опять въ крейсерство, какъ ни въ чемъ не бывало, а дней черезъ 12-ть я встрѣтилъ фрегатъ «№ 5», пришедшій ко мнѣ на смѣну, и, къ своему удовольствію, узналъ, что имъ командуетъ мой другъ Егоръ Теть, переведенный на службу въ Черное море. Это обстоятельство ободрило меня, я пересталъ считать себя одинокимъ сиротою. Теть сообщилъ мнѣ, что командиромъ нашей эскадры назначенъ бригадиръ Александръ Крузь, и что эскадра наша стоитъ въ проливѣ противъ Соленныхъ озеръ. Поговоривъ съ нимъ еще нѣкоторое время, я пошелъ на присоединеніе къ эскадрѣ. Въ исходѣ мая вся наша эскадра вышла въ крейсерство между мысами Сунжукъ-кале и Кафа, а иногда спускалась ниже устья въ Кубани и становилась на якорь близъ

этихъ мѣстъ. Такъ продолжалось до 2 іюня. Тогда мы перешли опять къ Солепимъ озерамъ, и опять начались наши очередныя крейсерства, продолжавшіяся по двѣ и по три недѣли. Очередь опять началась съ меня; 5-го іюня я вышелъ въ море, а 22-го меня смѣнилъ лейтенантъ Іосифъ Перри (Perry). Имѣя надобность въ водѣ, я просилъ бригадира отпустить меня въ Кубань. Получивъ позволеніе, я вышелъ изъ пролива; плаваніе и наливка водою шли очень успѣшно, и я, кончивъ работу, началъ вывертывать якорь, чтобы идти къ эскадрѣ; но, подтянувъ канатъ до апанера, мы долго бились съ якоремъ и кончилось тѣмъ, что капать лопнуло. Вѣтеръ былъ тихій, насть попесло по теченію; но я, бросивъ вервь, задержался и, подтянувшись къ своему якорю, опять принялся добывать его; однако все старанія остались тщетными, падо было обрубить капатъ. Въ то время какъ я хлопоталъ съ якоремъ, пришла ко мнѣ съ берега шлюпка, съ запискою на маленькомъ лоскуткѣ бумаги, отъ начальника поста, полковника Макарова; онъ писалъ, что по слухамъ, въ Сунжукъ-кале находятся 4 турецкія судна, а потому предписывалъ мнѣ идти туда немедленно и, увѣрясь въ справедливости этого слуха, донести ему. Я послалъ ему сказать, что не смѣю идти туда безъ позволенія моего начальника, а къ тому же имѣю приказаніе, налившись водою въ Кубани, возвратиться немедленно къ эскадрѣ. По приходѣ къ эскадрѣ, я донесъ Крузу обо всемъ случившемся со мною, онъ благодарилъ меня за распоряженія, а русскіе мои товарищи капитаны начали страдать меня тѣмъ, что за потерю якоря вычтутъ изъ моего жалованья. Вскорѣ затѣмъ я опять пошелъ въ крейсерство на смѣну Тета.

16-го августа, находясь на станціи, я увидѣлъ судно, идущее въ Сунжукъ-кале; прослѣдя его до самого входа, и признавъ въ немъ турецкое, я поспѣшилъ донести о томъ своему начальнику. Въ концѣ августа Крузь сдалъ нашу эскадру Микпеву, произведенному въ полковники.

5 сентября контръ-адмиралъ Клокачевъ увѣдомилъ Микпева, что турки готовятся сдѣлать высадку въ Крымъ, съ намѣреніемъ взбунтовать крымскихъ татаръ, въ которыхъ принимаетъ участіе Императрица, а потому предписывалъ ему всеми мѣрами стараться не допустить ихъ къ этому.

Микневъ собралъ всѣхъ командировъ, сообщилъ намъ инструкцію, полученную имъ отъ Клокачева и на другой день мы вышли въ море. Наша эскадра состояла изъ трехъ 28 пушечныхъ фрегатовъ и двухъ 16 пуш. шкунь.

7 сентября показалась отъ Сунжукъ-кале турецкая эскадра, состоящая изъ 10 кораблей, 8 фрегатовъ, шебекъ, галесовъ и шлюнокъ, всего въ числѣ 45 судовъ, подъ командою капитана-пашни. Эскадра эта, пройдя мимо насъ, стала на якорь у мыса Кичириръ, гдѣ простоявъ нѣсколько часовъ и неимѣя сообщенія съ берегомъ, спялась и перешла въ Кафо. Тамъ простоявъ сутки и также неимѣя сообщенія съ берегомъ, пошла по направлению къ Синопу. Не смотря на крѣпкій противный вѣтеръ, мы преслѣдовали ее очень далеко, потомъ возвратились въ Керчь, оставивъ Тета въ крейсертвѣ на двѣ недѣли между мысами. Тѣмъ все и кончилось, да и что могли бы мы сдѣлать, съ нашею маленькою эскадрою, еслибы турки вздумали привести въ исполненіе свое намѣреніе?

Черезъ три дня по возвращеніи нашемъ изъ плаванія пришло приказаніе отъ контръ-адмирала Клокачева отослать меня въ Таганрогъ, по случаю ожидаемаго перевода меня въ Истербургъ. Вслѣдствіе этого, я былъ смѣненъ и посланъ въ Таганрогъ, на полакрѣ «Екатерина», подъ командою лейтенанта Николая Кумани. На этомъ маленькомъ переходѣ мы едва не погибли. Достигнувъ мыса Таганрога, судно наше обмерзло кругомъ, потому сильнѣйшій вѣтромъ ледъ разбило, кусками льда било нашу полакру и наконецъ проломило, отчего открылась столь значительная течь, что мы находились въ ожиданіи неминуемой гибели; но, благодаря провидѣнію, утромъ 19 ноября пришли въ Таганрогъ, съ проломленнымъ бокомъ и безъ стеньги. Клокачевъ ожидалъ формальнаго приказа о моемъ переводѣ, между тѣмъ назначилъ меня командиромъ маленькаго судна «Таганрогъ»; время шло, я прокомандовалъ имъ до весны 1779 года, а приказа о моемъ переводѣ все еще не было.

Въ мартѣ, опять была со мною неприятная исторія. По случаю именинъ лейтенанта Богдана Ивановича Стерлинга, къ нему, по существующему между русскими обихованію, были приглашены на пирогъ всѣ адмиралы, капитаны, въ томъ числѣ и я. Обязанностью приглашенныхъ было выпить водки и поздравить хозяина съ его праздникомъ. Всякій пилъ и ѣлъ предложенное, сколько

кому хотѣлось; когда же большая часть гостей начали уже расходиться, то вдругъ, совершенно неожиданно, возвратился одинъ изъ бывшихъ на пиру, лейтенантъ Николай Алексѣевичъ Масаловъ и подбѣжалъ ко мнѣ съ упреками, что его изъ-за меня не производятъ въ капитанъ-лейтенанты, а въ заключеніе своей рѣчи ударилъ меня палкою. Замѣтивъ, что онъ пьянъ, я хотѣлъ было оставить это безъ вниманія, но онъ, вида мое хладнокровіе, началъ, по существующей въ Россіи манерѣ, бранить моихъ родителей, уже умершихъ и которыхъ онъ никогда не видѣлъ, и жепу. Надо же было положить конецъ этой неприятной сценѣ; я принялся за свой способъ защиты и такъ ударилъ его разъ, что онъ двѣ недѣли лежалъ въ постели. Потомъ, при встрѣчѣ, онъ просилъ прощенія и не только былъ почтителемъ, но даже искалъ моего расположенія.

Я по опыту дошелъ до такого заключенія, что для пріобрѣтенія почета въ томъ обществѣ, гдѣ я находился, необходимо бить его членовъ. Таковы обычаи этихъ людей: задайте страху тѣмъ, между которыми вамъ пришлось жить, и потомъ будьте покойны на счетъ своей безопасности.

Такъ прожилъ я до весны 1779 г., не получивъ случая ѣхать въ Истербургъ, какъ я надѣялся; между тѣмъ, меня назначили командиромъ фрегата «№ 6».

Въ 1779 году черноморскій флотъ, зимовавшій въ Таганрогѣ и въ Керчи, состоялъ изъ шести малыхъ фрегатовъ, неимѣвшихъ именъ, по носившихъ нумера отъ 2 до 7 (фрегатъ № 1, погибъ еще въ 1776 году); шлюпы: «Азовъ», «Журжа», «Бухарестъ», «Мадона»; шкуны «Побѣдоносецъ» и «Екатерина»; бота-кутеры: «Хоперь», «Битюгъ», «Елена», «Самбека».

26 апрѣля я прибылъ въ Керчь и нашелъ свой фрегатъ стоящимъ на якорѣ вмѣстѣ съ прочими судами, между мысами Сунжукъ-кале и Кафо. Опять я увидѣлъ моего добраго друга Тета совершенно здороваго; а капитанъ-лейтенантъ Робертъ Галь былъ отчаянно боленъ и умеръ на другой день. Вскорѣ за тѣмъ наша эскадра, состоявшая подъ командою Микнева, по приказанію контръ-адмирала Сухотина возвратилась въ Керчь, гдѣ всѣ капитаны были назначены засѣдать въ военномъ судѣ, составленномъ надъ капитаномъ керченскаго порта Муромцевымъ и капитаномъ Тарасомъ Вороновымъ, командиромъ фрегата «№ 3»;

за допущеніе безпорядковъ въ гавани, вслѣдствіе чего сгорѣлъ этотъ фрегатъ.

Судъ продолжался до осени, послѣ чего всѣ суда наши были размѣнены по портамъ, а я опять поѣхалъ въ Таганрогъ, и наконецъ, 8 февраля 1780 г. пришелъ приказъ о моемъ переводѣ изъ Чернаго моря; 26 февраля я былъ уже въ Петербургѣ.

Служба моя въ званіи командира въ Черномъ морѣ, подъ начальствомъ адмираловъ Клокаченя, Круза и Сухотина, была для меня не потеряннымъ временемъ. Возвратясь въ Петербургъ, я представился къ графу Чернышеву и былъ принятъ имъ какъ нельзя лучше. Онъ встрѣтилъ меня такими словами: «Хорошая рекомендація, которую вы заслужили, вызываетъ меня на расположеніе къ вамъ, и опять я обещаю быть вашимъ покровителемъ. Прежде насъ раздѣляла дальность, но теперь, прошу васъ адресоваться ко мнѣ лично, и я всегда буду къ вамъ въ услугахъ». Эта встрѣча случилась въ присутствіи многихъ офицеровъ и такъ была необыкновенна, что вызвала зависть, а нѣкоторыхъ даже вооружила противъ меня; только на мое счастье, завистники и враги появились между низкими и слабыми. Тогда же я просилъ графа о назначеніи меня командиромъ судна, идущаго въ кампанію въ предстоящее лѣто; но онъ отвѣтилъ, что назначеніе уже сдѣлано, не за долго до моего приѣзда въ Петербургъ. «Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ быть назначеннымъ на одно изъ судовъ, находящихся въ Ревелѣ», сказалъ я. «И это нельзя», отвѣтилъ графъ, «тамъ нѣтъ мѣста для офицеровъ вашего чина. Да вы женаты?» спросилъ меня графъ. «Да» отвѣтилъ я. «Ваша жена въ Ревелѣ?» «Да, сэръ». «О! вскричалъ онъ, схватясь за голову: «поѣзжайте, поѣзжайте, проживите тамъ нѣкоторое время, а по возвращеніи оттуда, я дамъ вамъ фрегатъ». Въ это время подошелъ секретарь адмиралтейства и сказалъ графу, «что мнѣ дорого будетъ стоить проѣздъ, а что есть надобность послать въ Ревель деньги 18500 руб., для находящейся тамъ эскадры». «Очень радъ, очень радъ, закричалъ графъ, обратясь ко мнѣ, — примите прощанія деньги туда и обратно, желаю вамъ приятной встрѣчи, застать жену и родныхъ въ добромъ здоровьи, а когда воротитесь, я вамъ непременно дамъ фрегатъ; прощайте!» Секретарь сказалъ мнѣ, что деньги будутъ готовы не ранѣе трехъ дней, а потому я воспользовался этимъ временемъ, поѣхалъ въ Кронштадтъ навѣстить адмирала Грейга, Барча, Круза и сверхъ ожиданія встрѣ-

тилъ тамъ своего тестя Нокса. Отъ него я узналъ о здоровьи моей жены. 9 марта я отправился въ Ревель, прибылъ туда 14, а черезъ двѣ недѣли уже возвратился въ Петербургъ.

7 апрѣля, я поѣхалъ въ Кронштадтъ, представился адмиралу Грейгу; онъ хотѣлъ назначить меня подъ команду капитана Дугдала, но это не состоялось; послѣ того, онъ назначилъ меня въ должность капитанъ-лейтенанта на корабль «Слава Россіи», подъ команду капитана Васакова, но и то было не на долго; я получилъ въ командованіе 32 пуш. фрегатъ «Послѣдній», не вооружившись къ предстоящей кампаніи, а потому я предложилъ женѣ своей, жившей до того въ Ревелѣ, переселиться въ Кронштадтъ. Добрый мой землякъ и покровитель адмиралъ Грейгъ далъ мнѣ хорошую казенную квартиру.

Вскорѣ приѣхала ко мнѣ моя жена, на купеческомъ судѣ; я былъ совершенно спокоенъ, какъ вдругъ случилось обстоятельство, нарушившее нѣсколько мой комфортъ. Капитанъ-лейтенантъ Ки...скій былъ женатъ на особѣ, служившей нѣкогда горничною дѣвушкою у адмиральши Грейгъ. Доброта адмиральши до того простиралась къ своей прежней прислугѣ, что она далъ ей помѣщеніе въ своемъ собственномъ домѣ на орапсенбаумскомъ берегу; по г-жа Ки...ская завладела такъ, что начала даже грубить своей благодѣтельницѣ и бывшей баринѣ; весьма натурально, что это разсердило адмиральшу, вслѣдствіе чего она предложила ей выѣхать изъ дому. По видимому, это недолжно было касаться меня, но занимаемую мною квартиру отдали к. л. Ки...скому, а мнѣ вѣрно было перебраться въ частную. Посердась на Грейга, но въ то же время сознавая, что онъ поступилъ справедливо, потому, что Ки...скій сперва жилъ въ этой квартирѣ, я, хотя и противъ воли, но перебрался. На повоселѣ у меня родился сынъ Томасъ, воспріемниками были контръ-адмиралъ Крузь и теща капитана Томаса М—Кензи.

Весною 1782 года я назначенъ былъ командиромъ 32 пуш. фрегата «Надежда», готовившагося въ походъ. Фрегатъ былъ совершенно новый, и мнѣ нужно было послѣпить вооруженіемъ, чтобы быть готовымъ къ выходу на рейдъ съ другими судами флота.

Въ этотъ годъ вооружались двѣ эскадры. Одна, подъ начальствомъ вице-адмирала Чичагова, готовилась идти въ Средиземное море, а другая, къ которой принадлежалъ и мой фрегатъ,

назначалась въ крейсерство въ Нѣмецкое море, подъ начальствомъ контръ-адмирала Круза.

Къ июню обѣ эскадры стояли на рейдѣ, а 20 числа того же мѣсяца, въ одно время снявшись съ якоря, пошли въ Копенгагенъ. Изъ Копенгагена вышли то же вмѣстѣ и разлучились только въ Нѣмецкомъ морѣ, при крѣпкомъ вѣтрѣ съ пасмурностью, при чемъ корабль «Побѣдоносецъ» эскадры Чичагова, по ошибкѣ долго держался съ нами. Пасмурность продолжалась нѣсколько дней; когда же прочистилось, панъ адмиралъ началъ приближаться къ датскому берегу; но такъ какъ при противномъ вѣтрѣ мы подвигались очень медленно, то стали на якорь. Когда же стихло, адмиралъ потребовалъ командировъ и сообщилъ намъ свое намѣреніе идти въ Христианзандъ. На этомъ пути я имѣлъ несчастіе сойтись съ шведскимъ купеческимъ судномъ, причиною чему была беспечность вахтеннаго офицера лейтенанта Стерлинга. При этомъ случаѣ у меня переломилсѣ грота-рей, и много стоило трудовъ исправить его, дабы въ то же время не отстать отъ эскадры; и я пришелъ въ Христианзандъ вмѣстѣ съ другими, гдѣ совершенно исправилъ свое поврежденіе.

6 сентября адмиралъ сдѣлалъ сигналъ изготовиться сняться съ якоря для слѣдованія въ Гельсингоръ, но снялись мы не раньше 8-го. Но выходъ нашъ изъ Христианзанда, вечеромъ, въ тотъ же день задулъ крѣпкій противный вѣтеръ съ густою пасмурностію и разединилъ всѣ суда нашей эскадры, такъ что 14 числа адмиралъ пришелъ въ Гельсингоръ одинъ; въ тотъ же день, вечеромъ, пришли фрегатъ и корабль, вѣдѣ за ними мой фрегатъ, два корабля на другой день, а остальной корабль пришелъ не раньше какъ чрезъ два дня. Когда же собралась вся наша маленькая эскадра, мы перешли въ Копенгагенъ, запаслись провизіею и чрезъ два дня отправились въ Кронштадтъ, куда пришли 21 сентября. Такъ кончилось наше крейсерство.

1 января 1783 года меня произвели въ капитаны 2 ранга.

Всѣ пожалованные въ слѣдующіе чины отправились въ Петербургъ, чтобы по существующему обыкновенію принести благодарность. 3 числа мы представились графу Чернышеву, а 8-го онъ представилъ насъ Его Высочеству Великому Князю Павлу Петровичу и Ея Высочеству Великой Княгинѣ. Послѣ сего мы долго стояли въ большой залѣ, въ ожиданіи выхода изъ церкви Императрицы; наконецъ, Государыня вышла, принимала благодарность,

дала намъ поцѣловать свою руку, а на другой день мы возвратились въ Кронштадтъ.

Весною этого года я былъ назначенъ командиромъ 66 пуш. корабля «Не тронь меня», готовившагося идти въ Средиземное море. Въ половинѣ мая, я только лишь перешелъ изъ военной въ такъ называемую среднюю гавань, для припрятія провизіи и окончательнаго вооруженія, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что английскій и французскій дворы не позволяютъ нашему флоту пройти чрезъ Британскій каналъ, а потому на судахъ нашей эскадры работы были прекращены. Въ половинѣ іюня намъ опять было велѣно идти на рейдъ; но въ тотъ же вечеръ адмиралъ Грейгъ прислалъ ко мнѣ своего адъютанта съ приказаніемъ оставаться въ гавани, впредь до письменнаго о томъ приказа. Въ это время Императрица уѣзжала на свиданіе съ королемъ шведскимъ, а мы стояли безъ дѣла въ гавани, не зная сегодня, какое распоряженіе будетъ завтра.

Между тѣмъ, въ Петербургѣ въ адмиралтействъ-коллегіи была большая дѣятельность, или новыя назначенія. Свѣтлѣйшій князь Потемкинъ потребовалъ капитановъ, офицеровъ и матросовъ, для строящихся въ Херсонѣ семи кораблей. Я былъ изъ числа выбранныхъ семи капитановъ; тогда же начались отправления партій командъ въ Херсонъ, и распоряжавшійся этимъ адмиралъ Сенявинъ назначилъ меня идти съ послѣднею партіею.

Я выступилъ изъ Петербурга въ началѣ августа и, слѣдуя съ партіею, узналъ, что въ Херсонѣ свирѣдствуетъ чума, а потому, дойдя до селенія Кринка (отстоящаго отъ Херсона всего на 55 верстѣ), гдѣ была расположена карантинная стража, счелъ за лучшее остановиться, ибо боялся, чтобы чума не произвела большаго опустошенія въ моей командѣ, и просилъ начальника тамошняго карантиннаго кордопа, подполковника барона Бирвенца, содѣйствовать моему намѣренію. Въ тотъ же день былъ посланъ гусаръ его полка къ вице-адмиралу Клокачеву съ донесеніемъ о моемъ прибытіи съ партіею, причемъ я просилъ адмирала дать мнѣ предписаніе оставаться въ Кринкѣ, или слѣдовать къ мѣсту назначенія. Посланный возвратился съ приказаніемъ идти въ Херсонъ, куда я и прибылъ 22 сентября, когда чума была въ полной силѣ. Вице-адмиралъ Клокачевъ поручилъ мнѣ заведываніе командами фрегатовъ, транспортныхъ и другихъ мелкихъ судовъ.

15 октября умеръ Клокачевъ, его должность временно занялъ бригадиръ Муромцевъ, а въ январѣ прибылъ къ намъ главнымъ командиромъ вице-адмиралъ Сухотинъ.

Осенью пришелъ приказъ Потемкина, по которому всеѣмъ офицерамъ, прослужившимъ въ Черномъ морѣ три года, дозволялось выѣхать въ Петербургъ. Въ числѣ воспользовавшихся этимъ правомъ былъ другъ мой Егоръ Тетъ, Макаровъ и капитанъ Джиббсъ (Gibbs), командовавшій стоявшимъ еще на стапеляхъ кораблемъ «№ 3,» и меня назначили на его мѣсто. Въ то время наступили значительные холода, чума начала мало по малу ослабѣвать и наконецъ совершенно исчезла.

Въ маѣ пріѣзжалъ князь Потемкинъ, осматривалъ все произведенныя устройства и строенія судовъ, и остался совершенно доволенъ хорошимъ исполненіемъ его предназначеній.

Потерявъ всякую надежду возвратиться на сѣверъ, я пригласилъ къ себѣ жену свою, а тутъ кстати добрый адмиралъ Сухотинъ далъ мнѣ хорошую квартиру и я устроилъ ее по возможности комфортабельно. 7 сентября жена моя дала мнѣ знать о своемъ прибытіи въ мѣстечко, гдѣ находилась карантинная застава, и въ то же время увѣдомила меня, что старшій сынъ нашъ Веніаминъ боленъ оспою. Самъ я, страдая ревматизмомъ, едва ходилъ по комнатѣ, а потому просилъ друга своего, капитана Петра Клавера, жена котораго ѣхала съ моею женою, взять на себя попеченіе и о моемъ семействѣ. Больныхъ трудовъ стоило Клаверу упросить генералъ-лейтенанта Гудовича дозволить имъ выѣхать въ городъ. Въ 7 часовъ вечера пріѣхало ко мнѣ мое семейство; чрезъ нѣсколько минутъ послѣ сего скончался мой старшій сынъ, а у младшаго показались признаки той же болѣзни. Степень нашего отчаянія трудно описать; но Богъ спасъ насъ надъ нами, оставилъ намъ нашего маленькаго Томаса. Вскорѣ затѣмъ съ нашего дома снятъ былъ карантинъ, и мы мало по малу стали свыкаться съ понесенною нами потерею.

19 января 1785 г. пріѣхалъ курьеръ съ приказами о повышеніяхъ нѣкоторыхъ офицеровъ; между прочими не обошли радостью и меня. Я былъ произведенъ въ капитаны 1 ранга. При этомъ графъ Чернышевъ, президентъ адмиралтейства, прислалъ мнѣ собственноручное письмо, которымъ поздравлялъ съ повышеніемъ. Разстояніе 2000 верстъ не помѣшало графу вспомнить обо мнѣ, и это послѣднее обстоятельство очень ободрило меня.

Юня 16-го мой корабль, названный «Марія Магдалина», былъ спущенъ на воду. Въ половинѣ августа онъ поставленъ на камели и приведенъ къ глубокой пристани, откуда по окончаніи вооруженія долженъ былъ отправиться къ Кинбурну, а потомъ въ Севастополь.

14 октября я былъ уже совершенно готовъ къ походу, и вице-адмиралъ Сухотинъ сдѣлалъ мнѣ смотръ, послѣ чего онъ обѣдалъ у меня. Со мною отирались моя жена и сынъ. По отъѣздѣ адмирала я спялся съ якоря, но задувной крѣпкій противный вѣтеръ припудилъ меня стать снова на якорь. На другой день при тихомъ попутномъ вѣтрѣ, я перешелъ къ Очакову (*), а 16-го къ Кинбурну, гдѣ, погрузивъ остальные орудія, провизію и прочіе матеріалы, которые до сего времени по мелководію не были на кораблѣ, я вышелъ-было въ море; но вѣтеръ стихъ и удержалъ меня нѣсколько дней у Кинбурна. Я воспользовался этимъ случаемъ—сѣзидилъ осмотрѣть крѣпость. Наконецъ, 11 ноября, получивъ хорошій фордевиндъ, пошелъ въ Севастополь, куда пріѣхалъ около полудня 17 числа. Лишь только я бросилъ якорь, пріѣхалъ ко мнѣ контръ-адмиралъ М-е-Кензи (M-e-Kenzie) поздравить съ приходомъ, и ему, какъ главному начальнику въ Севастополѣ, я отсалютовалъ 7 выстрѣлами.

Въ новостроющемся городѣ Севастополѣ не было для насъ квартиръ, а потому до декабря мѣсяца мнѣ пришлось жить на кораблѣ съ семействомъ, что, признаюсь, не совсемъ было удобно (**), и такъ какъ погоды стояли очень холодныя, то 6 декабря я перѣхалъ въ маленькій собственныи домикъ адмирала М-е-Кензи за 10 руб. въ мѣсяцъ, что, какъ онъ самъ говорилъ, сдѣлалъ только для земляка.

М-е-Кензи по особенному ко мнѣ расположенію посовѣтовалъ мнѣ строить домъ, и для того приказалъ моимъ людямъ колоть

(*) Жена моя находилась въ ожидательномъ положеніи. Во время перехода къ Очакову я былъ почти постоянно наверху. Вскорѣ по снятіи съ якоря ко мнѣ подошла моя жена и, жалуясь на нездоровье, сказала, что хочетъ отдохнуть и просила не входить въ ее каюту. Черезъ нѣсколько минутъ она родила сына, но объ этомъ я узналъ часа черезъ два.

(**) Мой новорожденный сынъ былъ очень слабъ, а потому я торопился окрестить его и за немѣнѣемъ въ Севастополѣ пастора, самъ совершилъ обрядъ. Новорожденный названъ былъ Веніаминомъ, М-е-Кензи былъ крестнымъ отцомъ. Обрядъ совершилъ на кораблѣ, а вскорѣ по сѣздѣ наметъ на берегъ, 19 декабря, новорожденный скончался отъ простуды.

и носить камень. Этот добрый человек имѣлъ несчастную страсть и, въ наступившіе праздники Рождества, какъ-то особенно много пилъ; 6 января слегъ въ постель и много разъ выражалъ желаніе сдѣлать духовное завѣщаніе, причѣмъ выбралъ меня въ душеприкащикъ, но, не успѣвъ исполнить своего желанія, умеръ 12 января 1786 г. За немѣнѣемъ священника, я читалъ надъ нимъ отиѣвальные молитвы, а въ церемоніи былъ маршаломъ. Процессію дирижировалъ Марко Ивановичъ Войновичъ.

Вскорѣ затѣмъ новый панъ главный начальникъ, капитанъ Войновичъ, предложилъ мнѣ строить большой домъ и обѣщалъ содѣйствовать чѣмъ только можетъ, далъ мѣсто и 28 февраля я заложилъ домъ въ 70 футовъ длины и въ 40 ширины; къ 1 мая началъ стлать крышу. Тогда же мнѣ случилось дешево купить (за 185 руб.) маленький каменный домикъ; я переехалъ туда изъ дома М-е Кензи (принадлежавшаго тогда прежде бывшему хозяину, Солли), а 20 декабря я переехалъ въ свой отстроенный большой домъ, и такъ какъ то былъ день рожденія моея жены, то по этому случаю у меня былъ балъ.

20 декабря вечеромъ пріѣхалъ къ намъ князь Потемкинъ, осматривалъ устройство гавани и адмиралтейства. Войновичъ, въ присутствіи капитановъ Мордвинова и Алексіано, предложилъ мнѣ продать въ казну мой большой домъ и самъ оцѣнилъ его въ 2500 руб., и о покупке этой оны просилъ Потемкина; но князь позволилъ ему жить въ домѣ, назначенномъ для адмираловъ, и послѣ того о покупке моего дома не было рѣчи. Потемкинъ, уѣзжая, объявилъ намъ, что весною Императрица намѣрена предпринять путешествіе въ Крымъ.

Наступилъ 1787 г. и съ приближеніемъ весны, усилилась дѣятельность всѣхъ живущихъ въ Севастополѣ. Все готовилось встрѣтить Императрицу. Къ 25 апрѣля, флотъ стоялъ на рейдѣ, выровнявшись въ линію. Прежде чѣмъ пріѣхать Государыни, присланъ былъ приказъ, по которому многіе изъ офицеровъ флота получили слѣдующіе чины; капитаны Мордвиновъ и Войновичъ произведены въ контръ-адмиралы; Ушаковъ и Алексіано въ бригадиры и много другихъ производствъ; я же остался капитаномъ 1 ранга въ своемъ мѣстѣ.

Наконецъ, въ субботу 22 мая, пріѣхала къ намъ Императрица, привѣтствуемая громомъ пушекъ береговыхъ батарей и кораб-

лей, стоявшихъ на рейдѣ. Жители города привѣтствовали свою Монархиню криками радости.

Когда Императрица вышла на берегъ, Потемкинъ представилъ ей адмираловъ, капитановъ, прочихъ значительныхъ чиновъ города, и мы удостоились цѣловать ея руку.

На другой день она была въ маленькой городской церкви у обѣдни, послѣ чего принимала представленныхъ ей, штатсъ-дамою графиню Скавропскою, почтенныхъ дамъ, живущихъ въ Севастополѣ; между ними была и мистрисъ Тиздель. Въ полдень мы были приглашены къ обѣду, и мнѣ, въ первый разъ въ жизни, случилось сидѣть за однимъ столомъ съ Императрицею. Послѣ обѣда она посѣтила флагманскій 66 пуш. корабль «Слава Екатерины», подняла на немъ штандартъ, причѣмъ съ батареей и кораблей салютовали изъ всѣхъ орудій. Императрица осталась совершенно довольна—въ батареяхъ и во флотѣ она видѣла сильную защиту своихъ владѣній въ Крыму.

Въ понедѣльникъ 24-го Императрица оставила Севастополь. При отъѣздѣ опять былъ общій салютъ и крикъ народа.

Во время пребыванія Государыни въ Севастополѣ гофмаршалъ князь Барятинскій жилъ въ одной половинѣ моего большого дома, а въ другой генералъ-адъютантъ графъ Ангальтъ; въ маленькомъ моемъ каменномъ домѣ жило нѣсколько лицъ свиты Императрицы. Эти три дня жена моя жила въ комнатѣ, находившейся за кухней, и такимъ сѣщеніемъ я былъ очень недоволенъ. Сперва было назначено, что въ одной половинѣ моего большого дома помѣстится графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, но по нѣкоторому особенному обстоятельству, о которомъ я узналъ впоследствии, графъ съ своею дочерью намѣръ-фрейлиною Императрицы, доѣхалъ только до Херсона (*).

Черезъ нѣсколько дней по отъѣздѣ Императрицы, нашему флоту приказано было изготвиться къ походу.

20 июля корабль мой, въ эскадрѣ подъ командою бригадира Паниота Алексіано, отправился въ крейсерство по западную сто-

(*) Мы разсматривали всѣ до сихъ поръ напечатанныя сочиненія, заключающія въ себѣ свѣдѣніе о путешествіи Императрицы Екатерины II по Россіи, но нигдѣ не могли отыскать причины, по которой Чернышевъ и его дочь доѣхали только до Херсона. Въ сочиненіи: «Mémoires du comte de Segure» и «Pensées du prince de Ligne», заключается много интересныхъ подробностей объ этомъ путешествіи, но о графѣ Чернышевѣ и его дочери нѣтъ ни слова. Прим. перес.

ропу Крыма, а другая эскадра, подъ командою бригадира Ушакова, вышла въ крейсерство по южную сторону.

2 августа вышелъ въ море контръ-адмиралъ Войновичъ съ остальною частью флота; къ нему присоединились эскадры Алексіано и Ушакова, и онъ принялъ командованіе всѣмъ черноморскимъ флотомъ. Крейсерство наше было непродолжительно; 10 числа пришелъ къ эскадрѣ тендеръ съ допесеніемъ къ адмиралу, что по случаю ожидаемаго разрыва съ Турціею, всему флоту вслѣбно возвратиться, и на другой день мы пришли въ Севастополь.

Въ Севастополѣ мы паливались водою, и спустя немного дней, бригадиру Алексіано приказано было съ отрядомъ, къ которому принадлежалъ и мой корабль, идти для обозрѣнія турецкаго флота, находившагося, по слухамъ, у Очакова.

22 августа мы были совершенно готовы идти по назначенію, но на бѣду, въ предшествующую ночь, при нашемъ шквалѣ, съ дождемъ и снѣгомъ, у нашего флагманскаго корабля лопнулъ кабельтовъ отъ верпа, на которомъ онъ стоялъ. Это вѣроятно произошло отъ дремоты вахтеннаго офицера, опоздавшаго бросить якорь; оно бы еще ничего, но Алексіано вздумалъ отыскивать верпъ, брошенный безъ томбуя. Эта исторія продолжалась 5 часовъ и безуспѣшно, между тѣмъ дулъ попутный вѣтеръ, съ которымъ могли бы уйти далеко, но пришелъ полдень, вѣтеръ стихъ, задулъ въ бухту; тогда мы по неволѣ остались. Потомъ вѣтеръ скрѣпчалъ и дулъ до 24 числа. 24 числа адмиралъ Войновичъ получилъ увѣдомленіе отъ князя Потемкина, что Турція объявила Россіи войну, а потому ему повелѣвалось идти въ море со всѣмъ флотомъ, отыскивать повсюду флотъ турецкій, стараться вступить съ нимъ въ сраженіе, разбить, потопить, сжечь, вообще, буде то возможно, вредить непріятелю на сушѣ и на морѣ (*).

Суда начали готовиться къ военнымъ дѣйствіямъ. Въ то же время на берегу усиливали оборону города и порта; по обѣимъ сторонамъ входа были поставлены батареи.

(*) «Подтверждаю вамъ», писалъ Потемкинъ графу Войновичу, «собратъ всѣ корабли и фрегаты и стараться произвести дѣло, ожидаемое отъ храбрости и мужества вашего и подчиненныхъ вашихъ. Хотя бы всѣмъ погибнуть, но должно показать свою неустрашимость къ назначенію и истребленію непріятеля. Сіе объявите всѣмъ офицерамъ вашимъ. Гдѣ увидите флотъ турецкій, атакуйте его, во что бы ни стало, хотя бы всѣмъ пропасть». (Взято нами изъ книги «Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова», стр. 52).

Прим. перс.

30 августа мы готовились выйти, но былъ поведѣльникъ, — у русскихъ этотъ день считается неблагопріятнымъ для начала какихъ либо предпріятій, а тѣмъ болѣе важныхъ; къ тому же это былъ день Св. Кнзя Александра Невскаго; мы остались на якорѣ до другаго дня. Я былъ очень радъ, поѣхалъ на берегъ и провелъ пріятно время съ семействомъ. Наконецъ пришелъ часъ разгаванія. Я благословилъ своего маленькаго Томаса, тогда уже спавшаго, и въ сопровожденіи жены пошелъ къ пристани, гдѣ ожидалъ меня катеръ. «Прощай, дорогая Сарра», сказалъ я женѣ. «Предчувствіе чего-то не добраго тяготитъ мою душу; что-то такое должно случиться со мною въ это плаваніе, и мнѣ кажется, я никогда болѣе не увижу тебя». Поцѣловавъ жену, я поспѣшилъ отвалить, оставивъ ее плачущею на пристани.

31 августа рано утромъ, флотъ вышелъ изъ бухты и, положе гротъ-марсель на стеньгу, поджидалъ корабль «Св. Павелъ» почему-то замедлившій на рейдѣ. Въ это время проходили три турецкія купеческія судна; одно изъ нихъ, конечно по невѣдѣнію, перерѣзало линію нашихъ кораблей. Оно было остановлено адмираломъ и по свозу съ него людей разбито и оставлено на произволъ моря. Другія два, видя участь своего товарища и будучи довольно далеко, поспѣшили скрыться по направленію къ азиатскому берегу.

Послѣ столь геройскаго подвига и по присоединеніи къ намъ корабля «Св. Павелъ», мы, наполнивъ гротъ-марсель, взяли курсъ SW.

Въ Севастополѣ остались два 44 пуш. фрегата: «Осторожный» и «Поспѣшный», нѣсколько малыхъ фрегатъ, бомбарда и другія мелкія вооруженныя суда.

Нашу эскадру составляли:

Корабли:

- 66 пуш. «Слава Екатерины», контръ-адмиралъ Марко Войновичъ.
- 50 пуш. «Св. Андрей», бригадиръ Паніота Алексіано (второй флагманъ).
- 6 пуш. «Св. Павелъ», бригадиръ Федоръ Ушаковъ (третій флагманъ).
- 66 пуш. «Марія Магдалина», капитанъ Веніаминъ Тизель.
- 50 пуш. «Св. Георгій», капитанъ Иванъ Кусаковъ.

Фрегаты:

- 44 пуш. «Делій», капитанъ Робертъ Вильсонъ.
- 44 пуш. «Побѣда», капитанъ Федоръ Заостровскій.
- 44 пуш. «Крымъ», капитанъ-лейт. Николай Семеновъ.
- 44 пуш. «Стрѣла», капитанъ-лейт. Федоръ Поскочинъ.
- 44 пуш. «Перуны», капитанъ-лейт. Илья Осиповичъ.

1 сентября, въ 11 часу утра, адмиралъ потребовалъ командировъ судовъ. Когда всѣ собрались, онъ объявилъ намъ свое намѣреніе идти сперва къ сѣверу отъ Варны, а оттуда къ южному берегу, такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ онъ предполагалъ найти турецкую эскадру; въ случай же продолжительной пасмурности, тумана, шторма и другихъ обстоятельствъ, могущихъ разлучить наши суда, сборнымъ мѣстомъ назначается Козловская бухта. Потомъ приказалъ намъ взять съ собою по одному лѣбному турку, изъ взятыхъ наканунѣ съ купеческаго судна, и возвратиться на свои корабли.

Вечеромъ того же дня задулъ крѣпкій W съ дождемъ, а потому 2-го утромъ, флотъ нашъ пошелъ въ Козловскую бухту, и не смотря на то, что намъ пришлось два раза класть по другому якорю, мы успѣли взять воды, мяса и зелени.

4 сентября адмиралъ потребовалъ командировъ и опять ограничился только словесными приказаніями. Онъ объявилъ, что намѣренъ идти прямо къ южному берегу, и приказалъ быть готовыми сняться съ якоря. Я совѣтовалъ ему остаться на якорѣ до 12 или 13 числа, пока выдуютъ равноденственные вѣтры, послѣ чего можно надѣяться на продолжительную хорошую погоду, при чемъ будетъ удобнѣе располагать движеніями флота и лучше выполнить данное ему порученіе. «Слова ваши — бабы сказки, я надѣюсь на моихъ капитановъ», было отвѣтомъ адмирала. Послѣ этого, что было говорить! Возвратясь на корабль, я передалъ моему капитанъ-лейтенанту намѣреніе Войновича, равно мой совѣтъ и полученный отвѣтъ.

5-го числа, въ воскресенье, мы вышли изъ Козловской бухты и при тихомъ вѣтрѣ O, взяли курсъ къ южному берегу. До 7-го числа вѣтеръ былъ тихій и переменчивый; плаваніе наше не заключало въ себѣ ничего особеннаго. 7 сентября, въ 3 часа по полудни, выйдя на верхъ, я нашелъ, что мы много отстали отъ своего мателота, по причинѣ дурной брасовки парусовъ, а потому сдѣлалъ замѣчаніе вахтенному лейтенанту Сахарову. Сахаровъ отвѣтилъ, что онъ лучше не умѣетъ. — «Если вы не умѣете, то старайтесь выучиться», сказалъ я ему. — «Мнѣ нѣтъ надобности учиться, я выхожу въ отставку», возразилъ онъ. — «Тогда вы еще болѣе должны стараться, — чтобы при отставкѣ получить хорошій аттестатъ». «Ни чьихъ аттестатовъ мнѣ испужно, а самъ я собой доволенъ», отвѣтилъ онъ. Однако же я посовѣ-

товать ему исполнять свой долгъ, пока онъ еще въ службѣ. Этому нашему оригинальному разговору были свидѣтелями мичмана Алексіано и Велизаровъ.

8 сентября, утромъ, вѣтеръ перешелъ къ SW и постепенно крѣпчалъ. Впереди былъ видѣнъ берегъ, намъ казалось даже, что подъ нимъ стоять суда; но въ полдень, подойдя къ нему на разстояніе 5, 6 миль, мы хорошо видѣли береговья возвышенности, тянущіяся отъ SW къ NW, а суда исчезли. Эскадра наша лежала лѣвымъ галсомъ. Въ это время, не знаю отчего, на кораблѣ «Св. Георгій» сломалась форъ-брамъ-стенга. Адмиралъ сдѣлалъ сигналъ всѣмъ поворотить. Я поворотилъ на правый галсъ въ 12½ часовъ; въ этотъ моментъ нашелъ крѣпкій шквалъ отъ W, который, перейдя къ NW, задулъ съ порывами и съ дождемъ. Мы лежали на WSW правымъ галсомъ. Вскорѣ за тѣмъ я видѣлъ шлюпку, идущую съ корабля Ушакова къ адмиральскому кораблю. Въ 2 часа корабль «Св. Георгій» перемѣнилъ форъ-брамъ-стенгу.

Въ 4 часа по полудни вѣтеръ перешелъ опять къ W, адмиралъ выпалилъ двѣ пушки и сдѣлалъ сигналъ поворотить на лѣвый галсъ. Вскорѣ послѣ поворота взяли у марселей первый рифъ и спустили брамъ-реи. Пройдя продолжительный крѣпкій штормъ, я приказалъ артиллерійскому офицеру, Дмитрію Рубетсу, осмотрѣть пушечные порты и хорошо ли закрѣплены орудія, и самъ ходилъ провѣрять, какъ выполнили мое приказаніе.

Въ 6 часовъ вечера взяли у марселей всѣ рифы. Въ семь закрѣпили кюсель, а въ 9 ч. форъ-марсель и гротъ. Къ ночи мы имѣли одинъ зарифленный гротъ-марсель, бизань, фокъ и фокъ-стагсель. Вѣтеръ былъ уже NW и мы лежали лѣвымъ галсомъ на NNO. Въ часъ по полночи я закрѣпилъ гротъ-марсель. Вѣтеръ дулъ сильными порывами, волненіе развело большое и подавало черезъ бортъ; вода въ кораблѣ прибывала; пасмурность была такъ густа, что въ продолженіе всей ночи я очель рѣдко видѣлъ огни адмираловъ Войновича и Ушакова; а съ разсвѣтомъ мы уже не видали ни одного судна нашей эскадры.

9 сентября, утромъ, боясь, чтобы не растрепало дурно закрѣпленную подвѣтренную часть гротъ-марселя, я послалъ людей переукрѣпить его, но они, проработавъ тамъ довольно долго, сошли внизъ и объявили мнѣ, что не могутъ ничего сдѣлать.

Въ это утро я въ первый разъ замѣтилъ своего капитанъ-лейтенанта Перелешина не въ должномъ видѣ, что крайне огорчило меня. Онъ нѣсколько разъ подходилъ ко мнѣ на инканци съ предложеніемъ убрать фокъ, полагая, что этотъ парусъ обременяетъ мачту. Я, напротивъ, старался увѣрить его въ напрасномъ безпокойствѣ, ибо корабль нашъ такъ еще крѣпокъ, что ему не тяжело держать рангоутъ и фокъ, имѣя двойную основу шкотовъ и галсовъ, что я приказалъ сдѣлать готовясь къ осеннему плаванію, не представляеть никакихъ причинъ за него опасаться. Къ этому я прибавилъ, что судно, имѣющему паруса, легче на волнении, но онъ все таки остался при своемъ мнѣніи и ушелъ весьма недовольный мною.

Въ 8 часовъ утра воды въ трюмѣ было уже 38 дюймовъ. Отъ постоянного дѣйствія одна изъ ручныхъ помпъ испортилась, а потому я приказалъ выкачивать воду цѣпными помпами, и самъ пошелъ посмотреть — успѣшно ли будетъ ихъ дѣйствіе. Въ это время подошелъ ко мнѣ лейтенантъ Степанъ Ивановичъ Глушаниновъ и донесъ, что пасмурность нѣсколько очистилась и что подъ вѣтромъ видны два корабля, одинъ безъ мачтъ, а другой безъ стеновъ. Я посиѣшилъ удостовѣриться въ этомъ и съ своего балкона съ помощію трубы видѣлъ корабль (припитый мною за «Славу Екатерины») безъ мачтъ и бушприта, одинъ фрегатъ безъ стеновъ, и еще какія-то суда съ поврежденнымъ рангоутомъ. Одинъ изъ нихъ находился нѣсколько впереди, а другой позади моего подвѣтреннаго траверза; но въ какими они были парусами, я за пасмурностію разглядѣть не могъ и въ тотъ же моментъ опять все закрыло, послѣ чего мы уже болѣе ни разу не видѣли ни одного судна нашей эскадры (*).

Я призвалъ къ себѣ капитанъ-лейтенанта Перелешина и сказалъ ему о видѣнныхъ мною судахъ безъ рангоута. «Не безпокойтесь, не бойтесь, все будетъ хорошо», закричалъ онъ. — «Не думайте», сказалъ я ему, «чтобы я когданибудь боялся за себя; но вы должны познать причину моего безпокойства въ настоящее время. Корабль адмиральскій безъ

(*) Предлагаемъ обратиться къ книгѣ «Жизнь адм. Ф. Ф. Ушакова», гдѣ съ большою подробностію разсказано положеніе, въ которомъ находились суда эскадры Войновича (ст. 53).

Прим. перев.

мачтъ, большая часть судовъ нашихъ тоже имѣетъ поврежденія въ рангоутѣ, и потому я боюсь, что такое положеніе нашего флота потребуетъ большихъ исправленій, и тѣмъ упустится время, въ которое мы бы могли выполнить данное намъ порученіе. Теперь же, турки воспользуются этимъ и будутъ дѣлать все, что захотятъ, во всякомъ мѣстѣ крымскаго берега, и я увѣренъ, что Войновичъ раскаивается, не припавъ моего совѣта, который онъ называлъ бабьей сказкой. Теперь приказываю вамъ: уберите фокъ; но не думайте, что я перемѣнилъ свое мнѣніе о безопасности его для мачты и о той пользѣ, которую онъ приносить намъ при нашемъ настоящемъ положеніи. Теперь мы должны имѣть меньше парусовъ затѣмъ, чтобы не удаляться отъ другихъ кораблей, которые, какъ мы сейчасъ видѣли, находятся въ весьма опасномъ состояніи; мы должны быть готовы буксировать ихъ къ порту, когда то позволитъ погода и наше собственное положеніе. Ступайте на бакъ и сами уберите фокъ, со всеми должными предосторожностями». И что же! Онъ отдалъ сперва фок-шкотъ, разорвалъ парусъ въ куски, потомъ, придя ко мнѣ, наивно извинился. Какъ мнѣ было не сказать ему, что онъ глупъ, неопытенъ и упрямъ? Между тѣмъ меня продолжалъ безпокоить дурно закрѣпленный марсель, а потому я приказалъ мичману Федору Алексіану взять 14 или 16 человекъ, идти съ ними и перекрѣпить. Это приказаніе Алексіановъ исполнилъ скоро и хорошо. Но лишь только исправили одну бѣду, случилась другая. У фоксовыхъ вантъ сломились двѣ вантъ-путены. Я приказалъ положить въ помощь буйрепы и тали; тоже самое я велѣлъ сдѣлать у всѣхъ нижнихъ вантъ гротъ и бизань-мачты.

Положеніе наше было очень нехорошо; большую часть команды, состоявшую преимущественно изъ рекрутъ, небывшихъ никогда въ морѣ, укачало (*). Потомъ мнѣ сказали, что укачало даже моего лучшаго боцмана Ульянова, чему я конечно не повѣрилъ, а потому велѣлъ доктору освидѣтельствовать его, и не смотря на то, что его нашли совершенно здоровымъ, онъ не выходилъ наверхъ, продолжалъ притворяться больнымъ. (Впоследствии я узналъ отъ него самаго, что онъ сдѣлалъ это въ

(*) На кораблѣ «Марія Магдалина», три четверти команды состояли изъ рекрутъ, взятыхъ въ службу въ этомъ же году, и притомъ до комплекта недоставало 160 человекъ. «Жизнь адм. Ф. Ф. Ушакова»—стр. 53. *Прим. перев.*

Въ это утро я въ первый разъ замѣтилъ своего капиталь-лейтенанта Перелешина не въ должномъ видѣ, что крайне огорчило меня. Онъ нѣсколько разъ подходилъ ко мнѣ на палубѣ съ предложеніемъ убрать фокъ, полагая, что этотъ парусъ обременяетъ мачту. Я, напротивъ, старался утирить его въ напрасномъ безпокойствѣ, ибо корабль нашъ такъ еще крѣпокъ, что ему не тяжело держать рангоутъ и фокъ, имѣя двойную основу шкотовъ и галсовъ, что и приказалъ сдѣлать готовясь къ осеннему плаванію, не представляя никакихъ причинъ за него опасаться. Къ этому я прибавилъ, что судну, имѣющему паруса, легче на волнѣхъ, но онъ все таки остался при своемъ мнѣніи и ушелъ весьма недовольный мною.

Въ 8 часовъ утра воды въ трюмѣ было уже 38 дюймовъ. Отъ постоянного дѣйствія одна изъ ручныхъ помпъ испортилась, а потому я приказалъ выкачивать воду цѣпными помпами, и самъ пошелъ посмотрѣть — успѣшно ли будетъ ихъ дѣйствіе. Въ это время подошелъ ко мнѣ лейтенантъ Степанъ Ивановичъ Глушаниновъ и донесъ, что пасмурность нѣсколько очистилась и что подъ вѣтромъ видны два корабля, одинъ безъ мачтъ, а другой безъ стенокъ. Я поспѣшилъ удостовѣриться въ этомъ и съ своего балкона съ помощью трубы видѣлъ корабль (припавшій мною за «Славу Екатерины») безъ мачтъ и бушприта, одинъ фрегатъ безъ стенокъ, и еще какія-то суда съ поврежденнымъ рангоутомъ. Одинъ изъ нихъ находился нѣсколько впереди, а другой позади моего подвѣтреннаго траверза; подъ какими они были парусами, я за пасмурностію разглядѣть не могъ и въ тотъ же моментъ опять все закрыло, послѣ чего мы уже болѣе ни разу не видѣли ни одного судна нашей эскадры (*).

Я призвалъ къ себѣ капитанъ-лейтенанта Перелешина и разсказалъ ему о видѣнныхъ мною судахъ безъ рангоута. «Не безпокойтесь, не бойтесь, все будетъ хорошо», закричалъ онъ. — «Не думайте», сказалъ я ему, «чтобы я когда нибудь боялся за себя; но вы должны понять причину моего безпокойства въ настоящее время. Корабль адмиральскій безъ

(*) Предлагаемъ обратиться къ книгѣ «Жизнь адм. Ф. Ф. Ушакова», гдѣ съ большою подробностію разсказано положеніе, въ которомъ находились суда эскадры Войновича (ст. 53).
Прим. перев.

мачтъ, большая часть судовъ нашихъ тоже имѣетъ поврежденія въ рангоутѣ, и потому я боюсь, что такое положеніе нашего флота потребуетъ большихъ исправленій, и тѣмъ упустится время, въ которое мы бы могли выполнить данное намъ порученіе. Теперь же, турки воспользуются этимъ и будутъ дѣлать все, что захотятъ, во всякомъ мѣстѣ крымскаго берега, и я увѣренъ, что Войновичъ раскаивается, не принявъ моего совѣта, который онъ называлъ бабьей сказкой. Теперь приказываю вамъ: уберите фокъ; но не думайте, что я перемѣнилъ свое мнѣніе о безопасности его для мачты и о той пользѣ, которую онъ приноситъ намъ при нашемъ настоящемъ положеніи. Теперь мы должны имѣть меньше парусовъ затѣмъ, чтобы не удаляться отъ другихъ кораблей, которые, какъ мы сейчасъ видѣли, находятся въ весьма опасномъ состояніи; мы должны быть готовы буксировать ихъ къ порту, когда то позволитъ погода и наше собственное положеніе. Ступайте на бакъ и сами уберите фокъ, со всѣми должными предосторожностями». И что же! Онъ отдалъ сперва фока-шкотъ, разорвалъ парусъ въ куски, потомъ, придя ко мнѣ, наивно извинился. Какъ мнѣ было не сказать ему, что онъ глупъ, неопытенъ и упрямъ? Между тѣмъ мени продолжалъ безпокоить дурно закрѣпленный марсель, а потому я приказалъ мичману Федору Алексіану взять 14 или 16 человекъ, идти съ ними и перекрѣпить. Это приказаніе Алексіановъ исполнилъ скоро и хорошо. Но лишь только исправили одну бѣду, случилась другая. У фоковыхъ вантъ сломались двѣ вантъ-путены. Я приказалъ положить въ помощь буйрепы и тали; тоже самое я велѣлъ сдѣлать у всѣхъ нижнихъ вантъ гротъ и бизань-мачты.

Положеніе наше было очень нехорошо; большую часть команды, состоящую преимущественно изъ рекрутовъ, небывшихъ никогда въ морѣ, укачало (*). Потомъ мнѣ сказали, что укачало даже моего лучшаго боцмана Ульянова, чему я конечно не повѣрилъ, а потому велѣлъ доктору освидѣтельствовать его, и не смотря на то, что его нашли совершенно здоровымъ, онъ не выходилъ паверхъ, продолжая притворяться больнымъ. (Впоследствии я узналъ отъ него самого, что онъ сдѣлалъ это въ

(*) На кораблѣ «Марія Магдалина», три четверти команды состояли изъ рекрутовъ, взятыхъ въ службу въ этомъ же году, и притомъ до комплекта не доставало 160 человекъ. «Жизнь ад. Ф. Ф. Ушакова»—стр. 53. Прим. перев.

досадѣ на кап.-лейт. Перелешина, за то, что тотъ, пьяный, ругалъ его родителей, обвиняя его, Ульяпова, въ разорваніи фока).

Видя распадѣніе порядка и нравственности въ командѣ, я опасался за денежный сундукъ, стоящій въ батарейной палубѣ, а потому въ предупрежденіе расхищенія суммы, приказалъ вынести его наверхъ, чтобъ онъ былъ на глазахъ вахтеннаго офицера. При качкѣ его разбило и выпавшія деньги покатались по палубѣ. Я приказалъ лейтенанту Сахарову принять мѣры къ сохраненію денегъ бѣдныхъ матросовъ; но Сахаровъ отвѣтилъ, что это не его собственность, и ему нѣтъ никакого до нихъ дѣла. Тогда я приказалъ матросамъ отнестъ сундукъ въ мою спальную каюту. (Послѣ, 13 сентября, я роздалъ деньги людямъ каждому на руки).

Къ полудню воды было 26 дюймовъ, вѣтеръ между тѣмъ крѣпчалъ, шелъ дождь, обсерваціи не было.

Въ 2 часа по полудни сломалась гротъ-брамъ-стеньга, съ обломками убрались довольно скоро, и когда кончилась эта работа, я сошелъ къ себѣ въ каюту, чтобы хотя немного отдохнуть и погрѣться, потому что, пробывъ цѣлыя сутки подъ дождемъ, чувствовалъ себя очень нехорошо, но чрезъ нѣсколько минутъ пришелъ ко мнѣ второй лейтенантъ графъ Францъ Замбекари (Zambecarie) съ испуганнымъ лицомъ и сказалъ, что вѣтеръ вдругъ усилился до степени шторма, что воды въ трюмѣ 5 футъ, и что капитанъ-лейтенантъ Перелешинъ пьяный, совершенно напрасно, безъ милосердія бьетъ людей. Въ заключеніе неутѣшительныхъ извѣстій онъ началъ меня умолять выйти наверхъ, чтобы приказать срубить гротъ-мачту. Выйдя на верхъ, я нашелъ Перелешина крѣпко пьянымъ; онъ при мнѣ упалъ на шканцахъ и, перекатываясь съ борта на бортъ, такъ ударился головой о пунку, что нѣсколько минутъ не могъ придти въ себя. Я съ констанелемъ помогли ему встать.

Вслѣдъ за тѣмъ подошли ко мнѣ всѣ офицеры и именемъ Бога начали упрашивать меня срубить гротъ-мачту и тѣмъ спасти ихъ отъ неминуемой гибели. — «Вода быстро прибываетъ», говорили они, «кораблю тяжело выдерживать качку, надо облегчить его». Я сказалъ имъ, что они сами не понимаютъ чего просятъ, предложилъ разойтись и оставить меня въ покоѣ.

Я приказалъ спустить фока и грота-реи, а чтобъ они не качались, велѣлъ положить на нихъ найтовы чрезъ сосѣдственные пушечные порты. Эта тяжелая работа въ такую качку стоила большого труда, но, благодаря Бога, все кончилось хорошо. Послѣ того сломился бизань-гафель, отъ чего корабль сталъ худо слушаться руля и качка сдѣлалась еще стремительнѣе. Въ $\frac{1}{2}$ 5 часа сломалась гротъ-стеньга и начала биться объ гротъ-ванты. На шканцахъ оставалось немного людей; я приказалъ имъ идти обрубить талрепы гротъ-стень-вантъ, но они отказались исполнить это, говоря, что ихъ посылаютъ на вѣрную смерть. Я всѣми мѣрами старался принудить ихъ къ тому, сперва угрозами, потомъ убѣжденіями; я говорилъ имъ, что такое положеніе можетъ быть для насъ гибельно, что стеньга можетъ повредить гротъ-мачту, но все было напрасно. Офицеры, вмѣсто того, чтобъ помогать мнѣ, опять начали умолять меня срубить мачту и тѣмъ спасти жизнь нѣсколькихъ сотъ людей. Къ нимъ присоединилась команда и всѣ кричали о спасеніи. Я въ свою очередь просилъ ихъ успокоиться, представлялъ имъ весь ужасъ положенія, когда мы будемъ безъ рангоута, но они не хотѣли ничего слушать. Наконецъ я сказалъ, что не вижу между ними капитанъ-лейтенанта, мнѣніе котораго мнѣ нужно знать, такъ какъ ему быть можетъ случиться, по какимъ нибудь обстоятельствамъ, принять командованіе кораблемъ, то согласится ли онъ принять его безъ рангоута? Призвали Перелешина, но этотъ несчастный даже не понималъ, что вокругъ него дѣлается, и лейтенантъ Сахаровъ замѣтилъ, что его не стоить спрашивать, какъ чловѣка совершенно пьянаго. Видя мою уклончивость и стараніе сохранить рангоуть, опять всѣ закричали: «срубите мачту, спасите насъ, мы погибаемъ!» Въ этотъ моментъ подошла большая волна, корабль качнуло, обломкомъ гротъ-стеньги ударило нѣсколько разъ по гротовымъ вантамъ, они лопнули, гротъ-мачта рухнулась и разбила въ куски всѣ суда, стоявшія въ рострахъ, шкафутныя сѣтки, а брасомъ сломило лѣвый нокъ форъ-марса-реи. Вскорѣ за тѣмъ упала бизань-мачта, разломала ютовья сѣтки съ правой стороны, кормовые фонари и все находившееся на ютѣ. Оставалась одна надежда на фокъ-мачту, но и та, полчаса спустя, упала, переломившись, въ разстояніи около 12 футъ отъ эзельгофта. При

ея паденіи даглисть, сорвавшись съ крана, повисъ на канатѣ, утлегаръ и блинда-рея переломились.

Въ это время на верху находились мой капитанъ-лейтенантъ, шатавшійся также пьяный, какъ и прежде, штурманъ Афонасій Лосевъ, да человекъ 4 матросовъ; всѣ остальные были впису, даже вахтенные лейтенантъ Сахаровъ и мичманъ скрылись куда-то. Я былъ въ затрудненіи къ кому обратиться съ приказаніемъ очистить палубу, а въ особенности бакъ, отъ груды лежавшихъ на нихъ развалинъ. Я приказалъ капитанъ-лейтенанту собрать по крайней мѣрѣ нѣмнѣ людей, но когда приступили къ работѣ, то было уже такъ темно, что надо было работать не иначе какъ съ фонарями; но при каждомъ кренѣ или носовой качкѣ, форъ-руслена и галюнь уходили въ воду, потому я рѣшился отложить работу до свѣта, а ограничился только обрубкою даглистова каната. Въ полночь выворотило бушпритъ. Въ эту ночь, на 10 сентября, вѣтеръ, перейдя къ NO, задулъ съ прежнею силою и съ дождемъ. Съ этого времени я началъ считать корабль свой погибшимъ.

Какое печальное, безвыходное положеніе! Безъ рангоута и гребныхъ судовъ, на вѣтрѣ непріятельскаго берега! Какую страшную картину полного разрушенія представляла верхняя палуба! Вдоль ростеръ лежала гротъ-мачта съ переломившимися реями; все было перепутано тавселяжемъ; кое-гдѣ торчали разломленные части гребныхъ судовъ, и вся эта куча развалинъ двигалась при каждомъ качаніи корабля. Что было на бакѣ и въ какомъ положеніи находились части переломленнаго передняго рангоута, за темнотою взглянуть было невозможно; чувствовались частые и сильные удары [обломковъ о скулы корабля, что заставляло меня торопиться очисткою носовой части. На разсвѣтѣ приступили къ этой работѣ и къ 9 часамъ она была кончена.

Въ 8 часовъ утра, воды въ корабль было 8 футъ. Съ помощью мичмановъ Федора Алексіана и Саранда Велизарова, я поднялъ форъ-брамсель на оставшейся части фокъ-мачты, съ намѣреніемъ спуститься на фордевиндъ, на время, пока будутъ дѣйствовать помпы, но это намъ не удалось; наружность оказалась недостаточною, тѣмъ болѣе, что въ предшествовавшую ночь, рулевья петли повредились, отъ чего руль не доходилъ до борта, а потому парусъ опять спустили. Въ 10 часовъ воды было 9 футъ.

Я приказалъ выливать воду всякаго рода посудой, развести людей ко всѣмъ люкамъ каждаго дека, и пошелъ осмотрѣть исполненіе моего приказанія. Первое, что я увидѣлъ, это Сергѣя Борисовича Сахарова, сидящаго на пушечномъ стапкѣ. Опъ номиналъ собою статую, изображающую терпѣніе, сидящую на скалѣ, съ равнодушно грустнымъ выраженіемъ лица; у люка, противъ котораго онъ сидѣлъ, работалъ только одинъ человекъ, и на мой вопросъ: отъ чего у него никого нѣтъ? онъ отвѣтилъ, что его никто не слушаетъ. Я спросилъ его: все ли онъ употребилъ, чтобы заставить себя слушаться, какъ первый лейтенантъ, имѣющій такъ много власти? Но на это онъ жалобнымъ голосомъ повторилъ: «что же мнѣ дѣлать, если меня не слушаютъ?» Тогда я пошелъ и самъ привелъ къ нему людей.

По цвѣту воды можно было заключить, что она проникла въ крѣйткамеру, и всѣ средства къ выкачиванію и отливанію ея были уже ничтожны, сравнительно съ прибылью. Я приказалъ выбрасывать за бортъ орудія верхней палубы; этою работою охотно занялись Рубетсъ и Замбекари. Положеніе наше съ каждымъ часомъ становилось ужаснѣе; бимсы ломались и падали или выпадали изъ своихъ мѣстъ; вся часть, находящаяся сзади гротъ-мачты, во всѣхъ палубахъ, шаталась, корма отошла на 4 дюйма. Мы начали снайтовливать корабль чрезъ пушечные порты. Люди, видя приближающуюся гибель, работали усердиѣе и одно дѣло слѣдовало за другимъ; наконецъ, изнуренная команда бродила какъ тѣни. Я приказалъ выдать имъ по стакану вина и по порціи сухой рыбы. Объ варкѣ нечего было и думать.

Къ довершенію всего, сломался румпель, вышедшій въ констанельскую; въ ту же минуту заложили румпель-тали на другой румпель, выходящій въ каютъ-компанію, и вмѣстѣ съ тѣмъ начали переводить на него штуръ-трость. Сильными ударами волнъ повредило нижнія рулевья петли. Транцы и контръ-тимберсы отошли, балконъ отвалился совсѣмъ и упалъ въ воду. Мы припились снайтовливать корму чрезъ крайніе пушечные порты каютъ-компаніи.

Послѣ полудня всѣ орудія со икканецъ и съ баку были выброшены за бортъ. Въ 5 часовъ замѣчено, что вода въ большомъ количествѣ пропикаетъ въ одномъ мѣстѣ, ниже ватер-линій, у самага миделя, но отвратить этого мы не могли. Качать помпы и выливать воду чрезъ люки, всякаго рода посудой, было един-

ственнымъ средствомъ хотя нѣсколько бороться съ ея прибываніемъ.

Въ такомъ крайне бѣдственномъ положеніи паншемъ, я былъ одинъ, никто не помогаль мнѣ: капитанъ-лейтенанта П. я нашелъ мертвецки пьянаго, лежащаго въ матросской койкѣ въ нижней палубѣ; лейтенантъ Сергѣй Сахаровъ, которому я поручилъ смотрѣть за выливаніемъ воды изъ корабля, взялъ свою постель и ушелъ спать куда-то на кубрикъ, гдѣ его не могли отыскать. Второй лейтенантъ графъ Замбекари, итальянецъ, поступившій въ русскую службу за три мѣсяца предъ тѣмъ, по англійски еще кое-что понималь; но, получивъ приказаніе, онъ, не зная русскаго языка, не могъ выполнить его или сдѣлать какое нибудь распоряженіе. Мичманъ Федоръ Алексіанъ, это лучший офицеръ, всегда готовый къ службѣ и ревностно выполнявшій мои приказанія, былъ единственнымъ моимъ помощникомъ. Мичманъ Сарапа Велизаровъ сказался больнымъ, говоря, что ушибъ ногу, и легъ въ койку въ каютѣ-компаніи. Мичманъ Спиридонъ Дегалетто послѣдовалъ примѣру лейтенанта Сахарова, перенесъ свою койку на кубрикъ и тоже не могъ быть найденъ. Шкиперъ Иванъ Исаковъ всегда въ полъяна, слѣдовательно всегда въ одуреніи. Боцмана Ульяновъ и Чаплинъ сказались больными. Боцманшаты сдѣлали тоже и никто изъ нихъ не выходилъ наверхъ; не смотря на мои неоднократныя зовы.

11 Сентября, еще до разсвѣта, я, идучи по трапу, ушибъ себя правое колено такъ сильно, что нѣсколько времени не могъ придти въ себя. Меня спесли въ константинопольскую и положили въ койку Рубетса; въ такомъ положеніи я оставался довольно долго, пока не прошла первая, самая сильная боль. Выйдя наверхъ, я приказаль выливать воду, накопившуюся уже до 13 футъ, и выбрасывать за бортъ орудія верхняго дега, по стремительная качка затрудняла эти работы. Орудія, выпадая за бортъ, ударялись о баргоутъ, да и самое приготовленіе ихъ къ выбрасыванію было дѣломъ рискованнѣмъ; главное, я боялся могущихъ случиться ушибовъ, а потому необходимо было спуститься. Офицеровъ отыскать я не могъ и невольнымъ образомъ, несмотря на сильную боль въ ногѣ, принужденъ былъ самъ запятъ устройствомъ паруса. Я приказаль взять два лисель-спирта, связать накрестъ ихъ тонкіе концы и, приподнимая ихъ по не-

многу, поставить вплотъ къ мачтѣ; въ крестѣ лисель-спиртовъ былъ привязанъ блокъ съ продѣтымъ концомъ, на которомъ я приказаль поднять челоуѣка на бесѣдкѣ, а чтобы стрѣлы не отошли отъ мачты, вокругъ нея былъ взятъ найтовчикъ на подобіе бейфута. Это былъ единственный способъ поднять туда челоуѣка безъ риска потерять его. Работа шла очень медленно; но потомъ, поднявъ крьюсель, привязанный къ гротъ-брамъ-реи, я спустился на фордвиндъ, и не смотря на то, что парусъ оказался длиннѣе, корабль спустился легко и пошелъ такъ скоро, что я приказаль взять одинъ рифъ и потравить фаль.

Такъ мы шли во всю ночь на 12 число. Я все время пробылъ у руля и никто изъ офицеровъ не подумаль выдти помочь мнѣ, хотя я нѣсколько разъ носылаль за ними; только часу въ 9 утра выползь Переленинъ. Я сдѣлаль ему выговоръ за дурной примѣръ, но онъ не обратилъ даже вниманія на меня, и тутъ же при мнѣ началъ требовать отъ моего деньщика подать ему водки, что, конечно, не было исполнено. Вскорѣ за тѣмъ начали погазывать прочіе офицеры; всѣмъ имъ я говорилъ о необходимости устроить фальшивый рангоутъ, чтобы привести, и тѣмъ по возможности отдалить время нашего прибытія къ непріятельскому берегу; я говорилъ, что мнѣ необходимо ихъ содѣйствіе, приказываль имъ идти побудить къ работѣ команду, но всѣ они отвѣчали, что корабль находится въ совершенно разрушенномъ состояніи и чрезъ нѣсколько часовъ долженъ затопнуть, а утомленной командѣ нужно дать отдыхъ. Я объявилъ имъ, что по моимъ расчетамъ мы должны быть у непріятельскаго берега завтра утромъ, и что придетъ время, они будутъ раскаиваться въ непослушаніи, которое ведетъ къ неминуемой гибели многихъ людей, совершенно невинныхъ и непонимающихъ настоящимъ образомъ своего положенія, и которымъ недостаетъ теперь только примѣра, чтобы дружно взяться за общее дѣло; но мои слова не дѣйствовали.

Я старался припомнить всѣ обстоятельства послѣднихъ дней, которые должно было взять въ расчетъ нашего счисленія; но моимъ соображеніямъ, мы находились на NO, слѣдовательно прямо на вѣтрѣ, отъ константинопольскихъ мысовъ, въ разстояніи отъ нихъ около 34 лигъ (*). Между тѣмъ вѣтеръ дулъ съ тою же

(*) 3 морскія мили составляютъ одну морскую лигу.

силою, съ порывами и дождемъ, кругомъ все было пасмурно.

Я приказалъ спустить парусъ; но лишь только корабль пришелъ поперекъ волненія, нѣсколько орудій нижняго дека, отойдя отъ своихъ мѣстъ, начали кататься по палубѣ. Не успѣвали удерживать и крѣпить одиѣ, какъ отрывались другія. Наборъ былъ такъ слабъ, что пушечные рымы и обухи выходили почти у всѣхъ портовъ и крѣпить орудія оставалось не иначе какъ за мачты, кпехты и канатные рымы. Это обстоятельство принудило меня опять спуститься. (Въ нижнемъ деке были двѣ 48 фунт. мѣдныя пушки).

Послѣ того я, съ помощію одного утерь-офицера и 10 матросовъ, принялся перекладывать найтовы черезъ корму. Изъ офицеровъ при этомъ никого не было; приходилъ къ намъ графъ Замбекари; но и тотъ признался, что боится остаться съ нами, ибо, какъ говорилъ онъ самъ, корма ежеминутно грозитъ отвалиться, при этомъ упадутъ бимсы верхней палубы и задавятъ всѣхъ находящихся въ каютѣ. Бимсы и верхняя палуба ходили изъ стороны въ сторону больше, чѣмъ на 4 дюйма; не взирая на то, мы продолжали свое дѣло и къ вечеру кончили работу, ограничась пятью шлагами перлиня. Въ первый разъ найтовы были взяты чрезъ боковые пушечные рымы и контръ-тимберсы, но рымы крайнихъ боковыхъ орудій начали выдергиваться, и потому въ настоящее время мы клали найтовы, продѣвая перлинь въ боковой крайній портъ; обносили перлинь кругомъ кормы и, принявъ его въ противоположный портъ, вытягивали съ помощію талей. Вотъ почему эта работа шла такъ медленно, и къ вечеру мы положили только пять шлаговъ. Замѣтивъ нѣсколько пьяныхъ между нижними чинами, я поставилъ часовыхъ къ ахтеръ-люку, запретивъ имъ пускать туда даже самого комиссара Ивана Зарубина, дававшего вино офицерамъ. Но спустя нѣсколько времени, часовыхъ, стоявшихъ у ахтеръ-люка, прибили, разогнали и большая часть команды, слѣдуя примѣру офицеровъ, запаслись присутствіемъ духа на случай гибели.

Помпы отъ постоянного дѣйствія, въ теченіе четырехъ сутокъ сряду, отказались служить; послѣднее средство, которымъ мы могли хотя нѣсколько бороться съ прибылью воды, было отъ насъ отнято. Я приказалъ готовить якорь къ отдачѣ, но не отдавалъ, видя въ томъ совершенную бесполезность: никакіе якоря, никакіе канаты не могли бы удержать корабль при такомъ боль-

шомъ волненіи. Между тѣмъ наступила ночь; предвидя неизбежность потерять корабль на непріятельскомъ берегу, мнѣ оставалось лишь одно: отдалить по возможности предстоящее несчастіе хотя на нѣсколько часовъ. Я приказалъ спустить крьюсель.

Воды было 14 футъ, все рушилось, ломалось, дрова, пустыя бочки, все, что могло выплывать изъ трюма, выплыло на павѣсный кубрикъ, ломало каютныя переборки; пиллерсы выпали, орудія отрывались и также какъ прежде катались по палубѣ; опять припились ихъ крѣпить, какъ то позволяли средства и положеніе, но чтобы было легче исполнить эту работу необходимо было спуститься. Крьюсель не имѣя брасовъ и топенантовъ, качался, отчего стоялъ худо; но это радовало меня—мы шли медленно; привести не было возможности, да впрочемъ и не было надобности, потому что корабль несло съ одиначкою скоростью, какъ на фордевиндѣ, такъ и бокомъ. Наверху были видны матросы на бакѣ и у штурвала; еще тамъ и-сямъ стояли или сидѣли, небольшими партіями; вообще сказать, наверху ихъ было немного, а офицеровъ ни одного. Обходя палубы, я видѣлъ молящихся и усердно просящихъ отъ Бога помощи, видѣлъ спокойно спящихъ; одни спали отъ утомленія силъ, другіе отъ вина; мѣстами сидѣли группы разговаривающихъ, и вся эта печальная картина слабо освѣщалась кажавшимися фонарями.

Предъ разсвѣтомъ роковаго дня 13 сентября, я сошелъ въ свою каюту, чтобы хотя немного придти въ себя и привести въ порядокъ свои разстроеныя чувства и мысли, чтобы подумать и о себѣ, какъ человѣку. Но думать я не могъ, до того были взволнованы мои чувства, да и могло ли быть иначе? Въ продолженіе всѣхъ этихъ дней я былъ одинъ, одинъ безъ всякой нравственной и матеріальной помощи съ чьей нибудь стороны; напротивъ, я принужденъ былъ бороться съ всѣми меня окружающими, всякій разъ, когда хотѣлъ дѣйствовать для ихъ же спасенія.

Что могъ я предпринять противъ такого невѣжественнаго, грубаго, слѣпаго упорства и недовѣрчивости, которыя привели насъ къ неизбежной гибели; съ кѣмъ могъ я дѣлать мысли въ эту страшную ночь на 13 сентября, не смотря на то, что находился между большимъ числомъ людей, подвергавшихся со мною одной

участи. И такъ, я былъ одинъ, какъ всегда, и единственнымъ товарищемъ моимъ былъ мой несчастный корабль «Марія Магдалина». Что я почувствовалъ въ эту ночь, знаетъ одинъ Богъ; но описать того нѣтъ возможности.

Несчастный полуразрушенный корабль мой плылъ какъ бы не хотя, а высокія волны, догоняя, ударяли его въ корму.

Свѣтало. Я только лишь хотѣлъ идти на верхъ, какъ пришелъ ко мнѣ капитанъ-лейтенантъ Перелешинъ съ извѣстіемъ, что передъ носомъ виднѣнъ берегъ. Выйдя на ютъ, я тотчасъ велѣлъ спустить крѣйсель, положить руль на бортъ, и подзвавъ къ себѣ плѣннаго турка (взятаго съ адмиральскаго корабля), спросилъ его: узнаетъ ли онъ видимый берегъ? Онъ отвѣчалъ, что это входъ въ Константинопольскій проливъ и что онъ хорошо можетъ рассмотреть батареи и маякъ. Тогда я, призвавъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ и команду, сказалъ имъ, что чрезъ весьма непродолжительное время, мы подойдемъ къ непріятельскому берегу, гдѣ живутъ варвары, а потому, по моему, слѣдуетъ погибнуть здѣсь, гдѣ мы находимся въ настоящую минуту, при чемъ мы избѣжимъ плѣна и сохранимъ честь русскаго флага. «Спасите насъ» закричали всѣ въ отвѣтъ. «Подумайте, война только начинается, продолжалъ я, и Богъ вѣсть когда она кончится, и всѣмъ намъ предстоитъ плѣнъ, или даже вѣрнѣе сказать постыдное рабство; погибнувъ здѣсь, мы не спасемъ корабля Ея Величества; но спасемъ флагъ, который она намъ вѣрила; теперь нѣтъ средствъ къ спасенію». «Лучше въ плѣнъ, чѣмъ погибнуть здѣсь», раздалось со всѣхъ сторонъ, «видно уже судьба наша такая, если насъ принесло къ непріятельскому берегу, съ поврежденнымъ рулемъ, безъ мачтъ, безъ гребныхъ судовъ; видно Богу такъ угодно», кричала команда. «Еще есть средство», сказалъ я, «надо направить корабль на берегъ, тогда достанутся нашему непріятелю не корабль, а одни обломки, на обломкахъ вы будете спасаться; но помните, что спасимся все таки предстоитъ рабство.» «Спасите насъ! раздалось опять, спасите насъ!» «Слушайте меня», закричалъ я имъ; когда всѣ утихли, я началъ такъ: «Призываю Бога свидѣтелемъ словъ моихъ и говорю вамъ, что неповиновеніе вамъ ко мнѣ еще въ первые дни шторма, а именно тогда, когда я посылалъ васъ очистить гротъ-стенъ-такелажъ, и спустить качавшуюся гротъ-стенгю, было начальною причиною всѣхъ другихъ обстоятельствъ,

приведшихъ насъ къ бѣдственному положенію, потому что паденіе гротъ мачты было слѣдствіемъ разслабленія гротовыхъ вантъ, отъ ударовъ по нимъ гротъ-стенгюю. Вамъ, сказалъ я, обратившись къ Перелешину, всѣ мы обязаны лишеніемъ насъ такого необходимаго наруса какъ фокъ; вы не умѣли при нашемъ званіи взять его на гитовы, а главное, вамъ же обязанъ я за тотъ дурной примѣръ безправственности, за которымъ послѣдовало нарушеніе дисциплины»; и потомъ сказалъ всѣмъ: «Въ настоящее время вы противитесь моему желанію потопить корабль здѣсь, но какъ трусы предаете его въ руки враговъ Ея Величества! Видитъ Богъ сердце мое, и еще разъ говорю вамъ, что въ тысячу разъ лучше погибнуть, чѣмъ отдаться въ руки варваровъ. Подумайте, пока еще есть время, припомните долгъ вашъ, подумайте: на что вы рѣшаетесь?» «Спасите насъ, видно ужъ Богу такъ угодно, чтобъ мы были въ плѣну. Онъ наказываетъ насъ за грѣхи наши», отвѣчали они. Видя ихъ упорство, я приказалъ капитанъ-лейтенанту Перелешину составить актъ съ описаніемъ всѣхъ случившихся обстоятельствъ и упомянуть въ немъ о сдѣланномъ мною предложеніи и о выраженномъ на то несогласіи и приготовить его къ подписанію.

— «Мы топемъ!» закричалъ кто-то изъ толпы, меня окружавшей; «корабль идетъ ко дну!» повторили другіе. Всѣ смутились и побѣжали кто на бакъ помогать поднять крѣйсель, кто къ рулю; поставили на руль плѣннаго турка и приказали ему править прямо въ проливъ. Тогда я, какъ обезумѣвшій, бросался то къ тому, то къ другому изъ офицеровъ, приказывалъ, просилъ, умолялъ ихъ поддержать меня, не позволять поднимать парусъ; но они не слушали меня. Потомъ, помню, я обратился къ подкинсеру Андрею Банурину; тотъ было пошелъ на бакъ, чтобъ помѣшать поднимать парусъ; но его прогнали. Я побѣжалъ перерѣзать штуръ-тростъ, на меня бросилось нѣсколько людей съ обнаженными тесаками.

Я побѣжалъ въ свою каюту, взялъ крѣйткамерные ключи и печать, приказалъ Рубетсу достать изъ выхода нѣсколько картузовъ, если они еще не подмокли. Я хотѣлъ отвѣтить непріятелю хотя нѣсколькими выстрѣлами; но Рубетсъ возвратился съ извѣстіемъ, что у каждаго люка изъ нижняго дека на кубриктъ стоятъ по четыре часовыхъ съ тесаками и никого не пускаютъ внизъ, а въ особенности противится ему въ исполненіи моего

приказанія артиллерійскій унтеръ-офицеръ Яковъ Миловъ, стоявшій у люка надъ входомъ въ крѣпостную камеру съ обнаженнымъ тесакомъ, и при немъ три бомбардира: Тимоосей Константиновъ, Александръ Пестовскій и Кононъ Горбуновъ. Послѣдній изъ нихъ сказалъ, что онъ имѣетъ особенное приказаніе никого не впускать въ крѣпостную камеру. Рубецъ отвѣтилъ ему, что у него ключи и печать, что служитъ имъ доказательствомъ, что онъ посланъ отъ капитана. Сержантъ Миловъ отвѣтилъ, что ему дѣлаютъ отъ кого онъ посланъ, что нѣтъ у нихъ капитана, что онъ самъ теперь капитанъ, что если и капитанъ придетъ, то мы ему тоже отвѣтимъ; въ заключеніе посовѣтовали Рубецу идти туда, откуда онъ пришелъ, въ противномъ случаѣ грозили убить его и тѣмъ положить конецъ его домогательству проникнуть въ крѣпостную камеру. Взявъ у Рубца ключи, я послѣдовалъ туда самъ; но они и меня не пустили. Я сказалъ имъ, что придетъ время, когда они будутъ раскаиваться въ томъ, что дѣлаютъ теперь.

Возвратясь на верхъ, я приказалъ выкидывать за бортъ все ручное оружіе, какъ то: мушкетоны, ружья, топоры, пики и тесаки (большая часть этого оружія была разложена по борту на югъ, и попала въ море, еще при паденіи бизань-мачты); это послѣднее приказаніе было исполнено очень охотно и скоро, но я и тому былъ радъ; меня утѣшало хоть то, что корабль «Марія Магдалина» почти обезоруженъ. Я хотѣлъ побросать въ море остальные орудія нижняго дека, но уже не имѣлъ времени.

Въ то же время пришелъ ко мнѣ капитанъ-лейтенантъ Перелешинъ съ листомъ, на которомъ былъ написанъ актъ консиліума съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ, случившихся съ кораблемъ. Принявъ бумагу, я приказалъ клерку Ивану Петрову прочесть ее вслухъ, потомъ приказалъ командѣ и офицерамъ подписать его. Началась подпись акта, сперва подписывались нижніе чины, за неумѣющихъ писать свои имена подписался священникъ Михайлъ (монахъ), потомъ подписались офицеры, и наконецъ кап.-лейт. Перелешинъ. Я до того былъ разстроены этою раздирающею душу сценою, которую не дай Богъ никому видѣть, до того былъ смущенъ, что даже не позаботился взять актъ, а отдалъ его клерку Петрову.

Между тѣмъ, несчастный мой корабль подходилъ подъ не-

пріятельскія батареи, безъ всякихъ возможностей къ защитѣ. Турки не замедлили открыть по насъ пальбу, большая часть ядеръ перелетала черезъ, и въ то же время около 40 шлюпокъ, посланныхъ съ трехъ военныхъ кораблей, стоящихъ въ Буюкдерѣ и въ другихъ мѣстахъ, абординировали насъ.

Такъ отдали мы корабль «Марія Магдалина» съ 396 членами экипажа въ руки непріятеля.

Не успѣлъ я опомниться, какъ меня, капитанъ-лейтенанта Перелешина и нашего плѣннаго турка схватили, посадили въ маленькую лодку и повезли въ Константинополь. Прошло еще нѣсколько минутъ, и мы стояли предъ великимъ визиремъ (*) Исупомъ-пашею.

Паша, разспросивъ нашего плѣнника о случившемся съ нами, отдалъ насъ какому-то высокому, худощавому, болѣзненной наружности парню; тотъ, взявъ съ собою еще 4 турокъ, повелъ насъ разными темными и грязными переходами; наконецъ, привелъ во дворъ (идѣ, какъ мы узнали впоследствии, обыкновенно рубятъ головы уголовнымъ преступникамъ), сдѣлавъ намъ знакъ остановиться, потомъ съ грознымъ видомъ указалъ на землю, изъ чего мы поняли, что онъ приказываетъ намъ встать на колѣни. Какъ рабы, мы повинувались и попики головами; мнѣ казалось, что пришелъ нашъ конецъ.

Неужели, думалъ я, моя несчастная жизнь прекратится сію минуту, и обратись къ П. сказалъ. «Прощайте, Иванъ Григорьевичъ!» Но увѣ! это была мечта, намъ приказали встать и слѣдовать далѣе. Пройдя еще нѣсколько грязныхъ дворовъ и загоулковъ, мы вышли къ берегу, насъ опять посадили въ маленькую лодку и перевезли въ арсеналь. Тамъ мы были представлены Терсану-Эмишу (начальнику арсенала), а за отсутствіемъ капитана-пашни онъ завѣдывалъ всею морскою частію въ Константинополь.

Терсанъ-Эмишъ чрезъ переводчика грека разспрашивалъ насъ о случившемся съ нами, о размѣреніяхъ нашего корабля, о калибрѣ нашей артиллеріи и о численности русскаго флота на Черномъ морѣ. На эти вопросы отвѣчалъ капитанъ-лейтенантъ Перелешинъ, и надо отдать ему справедливость—очень умно

(*) Начальникъ войскъ, главнокомандующій.

скрывалъ истину. Я говорить не могъ. Пробывъ нѣсколько дней въ мокромъ бѣльѣ и платьѣ, и въ особенности послѣ крику при увѣщеваніи команды, я совершенно потерялъ голосъ, что продолжалось три недѣли.

Терсапъ-Эмипъ, удовлетворивъ своему любопытству, на сколько то ему было нужно, велѣлъ отвезть насъ въ тюрьму, гдѣ обыкновенно содержатся закованными воры, разбойники, убійцы и подобнаго рода преступники.

Здѣсь мы нашли капитанъ-лейтенанта Прокофія Борисова, командира шкуны «Вячеславъ», на которой за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ прибылъ изъ Севастополя въ Константинополь Яковъ Булгаковъ, назначенный посланникомъ Ея Величества при Портѣ Оттоманской. По объявленіи войны шкуна была задержана, командира со всѣмъ экипажемъ посадили въ тюрьму, а посланника Булгакова въ семибашенный замокъ.

Спустя нѣсколько минутъ, меня и г. Перелешина повели къ Диману-Рейзу (капитану надъ портомъ). Онъ спрашивалъ насъ о томъ же, и послѣ того мы опять были у Терсапа-Эмина, и уже послѣ втораго допроса, при чемъ были сдѣланы разныя дополненія, насъ возвратили въ тюрьму, въ страшное наше жилище.

Подкрѣпивъ свои силы чѣмъ случилось и то по милости капитанъ-лейтенанта Борисова, я легъ спать и, благодаря усталости, или лучше сказать совершенному утомленію, заснулъ и спалъ такъ спокойно, какъ-то позволило мнѣ состояніе души моей.

На другой день мое положеніе казалось еще ужаснѣе. Съ силою тѣла воротились и силы душевныя, забродили мысли одна другой чернѣе. Я началъ перебирать въ своей памяти все случившееся со мною, и едва вѣрилъ, что это не сонъ; но окружающіе насъ предметы заставили убѣдиться, что это есть горькая дѣйствительность. Припоминая всѣ обстоятельства послѣднихъ дней, я вспомнилъ и о консиліумѣ, бывшемъ вчера незадолго до нашего прибытія подъ непріятельскія батареи, и тогда же вспомнилъ, что со мною нѣтъ акта. Объ этомъ я сообщилъ находившимся тутъ въ комнатѣ капитанъ-лейтенантамъ Перелешину и Борисову; эти господа, перемнявшись, начали упрекать меня въ неосторожности, говоря, что потеря такого важнаго документа можетъ имѣть весьма дурное для меня послѣдствіе.

Послѣ того они о чемъ-то шептались, какъ вдругъ до слуха моего долетѣло имя клерка Ивана Петрова. Въ этотъ моментъ я живо припомнилъ, что послѣ подписанія акта консиліума, я отдалъ его клерку Петрову. Они еще продолжали шептаться, но о чемъ, для меня уже не было надобности знать.

Въ тотъ же день я написалъ письмо къ австрійскому посланнику барону Хербегу, состоявшему при Портѣ Оттоманской въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ нашей Императрицы. Я описалъ ему всѣ несчастія, понесенныя нами въ морѣ, положеніе, въ которомъ мы приплыли къ константинопольскому проливу, обстановку, въ которой находимся здѣсь, и просилъ его принять въ насъ участіе.

ПОДЕННЫЯ ЗАПИСКИ

О МОЕМЪ ПРЕБЫВАНІИ ВЪ ПЛѢНУ (*).

1787 годъ.

15 сентября. Сегодня я былъ приглашенъ въ домъ Терсана Эмина, гдѣ имѣлъ свиданіе съ сэромъ Робертомъ Энсли (Anslie), британскимъ посланникомъ при Портѣ. Сэръ Робертъ интересовался узнать о всѣхъ подробностяхъ обстоятельства, доставившаго туркамъ такую неожиданную добычу. Бесѣда съ этимъ умнымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ подѣйствовала на меня успокоительно; давно я не пользовался подобнымъ обществомъ. Возвратившись въ свою тюрьму, я нашелъ ее еще ужаснѣе.

Несчастный корабль мой «Марія Магдалина» привели и поставили противъ арсенала; офицеровъ и команду свезли на берегъ, и вскорѣ затѣмъ изъ окна своей комнаты, выходящаго на тюремный дворъ, я увидѣлъ моихъ сослуживцевъ и товарищей несчастья и въ то же время я былъ удивленъ, увидя между ними капитанъ-лейтенанта Перелешина, сидѣвшаго со мною за минуту предъ тѣмъ, а теперь бѣгающаго и кого-то отыскивающаго. Потомъ я видѣлъ, какъ онъ, встрѣтись съ клеркомъ Ивановъ Петровымъ, началъ говорить съ нимъ и по жестамъ ихъ обоимъ я заключилъ, что между ними происходитъ споръ. Слу-

(*). Поденныя записки ведены съ большою подробностью; въ нихъ авторъ заносилъ весь отчетъ о полученныхъ имъ деньгахъ и всѣ случаи каждаго дня. Нами представляется здѣсь только болѣе интересное, знакомящее съ положеніемъ плѣнныхъ, и все могущее дать понятіе о личности автора и общества, въ которомъ онъ находился. Мы не могли оставить безъ вниманія свидѣній о тюремномъ флотѣ и о плѣноторыхъ акробатическихъ случаяхъ.

Переводчикъ.

ствя нѣкоторое время, Перелешинъ возвратился въ нашу комнату, казался очень встревоженнымъ, что-то говорилъ Борису въполголоса, божился, клялся и часто повторялъ имя клерка (Иванъ Петровичъ); я сойчасъ догадался о чемъ хлопочеть и сердится мой капитанъ-лейтенантъ.

Полчаса спустя, клеркъ Петровъ, найдя какъ-то возможность придти ко мнѣ, объявилъ, что Перелешинъ требовалъ отъ него актъ консиліума; но что онъ, Петровъ, подозрѣвая тутъ какой нибудь злой умыселъ, отвѣтилъ ему, что актъ находится у меня. Тогда Перелешинъ началъ бранить его подлымъ лжецомъ, ибо Перелешинъ самъ видѣлъ какъ я отдалъ ему актъ. «Потомъ», продолжалъ Петровъ, «я началъ увѣрять г. Перелешина, что въ послѣднее время на кораблѣ я до того былъ встревоженъ, что рѣшительно не могу припомнить куда положилъ актъ, а потому актъ находится на кораблѣ и непременно пропадетъ, какъ и всѣ другіе оставшіеся тамъ предметы. Г. Перелешинъ мнѣ не повѣрилъ; но я продолжалъ увѣрять его, что актъ потерявъ. Наконецъ, Перелешинъ сказалъ мнѣ: «хорошо, если ты говоришь правду; въ противномъ случаѣ актъ послужитъ къ обвиненію всѣхъ насъ, когда мы воротимся въ Россію.»

Петровъ, окончивъ рассказъ, отдалъ мнѣ актъ, а такъ какъ разговору нашему свидѣтелей не было, то никто не зналъ, что актъ сохраненъ; я благодарилъ Петрова за честный поступокъ и просилъ его сохранить это въ секретѣ.

Вечеромъ тюремный секретарь, осмотрѣвъ насъ, заковалъ всѣхъ нашихъ матросовъ попарно. Каждому изъ нихъ наложили по желѣзному обручу къ поясищѣ; отъ этого обруча идетъ цѣпь къ кольцу, находящемуся на одной ногѣ, а отъ этого кольца идетъ короткая цѣпь къ кольцу, надѣтому на ногу товарища. Пинца наша состоитъ изъ куска сквернаго хлѣба и кружки воды.

Въ комнатѣ, имѣющей 18 квадратныхъ футъ, насъ живетъ 13 человѣкъ. Тутъ мы спимъ и проводимъ дни. Какъ часто и жестоко бьютъ нашихъ матросовъ, совершенно безъ всякой причины. Боже мой! неужели можно будетъ оставаться въ такомъ положеніи!

17 сентября. Лиманъ-Рейсъ потребовалъ къ себѣ меня, Перелешина, Рубетса и мичмана Дегалто и приказалъ намъ слѣдовать съ нимъ на нашъ корабль. Съ корабля мы взяли свои платья, постели и еще кое-какія вещи, отправились въ домъ Лимана-Рейза,

гдѣ ихъ такъ подробно осмотрѣли, что намъ осталась очень небольшая часть. Бывшіе тутъ турецкіе начальники рылись въ нашихъ сундукахъ и брали себѣ все, что приходилось имъ по праву; одинъ взялъ мою зрительную трубу, другой октантъ, третьему особенно понравились мои патенты за подписью Императрицы, а самые догадливые захватили деньги и ломбардные билеты. Осмотрѣвъ сундуки, принялись за осмотръ платья и другихъ вещей, съ которыми поступали такимъ же образомъ. Я началъ было спорить съ ними за свою собственность, но Лиманъ-Рейсъ объявилъ, что это берется отъ насъ какъ военный призь, слѣдовательно и разговаривать было нечего. Итакъ, взглянувъ на свое состояніе, или лучше сказать простившись съ нимъ навсегда, мы возвратились въ тюрьму съ одиѣми постелями, ибо все другое, что не было отъ насъ взято, было поставлено въ комнату, а комнату запечатали. Послѣ того Лиманъ-Рейсъ продолжалъ дѣлать осмотръ кораблю, то есть обиралъ себѣ всѣ наши съѣдомые и питейные запасы; прочіе офицеры и команда, мало того, что ничего не получили, но даже и не видѣли своихъ вещей.

22 сентября. Я написалъ рапортъ (по русски) кондрѣ-адмиралу Войновичу о случившемся съ нами несчастіи. Написалъ письма къ своей женѣ и къ своему маленькому Томи. Я приготовилъ письмо къ англійскому посланнику и прошу его переслать приготовленные письма въ Россію, но нахожусь въ затрудненіи, не зная какъ отослать ихъ къ нему. Всѣмъ служащимъ при тюрьмѣ объявлено, что если кто изъ нихъ внесетъ въ тюрьму, или вынесетъ изъ нея что бы то ни было, будетъ казненъ.

Мы бродимъ, сидимъ, мечемся въ нашей маленькой комнатѣ, всѣ истончилились отъ голода и сырости, отъ невыносимо спертості атмосферы, которою дышимъ, и до сихъ поръ едва сознаемъ, что находимся въ тюрьмѣ. Эта ужасная картина скрывается отъ насъ съ наступленіемъ ночи (свѣчей намъ не даютъ), или если кому изъ насъ спится, то тотъ только во снѣ забываетъ свое горькое положеніе. Но очень часто сладкія сновидѣнія прерываются крикомъ или стономъ нашего товарища матроса, котораго безъ милосердія бьютъ толстой веревкой.

4 октября. Турецкое правительство назначило намъ содержаніе. Мнѣ 15, прочимъ капитанамъ по 10, а офицерамъ по

5 піастровъ въ мѣсяцъ. Немного, но все же лучше голодной смерти. Наши бѣдные матросы ничего не получили.

7 октября. Мнѣ удалось подкупить переводчика грека, онъ рѣшается передать мои письма англійскому посланнику. Я просилъ сэра Роберта принять участіе въ насъ, въ особенности просилъ ходатайства объ улучшеніи положенія команды.

Сэръ Робертъ прислалъ 200 піастровъ; эти деньги и 76 руб. моихъ собственныхъ, возвращенныхъ мнѣ отъ Лимана-Рейса, я употребилъ на команду; но этого далеко недостаточно. 15 піастровъ заплатилъ переводчику греку за исполненіе коммисіи, причемъ онъ рисковалъ лишиться головы. Этотъ переводчикъ въ то же время считается тюремнымъ писаремъ. Замѣчательно то, что онъ умѣетъ написать только свое имя, и то когда напишетъ, то не можетъ прочесть того что написалъ.

15 октября. Я просилъ б. Хербетса (de Herbets), австрійскаго посланника, за подданныхъ Ея Величества, по отвѣта не получалъ.

24 октября. Я опять писалъ б. Хербетсу, по отвѣта не было. Актъ консиліума я отдалъ на сохраненіе капитанъ-лейтенанту Борису, потому что мнѣ негдѣ его держать, у меня нѣтъ сундука, ни даже шкапулки. Это я нарочно сдѣлалъ при свидѣтеляхъ, слѣдовательно объ этомъ знаютъ всѣ офицеры. Я увѣренъ, что они не посмѣютъ уничтожить его, потому что важность заключается не въ немъ, а въ совершившемся фактѣ. Они очень хорошо понимаютъ, что во всякомъ случаѣ отъ меня будетъ зависѣть объявить объ немъ передъ судомъ, который ожидаетъ насъ въ Россіи. Это обстоятельство очень беспокоитъ ихъ, въ особенности старшихъ офицеровъ, за то они ненавидятъ меня, какъ человѣка, предъ которымъ сознаютъ свое правдивное безсиліе, и который современемъ можетъ уличить ихъ, или по крайней мѣрѣ имѣетъ на то право. Оттого мое положеніе невыносимо тяжело. Они (что весьма натурально) всѣми мѣрами стараются мнѣ мстить и дѣлать оскорбленія. Сегодня я сидѣлъ въ комнатѣ, гдѣ мы обыкновенно обѣдаемъ. Со мною былъ мичманъ Алексіано. Вдругъ пришелъ мичманъ Дегалето и возвратилъ мнѣ 15 піастровъ, которые я внесъ въ общую офицерскую столовую кассу, объявивъ отъ имени Перелешина и Борисова, что они не желаютъ имѣть меня въ своемъ обществѣ. Дерзость эта не заслуживала даже отвѣта; я возвратилъ Дегалето деньги

и сказалъ, что буду говорить съ Перелешинымъ лично. Однако, онъ боялся возобновлять эту дерзость, зная, что нѣкоторые офицеры, видя мою правоту, не примутъ его сторону, а Борисовъ, не имѣя противъ меня ничего особеннаго, принималъ въ этомъ участіе только потому, что онъ русскій; но, вида нерѣшимость Перелешина, также молчалъ. Итакъ, на этотъ разъ, мои враги остались ни причемъ.

Октября 29. Между нами появилась чума; сегодня же умеръ капитанъ моей команды.

Ноября 2. 10 татаръ моей команды взяты въ турецкую службу, по ихъ желанію.

Ноября 9. Къ намъ прибылъ изъ Бендеръ капитанъ 2 ранга Андрей Веревкинъ, взятый въ плѣнъ въ заливѣ Жуджи, гдѣ сталъ на мель съ батареею № 1, послѣ атаки на турецкій флотъ подъ Очаковымъ.

Ноября 15. Сегодня между мичманами Алексіано и Дегалето завязался споръ, обратившійся въ брань. Боясь, чтобы дѣло у нихъ не дошло до драки, я просилъ ихъ прекратить неприятную для всѣхъ сцену. Перелешинъ замѣтилъ мнѣ, что я не имѣю права вмѣшиваться въ чужія распри, что здѣсь не корабль, а тюрьма, слѣдовательно нѣтъ капитана, и что всѣ теперь капитаны. Въ заключеніе онъ сказалъ, что я не болѣе какъ полковникъ, между тѣмъ какъ онъ, будучи самъ штабъ-офицеромъ, въ то же время и русскій дворянинъ, владѣющій имѣніями, которыя даютъ ему богатства, тогда какъ я кромѣ содержанія, получаемаго мною на службѣ, ничего не имѣю. Я отвѣтилъ ему, что мы хотя дѣйствительно не на кораблѣ, а въ тюрьмѣ, но что и здѣсь не должно сеориться, браниться и говорить такія дерзости, какъ наиримѣръ говоритъ онъ.

Ноября 24. Я написалъ письмо къ г. Фродену, секретарю австрійскаго посольства, и просилъ его напомнить барону Хербету о жалкомъ положеніи находящихся въ тюрьмѣ подданныхъ Ея Величества, но и это письмо оставлено безъ вниманія.

Ноября 25. Большую часть русскихъ плѣнныхъ ежедневно посылаютъ скованными на работы въ арсеналъ и на острова Архипелага, отъ чего они очень изнурены, а живутъ только тѣми деньгами, которыми снабжаетъ меня англійскій посланникъ.

Ноября 26. Сегодня умеръ отъ чумы мичманъ Федоръ Алексіано.

Ноября 30. Австрійскій посланникъ баронъ Хербетъ прислалъ на наше содержаніе 200 піастровъ; 44 я отдалъ офицерамъ. Отъ Борисова я получилъ 50 піастровъ. Этого очень недостаточно; на эти же деньги я долженъ покупать пищу и медикаменты.

Декабря 21. Къ намъ прибылъ мичманъ Уліанъ Николаевичъ Ломбарди, взятый въ плѣнъ съ батареею № 1 (*), которую прежде командовалъ Веревкинъ. Его доставили сюда изъ Измаила (*).

Декабря 22. Сегодня умеръ нашъ докторъ Борихардъ отъ чумы. Я опять просилъ Хербетса о вниманіи, написалъ ему, что офицеры и матросы обносятся платьями, а у команды нѣтъ даже постелей.

По ходатайству испанскаго посланника, лейтенантъ графъ Замбекари выпущенъ изъ тюрьмы.

Декабря 31. Поступило сюда съ корабля «Марія Магдалина» 396 человѣкъ. Умерло офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 56, болѣею частію отъ чумы, остальные отъ дурнаго содержанія.

Выбыло на волю офицера 1, нижнихъ чиновъ 10.

Всей убыли съ умершими 69 человѣкъ.

Остается въ тюрьмѣ 327, въ томъ числѣ больныхъ 31, изъ коихъ 22 чумныхъ.

1788 годъ.

Января 2. Султанъ Абдуль-Ахмедъ назначилъ выдать намъ и командѣ, по 5 піастровъ на одежду. Офицеры отказались принять такую ничтожность.

Сегодня прибылъ къ намъ секундъ-майоръ екатеринопоставскаго пѣхотнаго полка Карлъ Гельфрейхъ. Онъ былъ посланъ княземъ

(*) Жаль, что здѣсь не приведено болѣе подробныхъ свѣдѣній о случаяхъ, при которыхъ взятъ въ плѣнъ капитанъ 2 ранга Веревкинъ и мичманъ Ломбарди. Мы знаемъ по другимъ источникамъ, что въ 1787 году августа 21. турецкій флотъ, находившійся подъ Очаковомъ и состоявшій изъ 3 линейныхъ кораблей, 1 фрегата и болѣе 30 мелкихъ судовъ, произвелъ атаку на наши суда, пришедшія отъ пристани Глубокой. Мы знаемъ также, что въ 1788 году близъ Очакова находилось 2 наши эскадры; одна, подъ командою контръ-адмирала Джонеса, состояла изъ 5 кораблей и 8 фрегатовъ, а другая, подъ начальствомъ принца Пассау Зигена, состояла изъ 65 мелкихъ судовъ—галеръ, ботовъ, плавучихъ батарей и 80 козачихъ лодокъ. Въ юлѣ пришелъ туда же турецкій флотъ, который четыре раза былъ атакуемъ нашими судами, причѣмъ потерпѣлъ большое поражение.

Потемкинымъ съ порученіями къ русскому посланнику въ Турціи, и въ августѣ 1787 года взять въ плѣнъ на пути отъ Яссы къ Константинополю.

Февраля 2. Намъ сказали, что императоръ Іосифъ II готовится объявить войну Турціи. Сегодня вечеромъ я узналъ, что австрійскій посланникъ баронъ Хербстезъ отозванъ, и уже уѣхалъ на кораблѣ въ Ливорно.

Февраля 14. Французскій посланникъ графъ Шуазель Гуфье (Choiseul Gouffier) прислалъ мнѣ 100 піастровъ для раздачи тѣмъ изъ нашихъ матросовъ, которые посылаются на работы.

Февраля 24. Я и Веревкинъ получили письма отъ французскаго посланника, въ которыхъ онъ выражаетъ свое соболѣзнованіе къ намъ и предлагаетъ офицерамъ получать отъ него по 15 піастровъ въ мѣсяцъ. Письма эти онъ прислалъ съ почтеннымъ патеромъ Гардини и приказалъ спросить насъ, какую сумму, полагаемъ мы, будетъ достаточно выдавать на содержаніе нашихъ нижнихъ чиновъ. Мы отвѣтили, что если унтеръ-офицерамъ положить по 6-ти, а рядовымъ по 4 пароса въ день, то этого будетъ достаточно. Такимъ содержаніемъ пользовались здѣсь русскіе плѣнные въ минувшую войну.

Февраля 28. Турецкій флотъ, подъ командою капитана-пашы, перешелъ къ Буендере и готовится идти въ Черное море. Онъ состоитъ изъ 19 кораблей отъ 50 до 74 пуш., 9 фрегатовъ отъ 36 до 46 пушекъ, 2-хъ бомбардъ о 2-хъ мортирахъ и о 22 пушкахъ каждая, 12-ти карленгесовъ о 10 пушкахъ каждая, 4 накетботовъ о 22 пушкахъ каждый, 1 галета, 1 бустарды, 14 купеческихъ судовъ, вооруженныхъ орудіями, 115 канонирскихъ лодокъ, вооруженныхъ каждая 2-мя пушк. Всего 183 судна.

Февраля 29. 153 человекъ русскихъ поданныхъ берутъ на турецкую эскадру. Это странно возмущаетъ насъ, и я просилъ графа Шуазель Гуфье настоятельно требовать отъ него варварскаго распоряженія, которое противно законамъ не только всей Европы, но даже и природы. Гдѣ видано, чтобы человекъ посылалъ дѣйствовать противъ его отечества? Графъ отвѣтилъ, что онъ совершенно согласенъ, что подобное распоряженіе турецкаго правительства не иначе можетъ быть названнымъ какъ варварствомъ; но такъ какъ порядокъ этотъ ведется у нихъ ис-

кони вѣковъ, то онъ, не надѣясь на успѣхъ, не берется идти противъ обывленіи страны. Въ утѣшеніе наше онъ прибавилъ, что турки гораздо лучше содержатъ свои судовыя команды, чѣмъ многія другія націи Европы.

Сегодня посланникъ прислалъ обѣщанные 202 піастра, на содержаніе нашихъ нижнихъ чиновъ, и приказалъ выдавать ихъ вдругъ на весь мѣсяцъ, а по частямъ, на каждые 10 дней.

Марта 5. Господинъ Булгаковъ находится до сихъ поръ здѣсь заключеннымъ въ семибашенномъ замкѣ. Теперь приготовлено судно, для отвоза его въ Ливорно.

Я поручилъ г-ну Фродингу просить Булгакова переслать мои письма къ контръ-адмиралу Войновичу, моему жепѣ и къ бригадирю Алексіану.

Марта 15. Лимапъ-Рейзъ потребовалъ къ себѣ капитана Борисова. Вскорѣ за тѣмъ я, Веревкинъ и Гельфрейхъ увидѣли изъ оконъ нашей комнаты, что Борисова вывели во дворъ и готовится заковать въ цѣпи. Мы выбѣжали выручить своего товарища. Я посылалъ турецкаго офицера къ Лимапу-Рейзу, требовать отъ нашего имени отъѣны такого варварскаго наказанія, а Гельфрейхъ началъ бранить турокъ, заковывавшихъ Борисова; потомъ онъ бросился освобождать его. Объ этомъ донесли Лимапу-Рейзу, тотъ выбѣжалъ разсерженнымъ и началъ бить Гельфрейха тростью. Гельфрейхъ схватился за трость, хотѣлъ ее вырвать; окружавшая стража, обнаживъ сабли, бросилась на Гельфрейха; я и Веревкинъ кинулись защищать его, но Лимапъ-Рейзъ приказалъ своимъ солдатамъ вложить сабли и, благодаря Бога, сцена кончилась безъ кровопролитія; однако Гельфрейха велѣли посадить въ отдѣльную тюрьму съ Борисовымъ. Вина Борисова заключалась въ томъ, что онъ прибилъ тюремнаго переводчика, грека Антонию, за то, что тотъ ударилъ матроса его шкуны. Сначала капитанъ-паша приказалъ было дать Борисову 500 плетей, но это не состоялось.

Марта 20. Борисовъ и Гельфрейхъ освобождены отъ цѣпей и возвращены къ намъ; мичманъ Дегалето выздоровѣлъ отъ чумы. Я захворалъ подагрой.

Марта 21. Патеръ Гардини принесъ мнѣ отъ французскаго посланника разтерченные листы, для записыванія прихода и расхода получаемыхъ мною отъ него денегъ, на всѣхъ русскихъ плѣнныхъ. Въ этихъ же листахъ сдѣланы графы, для ежеднев-

наго обозначенія наличнаго числа людей моей команды, находящихся въ тюрьмѣ, высылаемыхъ на работы и убылыхъ по разнымъ случаямъ. Такіе же листы прислапы капитанамъ Борисову и Вережкину; первому изъ нихъ, — для веденія отчета по экипажу его шкуны, а послѣднему поручено завѣдываніе всѣми русскими, присланными въ плѣнъ. Я написалъ письмо къ посланнику, въ которомъ благодарилъ его за милостивое къ намъ вниманіе.

Добрый патеръ Гардини находится при римско-католической церкви, устроенной при тюрьмѣ. Онъ часто посѣщаетъ насъ, приносить намъ газеты, рассказываетъ новости, которыя услышитъ въ городѣ, и чрезъ него мы получаемъ довольствіе наше отъ посланника.

Турецкое правительство давно перестало выдавать намъ обѣщанное содержаніе, и еслибы не графъ Шуазель Гуфье, мы бы давно умерли съ голоду, такъ какъ того, что получаю я отъ сэра Роберта Энели и отъ добраго банкира барона Хулькь, было бы недостаточно на прокормленіе, одежду и леченіе находящихся здѣсь русскихъ.

Медикаменты очень дороги, въ особенности трава, изъ которой варятъ декоктъ для больныхъ чумою.

Апрѣля 16. Сегодня день Свѣтлаго Христова Воскресенья, а я все еще въ постели и не могу видѣть своей команды. По случаю праздника, она не послана на работы и находится въ сборѣ, что случается одинъ день въ году. Я приказалъ выдать людямъ по стакану вина.

Капитанъ-лейтенантъ Перелешинъ пришелъ ко мнѣ, поклонился и поздравилъ съ праздникомъ, чему я очень удивленъ; до сихъ поръ онъ обыкновенно старался показывать мнѣ неуваженіе.

Мая 10. Турецкій флотъ, подъ командою капитана-пашы, отправляется въ Черное море.

Съ нашихъ людей спали цѣли.

Юня 7. Добрый мой денщикъ, честный Шеридовъ, умеръ отъ чумы. Еще сегодня утромъ онъ поправлялъ мою постель.

Юня 30. Замѣчательно, что въ тюрьмѣ находится кабакъ, приносящій конечно не мало выгодъ тюремному начальству. Многіе изъ нашихъ очень довольны такимъ распоряженіемъ. Запрещать покупать вино я не смѣю и не имѣю никакихъ средствъ, потому что въ этомъ противится мнѣ турецкое начальство; напротивъ, оно еще покровительствуетъ продажѣ вина.

Августа 4. Безъ того уже тягостная жизнь наша въ тюрьмѣ, становится еще тягостнѣе отъ ссоръ, происходящихъ между нѣкоторыми офицерами, и это очень часто случается. Сегодня пришли ко мнѣ въ комнату мичманъ Дегалето и Борисовъ. Первый изъ нихъ жаловался на Вережкина, что тотъ ударилъ его въ грудь, и подаль мнѣ рапортъ на имя французскаго посланника. Не прошло минуты, какъ Борисовъ поссорился съ Вережкинымъ, и они непременно бы подрались, еслибы я и мичманъ Ломбарди не удержали ихъ.

Августа 5. Къ намъ приходилъ переводчикъ французскаго посольства Григорій Миремъ. Мичманъ Ломбарди и Дегалето рассказали ему о вчерашнемъ происшествіи, а я отдалъ ему письмо къ посланнику съ жалобою на дурное поведение Вережкина и Рубетса.

Августа 6. Миремъ принесъ мнѣ отвѣтъ на вчерашнее мое письмо. Я поручилъ мичману Ломбарди перевести и прочесть его вслухъ при всѣхъ офицерахъ. Посланникъ пишетъ, что будетъ просить тюремное начальство посадить Вережкина и Рубетса въ отдѣльныя комнаты. Къ нашему удовольствію, это уже исполнено, и мы надѣемся, что между нами водворится спокойствіе.

Августа 12. Капитанъ 2 ранга Вережкинъ позвалъ къ себѣ клерка Петрова, и объявивъ ему, что онъ, Вережкинъ, присланъ въ тюрьму, собственно для наблюденія за всѣми находящимися въ плѣну русскими, потребовалъ отъ Петрова подать ему общій списокъ. Петровъ отказался исполнить это приказаніе, за что Вережкинъ обѣщалъ высѣчь его плетками.

Августа 20. Мичманъ Ломбарди, имѣвшій обыкновеніе вставать рано, сегодня, напротивъ, оставался долго въ постели, чѣмъ обратилъ на себя общее вниманіе. Онъ лежалъ завернувшись съ головою въ одѣяло; къ нему подошли, стали прислушиваться и всѣмъ показалось, что онъ не дышетъ. Открывъ одѣяло, мы испугались, увидя, что все бѣлье его замазано въ крови, а въ рукахъ его былъ перочинный ножикъ. Въ ту же минуту позвали подлекаря Шипака, онъ осмотрѣлъ больного и нашелъ, что хотя шея перерѣзана, но дыхательное горло не повреждено, и что есть надежда на спасеніе. Дыханіе было едва замѣтно, что происходило отъ слабости, вслѣдствіе большой потери крови, но

лишь только рану перевязали, теченіе крови остановилось и больной начал дышать сильнѣе.

Сентября 18. Французскій посланникъ приказалъ мнѣ написать письмо къ секретарю русскаго посольства графу Остермалу, съ изложеніемъ нашихъ нуждъ, съ приложеніемъ списка русскихъ подданныхъ, находящихся въ тюрьмѣ.

Октября 31. Къ намъ поступили скатериноставскаго гусарскаго полка секундъ-маіоръ Алексѣй Витичъ и вахмистръ того же полка Владиміръ Богдановъ.

Богдановъ объявилъ мнѣ, что 1 октября прошлаго года, бахчисарайскій комендантъ полковникъ Тотовичъ посылалъ его съ письмами въ Севастополь; одно было адресовано къ контръ-адмиралу Войновичу, а другое къ моему жепѣ. Тотовичъ увѣдомлялъ ихъ о томъ, что онъ и таврическій губернаторъ Василій Васильевичъ Коковцевъ, слышали отъ одного молодого греческаго купца, бѣжавшаго изъ Константинополя, что мой корабль «Марія Магдалина», потерявъ яхты въ Черномъ морѣ, былъ принесенъ подъ багарен константинопольскія. Грекъ тотъ говорилъ, что видѣлъ меня и знаетъ достовѣрно, что я и экипажъ корабля заключены въ тюрьму. Богдановъ говоритъ также, что Войновичъ былъ очень радъ извѣстію, подарилъ ему имперіаль и сказалъ: «Слава Богу, они еще живы!» Моя жена, рассказываетъ Богдановъ, сначала горько заплакала, потомъ, какъ бы ободрившись, тоже отблагодарила его за приспешное извѣстіе.

Ноября 14. Капитанъ-наша возвратился съ остатками своей эскадры. Сегодня же присланы къ намъ наши матросы, находившіеся въ кампаніи на этой эскадрѣ; но изъ 153 возвратились только 98, остальные за тѣмъ 55 умерли, потонули, сгорѣли, а нѣкоторые, счастливые, попались въ плѣнъ, или вѣрнѣе сказать, возвратились въ отечество. Небольшая часть нашихъ матросовъ получили за всю кампанію по 17 піастровъ, остальные же ровпо ничего.

Отъ постороннихъ я знаю, что два 60 пуш. корабля, одинъ 40 пуш. и два 36 пушечные фрегата, сожжены. Одинъ 56 пушечный корабль взятъ въ плѣнъ въ Очаковскомъ лиманѣ. Одинъ 60 пуш. корабль погибъ на румелійскомъ берегу, другой 40 пуш. на апаголііскомъ берегу и третій у береговъ Сициліи. Итакъ, турки, въ одинъ годъ, лишились 9-ти большихъ судовъ.

Наши матросы говорятъ, что въ одномъ очаковскомъ лиманѣ

сожжено, потоплено и вообще уничтожено 11 кораблей и фрегатовъ, кромѣ другихъ судовъ меньшаго ранга. Они же рассказываютъ, что капитанъ-наша отрубилъ головы 4-мъ своимъ капитанамъ за трусость.

Декабря 1. Умеръ іеромонахъ Мисаилъ.

Декабря 14. Отъ одного мнѣ знакомаго и заслуживающаго довѣренности человѣка, я получилъ точныя свѣдѣнія о потерѣ турецкаго флота въ Черномъ морѣ, въ этомъ году.

Вообще уничтожено: 3 корабля 60 пушечныхъ, 1 корабль 50 пушечный, 1 фрегатъ 42 пушечный, 2 фрегата 40 пуш., 2 фрегата 36 пуш., 7 судовъ, передѣланныхъ изъ купеческихъ, 2 бомбарды, 1 галей, 87 канонирскихъ лодокъ. Всего 97 судовъ.

Сверхъ того, корабль капитана-наши, который былъ имъ оставленъ, русскіе сожгли близъ Очакова.

* Рассказываютъ также, что во время пожара на томъ кораблѣ, одинъ смѣлый русскій матросъ полезъ на флагштокъ, снялъ оттуда флагъ капитана-наши и отдалъ его своему офицеру. Впоследствии этотъ флагъ былъ представленъ принцу Пассау; принцъ отослалъ его къ Императрицѣ въ числѣ многихъ другихъ трофеевъ, взятыхъ храбрыми русскими флотомъ.

Кончается 1788 годъ. Поступило со мною въ плѣнъ 396 человекъ, не возвратилось съ турецкаго флота 55 человекъ, умерло въ тюрьмѣ въ этомъ году, и болѣе отъ чумы, 68. Остается въ тюрьмѣ моей команды 204 человекъ.

1789 годъ.

Января 28. Патеръ Гардини порадовалъ насъ извѣстіемъ о взятіи Очакова. По этому случаю я пригласилъ къ себѣ всѣхъ русскихъ и австрійскихъ офицеровъ. У насъ весь день играла музыка и мы много пили за здравіе Императрицы, Иосифа П и ихъ храбрыхъ войскъ.

Февраля 13. Я прочелъ во французской и въ нѣмецкой газетахъ нѣкоторыя подробности о взятіи Очакова. Вотъ что тамъ пишутъ:

«6 декабря 1788 года, князь Потемкинъ, находясь при осадѣ Очакова, получилъ приказаніе отъ Императрицы взятъ Очаковъ во что бы то ни стало. Въ тотъ же день, по случаю праздника Св. Николая, у Потемкина собрались многіе генералы и офи-

церы съ поздравленіемъ его свѣтлости. Послѣ обѣда обыкновенно отдавался пароль: а потому, когда вышли отъ стола, и окруживъ Потемкина, ожидали его приказаній, князь, обратясь къ нимъ, спросилъ: «Господа, что думаете вы, и что думаетъ армія объ Очаковѣ?» — «Взять его!» отвѣтили все въ одинъ голосъ. «Когда такъ, то «жизнь или смерть» будетъ нашъ пароль въ предстоящую почъ. Ступайте къ своимъ мѣстамъ и приготовьтесь занять позиціи, назначенныя для штурма». Въ ту же почъ 14 000 человекъ пѣхоты и 2000 кавалеріи, раздѣленные на 6 колоннъ, стали на позиціи. На другой день, въ 7 часовъ утра, войска двинулись на приступъ, направи большую часть силъ на батареи Хасана-паши. Принцъ Ангальтъ и генераль-лейтенантъ Самойловъ, находясь на лѣвомъ флангѣ, дѣйствовали съ особымъ успѣхомъ. Въ 9 (а другая газета говоритъ въ 8) часовъ, начальникъ Очакова стоялъ уже плѣнникомъ предъ княземъ Потемкинымъ, который принялъ его, сядя на пустой пороховой бочкѣ, покуривая трубку съ видомъ хладнокровія, тогда какъ душа его трепетала отъ восторга при мысли, что, завладѣвъ столь важнымъ пунктомъ на берегу Чернаго моря, онъ оказалъ большую услугу своей Государынь». Далѣе сказано: «Турки защищались съ необыкновенною храбростью, русскія войска, заваявъ стѣны крѣпости, встрѣтили сильное сопротивленіе внутри, ибо турки, укрывшись въ домахъ, причинили большой уронъ въ полкахъ побѣдителей, производя ружейную пальбу изъ оконъ домовъ. Казалось, что обѣ стороны вознамѣрились: одна взять, во что бы то ни стало, а другая защищаться до послѣдней капли крови. Главную убыль въ людяхъ турки понесли при взрывѣ пороховаго погреба, при чемъ у нихъ погибло 7800 человекъ, въ плѣнъ взято 4700, всего же обывателей въ городѣ: турокъ, евреевъ, армянъ, грековъ, вмѣстѣ съ гарнизономъ, до начала осады было 25 000 человекъ; 300 мѣдныхъ орудій, 150 знаменъ, магазины съ провіантомъ, 2 000 000 шастровъ и 600 турецкихъ красавицъ достались побѣдителямъ».

«Убыль съ русской стороны состояла: убитыми при штурмѣ: генераль князь Волконскій, генераль Горевъ, 170 офицеровъ и 1000 нижнихъ чиновъ. Раненныхъ русскихъ 1200. Другая газета говоритъ, что русскихъ было убито при штурмѣ 4000». «Это доказываетъ», замѣчаетъ она, «съ какимъ мужествомъ защищались турки».

Марта 5. Сегодня, по случаю дня рожденія императора австрійскаго, я и другіе офицеры были приглашены къ плѣннымъ австрійцамъ. У нихъ былъ обѣдъ, ужинъ и во весь день играла музыка.

Марта 17. Корабль капитана-паши съ кораблями вице-адмирала, контръ-адмирала и нѣсколько другихъ кораблей, фрегатовъ и мелкихъ судовъ, вышли на рейдъ.

Марта 27. Утромъ сегодня умеръ султанъ Абдуль Хамедъ, отъ апоплексическаго удара. Вѣсть эта подтвердилась громкимъ салютомъ съ кораблей, стоящихъ на рейдѣ. Они поздравляли восточнаго на престолѣ Селима III.

Апрѣля 2. Сегодня короновался султанъ Селимъ III; при возвращеніи его съ коронаціи, эскадра салютовала ему, капитан-папа 9, адмиралы 7, а прочія суда меньшимъ числомъ выстрѣловъ. Люди стояли по реямъ; но все это было сдѣлано кое-какъ, на одномъ мѣстѣ стояло тросъ, на другомъ больше или меньше, кому какъ и гдѣ случилось. Люди одѣты грязно и неоднобразно.

Апрѣля 8. Праздникъ Св. Пасхи. Моя команда вся на лицо. Я уже на столько здоровъ, что могъ видѣть ихъ всехъ. Они стояли во фронтѣ, одѣтые въ новое платье, синяго прошеднаго года. Мы поздравляли другъ друга по христіански; я приказалъ раздать имъ по стакану вина.

Апрѣля 15. Турки опять взяли нѣсколькихъ изъ нашихъ людей на корабли. Я было заспорилъ, но мнѣ отвѣтили, что здѣсь смотреть на плѣнныхъ какъ на рабовъ.

Апрѣля 30. Сегодня послѣ полудни султанъ Селимъ III посѣтилъ арсеналъ и, не говоря много, приказалъ отрубить голову Терсану-Эмину. Говорятъ, будто бы рабочіе въ арсеналѣ жаловались султану на неаккуратную плату имъ денегъ. Другіе же утверждаютъ, что никакой жалобы не было, но что султанъ подозрѣвалъ Терсана-Эмина виновникомъ того, что не былъ на престолѣ прежде сего. По отсѣченіи головы, тѣло Терсана было располосовано тутъ же при султанѣ; онъ приказалъ положить ему голову подъ мышку и оставить трупъ въ такомъ видѣ на три дня. Рассказываютъ намъ за достовѣрное, что старшій сынъ Терсана Эмина, жепатый на дочери покойнаго султана Абдуль Хамеда, лишился головы чрезъ нѣсколько минутъ послѣ несчастнаго отца своего. Той же участи подверглись другой сынъ Тер-

сана Эмина, полацкій воевода и начальникъ артиллеріи. Всѣ пятеро лишились головы въ продолженіе какого нибудь часа.

Мая 1. Къ намъ прибылъ подполковникъ Иванъ Петровичъ Тримбинскій (сербъ, землякъ майора Витича).

Мая 6. Австрійскіе офицеры пригласили къ себѣ обѣдать подполковника Тримбинскаго. Этотъ господинъ принялъ приглашеніе и, сидя за столомъ, началъ ругать своихъ хозяевъ, называя ихъ подлецами и трусами, а всѣ войска австрійскія сбродомъ людей, неимѣющихъ понятія о дисциплинѣ. Такая рѣчь повела за собою большую ссору.

Сегодня я прогуливался позади тюрьмы; ко мнѣ подошелъ капитанъ-лейтенантъ Перелешинъ съ вопросомъ: слышалъ ли я отъ Тримбинскаго, что говорятъ въ Россіи касательно потери нашего корабля. Я отвѣтилъ, что ничего не знаю, и надѣюсь, что объ этомъ не можетъ быть никакого сужденія, пока мы, какъ свидѣтели случая, не возвратимся. «Да, ваша правда», сказалъ онъ, «но вы виноваты тѣмъ, что поставили на руль плѣннаго турка и не приказали выкинуть его за бортъ». Эта неожиданная дерзость чрезвычайно взбѣсила меня. — «Вы, а не я поставили его къ рулю; вы, отвѣтилъ я, «дали ему возможность направить корабль туда, гдѣ онъ въ настоящую минуту находится; и какъ могъ я приказать выкинуть за бортъ человѣка, совершенно безвѣснаго, и наконецъ вы бы не послушали меня, и что?» — спросилъ я его — «распорядился не допустить меня перерѣзать штуртросъ?» Послѣ этого послѣдовало продолжительное молчаніе, прерванное Перелешинимъ. — «Мнѣ очень прискорбно, началъ онъ, что вы обращаетесь со мною всегда съ такимъ пренебреженіемъ и даже презрѣніемъ». На это я отвѣтилъ, что онъ первый рѣшился дѣлать мнѣ оскорбленія и однажды въ присутствіи всѣхъ офицеровъ объявилъ, что не уважаетъ меня. — «Я много потерялъ, служа подъ вашею командою», заговорилъ опять Перелешинъ, «и не будь я на кораблѣ съ вами, я бы былъ теперь далеко впереди». — «Да», отвѣтилъ я, — «очень можетъ быть; но скажу вамъ тоже истину, что еслибы вы не были на кораблѣ, то корабль не былъ бы здѣсь. Вашему пьянству, имѣвшему пагубное вліяніе на дисциплину и порядокъ, обязаны мы всѣ, что находимся въ плѣну». «Я вамъ не лакей, не рабъ, не смѣйте говорить мнѣ такъ», закричалъ онъ; при этомъ я отвернулся и пошелъ въ другую сторону, онъ же, слѣдуя за мною, кричалъ мнѣ вслѣдъ, что

будетъ старше меня, что моя карьера уже кончилась, и что я теперь все потерялъ по службѣ. — «Будьте хоть старше, если судьба повыситъ васъ», отвѣтилъ я ему, «но не смѣйте думать, чтобы вы когда нибудь могли быть мнѣ равнымъ; будьте хоть на вышей степени служебнаго положенія, но знайте, что по вашему первѣйству, какъ человѣкъ безпачетливый, вы всегда будете ничтожны», и за тѣмъ просилъ его оставить меня въ покоѣ.

Мая 20. Турецкій флотъ, подъ командою капитана паши, отправился въ Черное море. Его составляютъ:

16 кораблей отъ 50 до 74 пушекъ, 20 фрегатовъ отъ 20 до 46 пушекъ, 4 бомбарды о 2 мортирахъ и о 22 пуш. каждая, 3 пакетбота о 24 пуш. каждый, 10 карленгичовъ о 12 пуш. каждый, 59 канонирскихъ лодокъ объ 1 пушкѣ каждая. Всего 112 судовъ.

Изъ моей команды взято на эту эскадру 95 человѣкъ, и еще больше того изъ команды шкуны «Вячеславъ».

Юня 5. Сегодня скончался Прокофій Ивановичъ Борисовъ. Онъ страдалъ застарѣлою болѣзью, обратился къ доктору французу, а тотъ залечилъ его до смерти.

Юня 6. Мы проводили тѣло Борисова до тюремныхъ воротъ, далѣе насъ не пустили. До воротъ его несли матросы шкуны «Вячеславъ», потомъ гробъ передали 6-ти грекамъ, которые, въ сопровожденіи греческаго священника, отнесли и похоронили его въ монастырѣ Св. Дмитрія.

Я припалъ въ свое вѣдѣніе команду шкуны.

Юня 14. Мичманъ Юліанъ Ломбарди бѣжалъ; какъ это ему удалось — трудно придумать. У воротъ находятся два капитана съ многочисленною стражею.

По случаю смерти Борисова, Ломбарди послалъ на лѣвомъ рукавѣ крѣпкую повязку, и за нѣсколько дней до побѣга, подъ этою повязкою, онъ имѣлъ маленькій кусочекъ золотой бумаги, на которой черными буквами было написано «свобода или смерть». Однажды онъ показалъ мнѣ эту бумажку съ девизомъ и спросилъ нравится ли мнѣ его идея; я конечно похвалилъ, но не обратилъ особеннаго вниманія, полагая, что идея кончится идеєю. Случай этотъ повелъ за собою много предположеній и толковъ. Одни думаютъ, что его побѣгу содѣйствовали французскій посланникъ, чрезъ патера Гардини. Другіе утверждаютъ, что посланникъ не участвовалъ, а подозрѣваютъ одного патера Гар-

дини; а всего меньше натурально предположение, которого между прочимъ придерживаются многие,—это то, что Ломбарди былъ въ заговорѣ съ Тримбинскимъ, и планъ ихъ состоялъ въ томъ, что Ломбарди, уйдя изъ тюрьмы, долженъ будетъ достать лодку и тѣмъ дать возможность къ побѣгу товарищу своего замысла Тримбинскому,—а Тримбинскій, слабый, раненый въ обѣ ноги, старикъ и едва можетъ ходить безъ посторонней помощи.

Какъ бы то ни было, но побѣгъ Ломбарди всеѣмъ намъ чувствителенъ. Наши матросы ходили цѣлый годъ безъ цѣпей, теперь ихъ опять заковали. Мы имѣли позволеніе гулять въ тюремномъ саду, сидѣть у воротъ и курить трубки, матросы любятъ пѣть свои народныя пѣсни,—все это теперь запрещено. Стражу смѣнили, заковали и посадили въ тюрьму. Сношеніе съ людьми, приносящими намъ пищу, позволяется не иначе какъ въ присутствіи часовыхъ. Султанъ приказалъ объявить намъ, что если Ломбарди не будетъ отысканъ въ теченіе трехъ дней, то всеѣхъ русскихъ и австрійскихъ офицеровъ закуютъ въ цѣпи. Получивъ такія страшныя обѣщанія, мы написали къ французскому посланнику письмо, за подписью моею, Тримбинскаго и двухъ австрійскихъ капитановъ; мы объявили, что лучше умремъ, но не позволимъ заковать себя.

Октября 23. Во время нашего обѣда между земляками Витичемъ и Тримбинскимъ завязался споръ, перешедшій въ брань. Маіоръ Гельфрейгъ всталъ и вышелъ изъ-за стола. Я очень деликатно замѣтилъ Витичу, что затѣянный ими споръ для многихъ изъ насъ неприятенъ, а потому просилъ ихъ кончить ссору. Этого было достаточно для нихъ, чтобы имѣть предлогъ обратиться на меня всю свою бѣшенную натуру. «Вы изменникъ, вы предатель, отдали корабль и людей въ руки неприятеля», закричали они, «какъ смѣете вы дѣлать намъ замѣчанія. Объ вашемъ поступкѣ уже извѣстно въ Севастополѣ». Тримбинскій между тѣмъ приходилъ все въ большую ярость и, наконецъ, схватилъ миску съ намѣреніемъ бросить ею въ меня; но его удержали другіе. «Господа», сказалъ я имъ, «Богъ дастъ мы встрѣтимся съ вами въ другомъ мѣстѣ и въ другихъ положеніяхъ, и надѣюсь, что тогда я не услышу отъ васъ тѣхъ оскорбленій, которыя вы въ настоящее время мнѣ дѣлаете».

Этимъ моимъ хладнокровіемъ я рѣшительно поразилъ ихъ, они замолчали, но послѣ обѣда къ нимъ присоединился Веревкинъ,

и эти три головы рѣшили присудить меня къ лишенію завѣдыванія командами корабля и шкуны. Они призвали къ себѣ клерка Петрова и приказали ему приискать статью въ регламентѣ Петра Великаго, которою опредѣляется наказаніе капитану, за отдаленіе корабля неприятелю безъ согласія на то экипажа. Петровъ отвѣтилъ имъ очень умно, что регламентъ остался на кораблѣ и что имъ нечего бы было дѣлать съ нимъ, если бы онъ и далъ имъ регламентъ. Петровъ очень разсердился ихъ, они разругали и выснали его вопъ. За тѣмъ судьи легли спать, и судъ надо мною кончился.

Октября 24. Мой единственный добрый товарищъ Карлъ Гельфрейгъ вынужденъ изъ тюрьмы. Сегодня освобожденъ изъ семибашеннаго замка русскій посланникъ Яковъ Ивановичъ Булгаковъ.

Октября 28. Два капитана турецкаго флота и два матроса повѣшены въ воротахъ нашей тюрьмы.

Ноября 2. Турецкій флотъ возвратился изъ Чернаго моря. Изъ команды моего корабля не возвратилось только двое. Одинъ изъ нихъ умеръ отъ болѣзни, а другой (Дмитрій Ивандовъ) убитъ въ дракѣ съ товарищемъ своимъ Иваномъ Ермолаевымъ.

Декабри 11. Къ намъ прибыли два греческіе капитана и одинъ лейтенантъ, венеціанецъ. Они командовали судами отряда маіора Ламбро-Качіони (*). Съ ними прибыли ихъ команды, состоящія болшею частію изъ мальтійцевъ.

Декабри 31. Сегодня умеръ лейтенантъ Степанъ Глушениновъ. Въ этомъ году умерло въ тюрьмѣ и въ морѣ 21 чел. Остается на лицо моей команды 173 человекъ.

(*) Ламбро-Качіони (грекъ) въ 1775 году служилъ въ русскомъ флотѣ подъ начальствомъ Орлова Чесменскаго. Въ 1787 году получилъ отъ Потемкина порученіе склонить персидскаго шаха къ войнѣ съ Турціею; за удачное исполненіе этого порученія получилъ чинъ маіора. Въ этомъ чинѣ онъ возвратился на свою родину, въ греческій Архипелагъ и тамъ, вооруживъ своими средствами одно военное судно, при чемъ ему было позволено носить русскій военный флагъ, началъ вредить Турціи, византійскимъ и сѣвѣмъ нападеніями на ея берега и суда. Вскорѣ къ нему присоединилось еще нѣсколько греческихъ судовъ, добровольно вызвавшихся служить противъ Порты, и такимъ образомъ, появленіе Качіони и его товарищей производило разореніе и ужасъ. За это Качіони былъ награжденъ чиною полковника и орденомъ Георгія 4 класса, а по окончаніи войны возвратился въ Россію.

1790 годъ.

Февраля 19. Въ числѣ плѣнныхъ русскихъ находится казакъ Долгій. Онъ обокралъ устроенную при тюрьмѣ греческую церковь и въ допросѣ показалъ, что съ нимъ участвовали поддигурманъ Спиридонъ Егоровъ и нѣкоторые другіе русскіе. Для порядка турецкаго судопроизводства было совершенно достаточно одного показанія, ничѣмъ не доказаннаго, а потому, Долгова, Спиридона Егорова и другихъ, считавшихся участниками въ грабежѣ, заковавъ въ желѣзо, приковали къ столбамъ и дали каждому по 300 ударовъ плетей. Нѣкоторые изъ нихъ умерли подъ ударами, другіе остались едва живыми.

Сегодня Долгій, умирая, сознался, что напрасно показалъ на другихъ, но, не смотря на то, невинные страдальцы остаются въ цѣпяхъ, прикованными у столбовъ. Стоны ихъ раздираютъ намъ души.

Марта 1. Наконецъ, послѣ многихъ нашихъ просьбъ, многихъ участниковъ преступленія Долгаго, простили; но простили только туретки, и что значитъ простить невинныхъ? Ихъ освободили отъ столбовъ и скованныхъ посылаютъ на работы въ арсеналь. Даже французскій посланникъ не можетъ ничего сдѣлать.

Марта 24. Свѣтлое Христово Воскресеніе. Сегодня я видѣлъ всю свою команду. Какъ они худы, какой страшный изнуренный видъ они имѣютъ, и можетъ ли быть иначе?

Эта жизнь наша, — три года въ тюрьмѣ, полная скорби, полная горечи, переполняется и очень часто грубостью и невѣжествомъ многихъ изъ нашихъ. Конечно, этому способствуетъ свободная продажа вина въ тюрьмѣ.

Между нами находится плѣкто Вавила Ивановичъ Бурнашевъ. Онъ выдаетъ себя за кавалерійскаго майора и очень кичится этимъ *ученымъ* званіемъ. Сегодня въ греческой церкви, находящейся при тюрьмѣ, собрались всѣ христіане и въ такой торжественный для насъ день, кавалеристъ Бурнашевъ пришелъ къ обѣднѣ пьяный, что, конечно, было всѣми замѣчено.

Человѣкъ этотъ (если можно назвать его человѣкомъ) вообще характера самаго неспокойнаго, въ особенности сегодня онъ превзошелъ себя. Весь день онъ придирался ко всѣмъ, наконецъ очередь дошла до меня, однако другіе заступились. Вечеромъ онъ хотѣлъ зарѣзать мичмана Велизарова; но тотъ убѣжалъ въ отдѣленіе австрійскихъ офицеровъ, гдѣ провелъ всю ночь.

Мая 11. Турецкій флотъ, подъ командою капитана-пани, отправляется въ Черное море. Онъ состоитъ изъ 16-ти кораблей отъ 56 до 78 пуш., 16 большихъ фрегатовъ отъ 40 до 50 пуш., 16 малыхъ фрегатовъ отъ 30 до 36 пуш., 5 бомбардъ по 1-й мортирѣ и о 22 пуш. каждая, 6 малыхъ бомбардъ, 4 требаковъ о 4 пуш. каждый, 4 паксботовъ о 22 пуш. каждый, 6 карленгичовъ о 22 пуш. каждый, 32 капопирскихъ лодокъ объ 1 п. каждая. Всего 105 судовъ.

Юня 4. Постоянныя распри между офицерами вывели меня наконецъ изъ терпѣнія. Я просилъ французскаго посланника изхотатайствовать для меня особое помѣщеніе. Сегодня я перешелъ въ другую комнату и взялъ съ собою тѣхъ, которые обыкновенно составляютъ мое общество, а именно: мичмановъ Велизарова и Дегалето, адъютанта Карабановскаго и подлекаря Шинжака. Шинжакъ очень хорошій молодой человѣкъ (шведъ), онъ съ большимъ усердіемъ занимается своимъ дѣломъ; но, къ сожалѣнію, его скоро возьмутъ отъ насъ. Шведскій посланникъ хлопочетъ объ его освобожденіи.

Декабря 19. Австрійскихъ военно-плѣнныхъ находилось съ нами въ тюрьмѣ: офицеровъ разныхъ званій 27, пленныхъ чин. 1265. Изъ этого числа умерло въ тюрьмѣ 714 ч., остальные за тѣмъ 578 отосланы сегодня въ армію, на размыгъ.

Декабря 31. Въ этомъ году общей убили умершихъ въ тюрьмѣ съ невозвратившимися изъ Чернаго моря 25; за тѣмъ, остается на лицо моей команды 148 человекъ.

1791 годъ.

Января 11. Мой артиллеристъ, Рубетсъ, объявилъ тюремному секретарю желаніе перейти въ мусульманство. Мы уговаривали его оставить постыдную мысль; но напрасно. Такъ какъ онъ католикъ, то мы просили патера Гардини, но и это осталось безъ желаемаго успѣха. Тюремный секретарь донесъ своему начальству, Рубетса потребовали къ допросу и надо сказать правду, допрашивавшіе его были еще на столько благоразумны, что желали узнать, не есть ли это моральное разстройство вслѣдствіе пьянства, и уже, убѣдившись, что Рубетсъ дѣлаетъ это въ полномъ сознаніи, начали кланяться, цѣловать его и обѣщали доставить Дивану.

По возвращении в тюрьму, Рубетсъ спялъ съ шеи крестъ, отдалъ его сигнальщику Николаю Цыплятову, а образъ шкиперу Игариову, потомъ, взявъ назадъ эти вещи, отдалъ ихъ капитанъ-лейтенанту Переленину, для передачи отцу своему, Рубетсу.

Июля 22. Възвѣщенный отъ насъ мичманъ Ломбарди, уже капитанъ-лейтенантъ. Къ намъ прибыло три матроса, находившіяся подъ его командою.

Февраля 25. Я получилъ два письма отъ своего земляка Ричарда Лэв (Love). Онъ поступилъ въ русскую службу во флотъ лейтенантомъ, въ началъ нынѣшней войны. Вотъ что онъ пишетъ: «Изъ Севастополя я выѣхалъ въ июнѣ прошедшаго года, и оставилъ жену вашу здоровою. Она пользуется уваженіемъ, иногда посѣщаетъ общество, но, не скрою отъ васъ, что часто среди шумныхъ удовольствій севастопольскаго круга она груститъ и замѣтно, что печаль преслѣдуетъ ее всюду. Большой вашъ домъ она продала въ казну за 3500 руб., гдѣ въ настоящее время живетъ бригадиръ Галенкинъ, занимающій второе мѣсто послѣ главнаго начальника, а мистрисъ Тиздель перебралась въ маленький домъ. Капитанъ Вильсонъ и нѣкоторые другіе наши соотечественники снабжаютъ ее дровами и водою. У Томи есть учитель русскаго языка.

«Я и многіе другіе исполнѣ сочувствуемъ страданіямъ вашимъ, но есть и равнодушные къ вашему несчастію, и на бѣду они имѣютъ болѣе силы, нежели чувствъ. Могутъ, но не желаютъ сдѣлать вамъ добро. Ваши прежніе усилія по службѣ приготовили вамъ много враговъ, а потому, мудро ли, что зависть и злоба направили теперь на васъ всѣ орудія мести. Въ то же время, скажу вамъ другую истину,—я знаю 19 русскихъ капитановъ и офицеровъ, говорящихъ въ вашу пользу. Они утверждаютъ, что вы, потерявъ рангоутъ, желали разбить вашъ корабль чтобы не попасть въ плѣнъ, но офицеры и команда не допустили васъ до того, заперевъ въ каюту; они говорятъ, что офицеры и команда угрожали вамъ смертію. Этому, повторяю, немногіе вѣрятъ, нашлись такіе, которые представили васъ Потемкину въ весьма дурномъ свѣтѣ, а князь, какъ вы знаете, немного смыслить въ морскомъ дѣлѣ. Я самъ слышалъ рассказъ Войновича, что Потемкинъ сдѣлалъ ему выговоръ, за назначеніе васъ командиромъ корабля, на что въ оправданіе свое онъ отвѣтилъ князю, что вы на-

значены командиромъ не имъ, а адмираломъ Сухотиннымъ еще до вступленія его, Войновича, въ должность командира эскадры».

Неужели, думаю я, Войновичъ не только не считать себя въ силѣ защитить меня; но даже оправдывается тѣмъ, что я команду кораблемъ не по его распоряженію?

Въ другомъ письмѣ Лэвъ пишетъ: «Вы просите быть съ вами откровеннымъ и не скрывать ничего, что я знаю. Извольте, я исполню ваше желаніе и пишу вамъ слова Потемкина, слышанныя мною отъ русскихъ офицеровъ и отъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ земляковъ. Потемкинъ сказалъ, что еслибы вы были въ его власти, то онъ сослалъ бы васъ въ Сибирь, безъ всякаго суда. Изъ этого вы хорошо можете видѣть его мнѣніе объ васъ. Еще я знаю одного изъ сильныхъ враговъ вашихъ, это главный командиръ въ Севастополѣ, контръ-адмиралъ Ушаковъ. Я самъ неоднократно слышалъ его дурной отзывъ объ васъ. Вотъ вамъ короткій, но въ то же время вѣрный очеркъ тому въ какомъ положеніи находится дѣло до возвращенія вашего. Мистрисъ Тиздель тоже боится, что Потемкинъ будетъ стоять противъ возвращенія вашего въ Россію; эта мысль ее не оставляетъ. Но не упивайте, добрый другъ мой. Впрочемъ, я увѣренъ, что пишу къ человеку твердому, который скажетъ себѣ: всякое наказаніе только тогда можетъ назваться наказаніемъ, когда есть сознаніе въ винѣ; сознаніе своей виновности даетъ полное право пренебрегать наказаніемъ, потому что правда не посрамится никогда. Придетъ время, справедливый судъ разъяснитъ правду вамъ, разгонитъ черноту злобы враговъ, затмѣвающихъ истину, и тогда, возрадуютесь вы и возрадуются всѣ любящіе васъ».

Грустное утѣшеніе! а между тѣмъ, четыре года я живу въ тюрьмѣ, между презрѣнными рабами и преступниками, гдѣ смерть витаетъ вокругъ насъ, гдѣ мы почти ежедневно бываемъ невольными зрителями казни, и сами незнаемъ когда и какой конецъ будетъ нашимъ страданіямъ.

Апрѣля 15. Эскадра капитана-пани перешла къ Буюкдере и готовится идти въ Черное море. Вечеромъ пришелъ корабль и 6 фрегатовъ, находившіяся въ крейсерствѣ въ Архипелагѣ. Они привезли къ намъ офицеровъ и матросовъ, взятыхъ въ плѣнъ прошедшаго года съ эскадры майора Ламбро-Кациони.

Мая 19. Эскадра капитана-пани отправилась въ Черное море. Она состоитъ изъ 13 кораблей отъ 66 до 72 пушекъ, 6 кораб-

лей 52 пушечныхъ, 20 фрегатовъ отъ 30 до 42 пуш., 6 фрегатовъ отъ 22 до 24 пуш., 30 карленгичовъ и другихъ мелкихъ судовъ, имѣющихъ каждое отъ 14 до 18 пуш., 26 канонирскихъ лодокъ объ одной пушкѣ каждая; всего 101 судно. На эту эскадру русскихъ подданныхъ взято 333 человека, въ томъ числѣ одинъ капитанъ и 5 молодыхъ офицеровъ эскадры Ламбро.

Мая 31. Одинъ корабль, фрегатъ и поляръ отравились отсюда на присоединеніе къ эскадрѣ капитана-пани.

Юня 19. Люди пани держатъ постъ, причѣмъ употребляютъ въ большомъ количествѣ чеснокъ; это производитъ сильное воспаленіе крови и сегодня оказалось 19 человекъ больныхъ горячкою.

Юня 21. Больныхъ чумою 14. Умерло сегодня двое по приводѣ ихъ въ лазаретъ.

Юня 30. Чума усиливается, сегодня умерло 19 чел.

Юля 7. Сегодня утромъ заковали въ желѣзо и сковали вмѣстѣ двухъ греческихъ капитановъ Поллатино и Пискало; тоже хотѣли сдѣлать съ 15 русскими офицерами. Какъ мы ни старались противиться такому распоряженію турецкаго начальства, они исполнили свое намѣреніе. Капитанъ Поллатино подговорилъ одного грека достать ему платъ для побряга, и въ предупрежденіе такого случая, варвары заковали 16 человекъ невинныхъ.

Юля 8. Турки, не имѣя никакого усѣха надъ непріятелемъ, выдумали сыграть комедію. Они взяли гдѣ то маленькое судно, экипажъ котораго состоялъ изъ 21 человека грековъ, турецкихъ подданныхъ; судно имѣло паспортъ отъ турецкаго правительства. Корабль этотъ привели суда съ большимъ триумфомъ, а бывшихъ на немъ людей прислали къ намъ въ тюрьму.

Августа 9. Сегодня рано утромъ приходилъ къ намъ почтенный натеръ Гардини, и сообщилъ мнѣ отъ имени банкира барона де-Хубтъ, что между императрицею Екатериною и султаномъ Селимомъ начались переговоры о мирѣ. Г-нъ Хубтъ знаетъ объ этомъ изъ письма отъ великаго визиря.

Августа 10. Я получилъ письмо отъ барона де-Хубтъ; онъ поздравляетъ насъ съ заключеніемъ мира Россіи съ Турціею, и что предварительные пункты подписаны 2 августа. Я поторопился обрадовать этимъ извѣстіемъ своихъ товарищей.

Августа 12. Переводчикъ Мирамъ сказалъ мнѣ, что предварительные пункты мира Россіи съ Турціею уже подписаны, что окончательное разсужденіе отложено на неопредѣленное время,

по со 2 августа приказано прекратить непріятельскія дѣйствія на 8 мѣсяцевъ, и насъ обѣщаютъ освободить чрезъ 15 дней.

Августа 17. Французскій посланникъ приказалъ прислать къ нему платъ нашихъ матросовъ, находящихся на турецкой эскадрѣ, и я полагаю, что ихъ освободить прямо отсюда.

Я потребовалъ снять немедленно цѣпи съ нашихъ офицеровъ и освободить отъ работъ матросовъ. Тюремный секретарь обѣщаль довести объ этомъ Терсану-Эмину.

Августа 24. Продавъ недѣлю и видя, что не исполняются мои требованія, я запретилъ людямъ ходить на работу, и послалъ сказать Терсану-Эмину, что имѣю надобность говорить съ нимъ.

Августа 25. Сегодня люди отказались идти на работу. Лиманъ-Рейсъ потребовалъ меня къ себѣ, и приказалъ выслать людей на работу, въ противномъ случаѣ грозилъ довести объ этомъ Терсану-Эмину. Я отвѣтилъ что онъ можетъ, если хочетъ, доносить объ этомъ хотя самому султану, но уже никто изъ русскихъ на работу не пойдетъ, и повторилъ свое требованіе снять цѣпи съ офицеровъ и съ матросовъ. Чрезъ часъ послѣ того меня повели къ Терсану-Эмину, тотъ тоже началъ было тѣ же требованія, но я ему отвѣтилъ, что наши люди работали для нихъ 4 года, въ продолженіе которыхъ они довольно перенесли истязаній, и что такъ какъ ему, Терсану-Эмину, конечно извѣстно о начавшихся переговорахъ о мирѣ, то я требую снять цѣпи съ офицеровъ и матросовъ, и что никто изъ подданныхъ Ея Величества работать для нихъ не будетъ. Терсанъ-Эминъ вздумалъ было испугать меня тѣмъ, что на это онъ имѣетъ приказаніе капитана-пани, но я рѣшительно объявилъ, что не буду повиноваться даже самому султану.

Терсанъ-Эминъ перемѣнилъ тонъ и сказалъ, что если я исполню его желаніе, то онъ прикажетъ снять цѣпи съ офицеровъ. Я отвѣтилъ, что вовсе не намѣренъ заключать съ нимъ какія нибудь условія, а напоминаю ему, что скоро пріѣдетъ сюда русскій посланникъ и вѣроятно полюбопытствуетъ знать причину, почему закованы подданные Ея Величества, и тогда же онъ узнаетъ о томъ, что мы не получали отъ турецкаго правительства слѣдсмаго намъ содержанія, котораго недостаточно на насущный кусокъ хлѣба; узнать онъ также и о томъ,

что выдаваемый намъ хлѣбъ до того скверенъ, что мы не могли его ѣсть.

Терсанъ-Эмиль, видя мое твердое намѣреніе не поддаваться его приказаніямъ, обѣщалъ сейчасъ же придти къ намъ съ вооруженною командою. «И тогда, надѣюсь,—сказалъ онъ, я буду имѣть успѣхъ.»—«Я тоже имѣю полную надежду на успѣхъ, отвѣтилъ я,—и увѣренъ, что ни одинъ русскій не выдетъ изъ тюрьмы живымъ, а за насиліе, какого бы рода оно ни было, вы будете отвѣчать.» Сказавъ это, я пошелъ къ людямъ и повторилъ имъ приказаніе не ходить на работы.

Августа 29. Турецкій вице-адмиральскій корабль и два другіе возвратились изъ крейсертва для исправленія поврежденій. Сегодня присланы къ намъ 70 человекъ нашихъ матросовъ, съ ними же возвратились въ тюрьму капитанъ Демокани и лейтенантъ Франциско Симонъ.

Августа 30. Вице-адмиралъ требовалъ на работу на корабли нашихъ людей, бывшихъ на его эскадрѣ, въ чемъ, конечно, получилъ отказъ; а потому онъ пригласилъ меня къ себѣ, но самъ я не поѣхалъ, а послалъ лейтенанта Симона; посланный скоро возвратился съ извѣстіемъ, что адмиралъ желаетъ говорить со мною лично. По второму приглашенію я поѣхалъ, взявъ съ собою въ переводчики лейтенанта Симона. Адмиралъ встрѣтилъ меня очень ласково, предложилъ мнѣ сѣсть и спросилъ, по какой причинѣ матросы, служившіе на его эскадрѣ, отказываются идти на работу. Я отвѣтилъ весьма просто, что теперь заключено перемиріе, а потому не высылаю людей для работъ въ арсеналъ и на острова, о чемъ я уже имѣлъ случай лично объясниться съ Лиманомъ-Рейсомъ и Терсаномъ-Эмипомъ. Послѣ того онъ спросилъ о капитанахъ Поллатино и Носкало, привезенныхъ имъ прошедшаго года изъ Архипелага. Я рассказалъ ему случай, бывший съ этими двумя офицерами, и что такой же участи, совершенно безвинно, подверглись 15 русскихъ офицеровъ. Я воспользовался возможностью говорить съ нимъ и передалъ ему многое касательно нашего положенія; что мы въ теченіе десяти мѣсяцевъ не получали содержанія отъ турецкаго правительства. Онъ выслушалъ все съ большимъ вниманіемъ и обѣщалъ заяться улучшеніемъ нашего быта.

Съ капитановъ Поллатино и Носкало сняты цѣпи; это, говорятъ, сдѣлано по ходатайству французскаго посланника.

Августа 31. Пользуясь тѣмъ, что нашихъ матросовъ уже не посылаютъ на работы, я хотѣлъ сдѣлать имъ общій смотръ, а потому еще вчера приказалъ лейтенанту Сахарову, чтобы сегодня все русскіе плѣнные были поставлены во фронтъ. Сахаровъ донесъ мнѣ, что Веревкинъ подговариваетъ людей не слушаться моихъ приказаній. Я позвалъ къ себѣ Веревкина и сказалъ ему, что мнѣ стыдно спорить съ нимъ о своихъ правахъ, но что я донесу объ его неповиновеніи французскому посланнику и не буду требовать довольствія для него и для его команды.

Сентября 5. Я выдалъ деньги за первые 10 дней всѣмъ, кромѣ команды Веревкина.

Сентября 7. Веревкинъ поставилъ во фронтъ своихъ людей, всего 1 сержанта и 7 солдатъ. Они требовали выдачи денегъ. Веревкинъ обратился ко мнѣ за удовлетвореніемъ его людей, но я предложилъ ему припомнить день, когда онъ объявилъ, что не признаетъ меня своимъ начальникомъ. Этому свидѣтели майоры Витичъ и Бурнашевъ, мичмана Велизаровъ, Дегалето и адъютантъ Карабановскій. Тогда былъ у меня патеръ Гардини и я просилъ его передать слышанное имъ французскому посланнику.

Сентября 8. Сегодня я выдалъ оставшіяся за турецкимъ правительствомъ деньги. При этомъ произошла грустная, но не менѣе того оригинальная сцена. Витичъ бранился съ Веревкинъ, потомъ Бурнашевъ и Тримбинскій поколотили Веревкина. Эти офицеры не постыдились разыграть эту комедію даже въ присутствіи 200 человекъ матросовъ.

Сентября 17. Часть турецкаго флота возвратилась изъ Чернаго моря.

Сентября 18. Капитанъ-пана возвратился съ остальными кораблями. Ему была сдѣлана церемоніальная встрѣча, какъ бы одержавшему побѣды надъ русскимъ флотомъ.

Къ намъ присланы наши матросы. Изъ 333-хъ человекъ возвратилось только 302, прочіе находятся на судахъ, оставленныхъ для крейсертва въ Черномъ морѣ.

Когда наши люди ходили на работу, имъ позволялось уносить съ собою по небольшому количеству щепъ. Этою щепою варилась пища для офицеровъ и команды. Теперь мы уже нѣсколько дней безъ варки, а потому я просилъ тюремное начальство снабдить насъ дровами; но они только обѣщаютъ.

Сегодня послѣдовалъ фирманъ великаго визиря, которымъ приказано 20 русскихъ офицеровъ перевести въ семибашенный замокъ. Это извѣстіе сообщилъ намъ тюремный секретарь и объявилъ, что въ семибашенномъ замкѣ мы будемъ пользоваться помѣщеніемъ, приличнымъ нашему званію. Я отвѣтилъ ему, что если турецкое правительство содержало меня въ самой скверной тюрьмѣ, какая только есть въ Константинополѣ, и если оно до сихъ поръ не подумало о томъ, какъ варварски поступаетъ съ нами, то что касается до меня собственно, я остаюсь тамъ, гдѣ останутся мои матросы, и не выйду изъ тюрьмы, гдѣ живу 4 года. Секретарь сказалъ мнѣ, что приказаніе визиря одобрено султаномъ, и не можетъ быть неисполнено, и что уже сдѣлано распоряженіе приготовить для насъ комнаты въ семибашенномъ замкѣ, и приказалъ намъ быть готовыми къ переселенію завтра рано утромъ.

Послѣ обѣда я роздалъ деньги вновь прибывшимъ съ турецкихъ судовъ матросамъ, и командѣ Веревкина; потомъ, созвавъ всѣхъ плѣнныхъ нижнихъ чиновъ, объявилъ имъ, что меня и офицеровъ переводятъ въ семибашенный замокъ; но что я употребляю всѣ старанія остаться съ ними. Это было при Верекинѣ, Дегалето и другихъ офицерахъ, живущихъ въ большой тюрьмѣ.

Сентября 23. Сегодня утромъ всѣ матросы пришли ко мнѣ съ просьбою не оставлять ихъ. «Всѣхъ васъ, говорили они, насъ опять закупаютъ въ желѣзо, будутъ бить и высылать на работы». Такое ихъ ко мнѣ довѣріе тронуло меня до слезъ. «Благодарю васъ друзья мои», сказалъ я имъ, «за вашу ко мнѣ любовь и довѣріе, но, къ сожалѣнію, долженъ напомнить вамъ, что я такой же несчастный плѣнный, какъ и вы; впрочемъ, я употребляю всѣ усилія исполнить наше общее желаніе, и въ то же время не спрою отъ васъ, что не имѣю большой надежды на успѣхъ. Тюремное начальство, ссылаясь на волю султана, можетъ употребить силу, чтобы заставить меня выйти отсюда и всякое мое сопротивленіе послужитъ къ общему нашему вреду; но, вѣрьте мнѣ, что попеченіе объ васъ будетъ пріятнѣйшею моею обязанностію». Лишь только я кончилъ, меня потребовали къ тюремнымъ воротамъ; тамъ находились два секретаря капитана-наши, тюремный секретарь и г-нъ Мирамъ, переводчикъ французскаго посольства. Секретари капитана-наши повторили мнѣ слышанное мною вчера, и имъ отвѣтилъ тоже,

что не желаю оставить свою команду, и кромѣ того, имѣя порученіе наблюдать за поведеніемъ своихъ людей и за раздачею имъ содержанія, я строго буду отвѣчать предъ своимъ правительствомъ, если по возвращеніи моемъ въ Россію обнаружатся какія нибудь несправности по этимъ частямъ, а потому, если султанъ желаетъ доставить мнѣ спокойствіе, то я какъ милости прошу его не разлучать меня съ моими людьми, съ моею командою, съ которою я прожилъ 4 года; это общее наше желаніе и просьба къ султану. Секретари отвѣтили, что султанъ дѣлаетъ это не для меня, а для Императрицы, съ которою онъ заключилъ миръ, а потому никакъ не согласится на нашу просьбу. Долго еще я спорилъ и переговаривался съ посланными, но они рѣшительно объявили, что не смѣютъ и думать довести объ моемъ желаніи начальнику. «Воля султана священна», сказали они въ заключеніе, и «не можетъ быть измѣнена ни какими судьбами».

Видя, что нашему разговору не будетъ конца, если дѣло обратится въ проповѣдь на текстъ о святости воли султана, я объявилъ, что во всякомъ случаѣ не оставляю людей однихъ безъ офицера, и для этого я выбираю мичмана Дегалето, которому поручу надзоръ и покровительство надъ всѣми плѣнными христіанами.

Лишь только это дѣло было устроено, хотя и не по моему желанію, какъ являлось другое. Всякому офицеру было позволено взять съ собою для прислуги по одному матросу. Я былъ въ большомъ затрудненіи кого выбрать; мнѣ хотѣлось взять всѣхъ, или по возможности больше, рассчитывая доставить и имъ болѣе удобную жизнь. Послѣ того намъ приказали взять свои вещи и выйти къ тюремнымъ воротамъ. Погода была очень непогодна, лилъ сильный дождь, съ вѣтромъ, что совершенно не благоприятствовало нашему переселенію, а потому я отказался идти сегодня, разумѣя, что для нашихъ благодѣтелей все равно перевести насъ, или лучше сказать, устроить свою церемонію днемъ раньше или позже, тѣмъ болѣе что мнѣ хотѣлось еще разъ видѣть своихъ людей и дать г. Дегалето нѣкоторые приказанія. Я объявилъ церемоніймейстерамъ, что если и завтра будетъ такая же погода, то я не пойду и завтра. Послѣ того я пошелъ въ большую тюрьму, пригласилъ къ себѣ греческихъ офицеровъ и всѣхъ остающихся въ тюрьмѣ людей разныхъ націй и ска-

заль имъ нижеслѣдующую рѣчь: «При всѣхъ моихъ домогательствахъ, къ общему нашему сожалѣнію, мы должны разстаться. Я поручаю васъ г. мичману Дегалето, такъ какъ этотъ офицеръ, надѣюсь, вполне замѣнитъ вамъ меня. Въ продолженіе всего пребыванія нашего здѣсь, онъ отдавалъ вамъ всѣ деньги на содержаніе ваше, и ни отъ кого изъ васъ я не слыхалъ жалобы, чтобы онъ кому нибудь не отдалъ слѣдующаго. Г. Дегалето будетъ ежедневно доносить мнѣ о вашемъ положеніи, и опять повторю вамъ, вы будете моею первою и единственною заботою». Я при всѣхъ отдалъ г. Дегалето письменное приказаніе касательно завѣдыванія людьми, за тѣмъ послѣдовала минута разставанія. Я простился съ бѣдными матросами, товарищами моей участи, и не безъ горести вышелъ отъ нихъ.

Сентября 24. Сегодня, рано утромъ, началась суета; у тюремныхъ воротъ шло приготовленіе какъ будто Богъ знаетъ къ чему. Во дворѣ стояли солдаты, мимо ихъ съ важностію ходили и о чемъ то громко разсуждали два чауса (*), присланные отъ каймакона (**), а другіе два отъ капитана-паши. Тюремный секретарь, нарядившись во все новое, тоже съ озабоченнымъ видомъ, дѣлалъ разныя распоряженія, чтобы ничего не было упущено изъ виду, при такомъ торжественномъ случаѣ; за нимъ вѣсело слѣдовалъ синьоръ Григорій Мирамъ. Я и смѣялся и сердился, глядя изъ окна своей комнаты на эту комедію.

Въ 9 часовъ утра къ намъ пришелъ Григорій Мирамъ и объявилъ отъ имени чаусовъ, что по приказанію вышенаго начальства, намъ дозволено взять съ собою не 20 человѣкъ прислуги, какъ то было назначено прежде, а только 10. Это меня разсердило; я поручилъ синьору Григорію передать чаусамъ отъ всѣхъ насъ, что 10 человѣкъ прислуги для 19 офицеровъ, во все несогласуется съ тѣмъ почетомъ, которымъ мы обыкновенно пользуемся въ Россіи, и въ добавокъ, это далеко разнится съ тѣмъ почетомъ, который намъ обѣщала фирма великаго визира, и если господа чаусы не позволяютъ взять мнѣ и подполковнику Тримбинскому по 3, а прочимъ офицерамъ по 1 матросу, то мы не выйдемъ изъ тюрьмы, если бы даже вздумали принуждать насъ къ тому силою и употребили бы на то всѣхъ солдатъ, стоящихъ во дворѣ. Переводчикъ ушелъ, но вскорѣ

(*) Полицейскій чиновникъ.

(**) Старшій полицейскій чиновникъ.

возвратился съ отвѣтомъ, что чаусы не могутъ измѣнить приказанія, полученнаго отъ начальства, и говорятъ, что съ насъ довольно 10 человѣкъ. Я и Тримбинскій вышли къ чаусамъ и лично подтвердили свои требованія, увѣряя ихъ, что мы просимъ лишь только то число прислуги, которое принадлежитъ намъ по званіямъ, что наши полковники нигде не выходятъ безъ трехъ человѣкъ тѣлохранителей. Долго мы еще спорили съ ними о томъ, какая обстановка болѣе прилична для насъ, наконецъ таки настояли на своемъ. Пока мы спорили, всѣ плѣнные нижніе чины вышли изъ тюрьмы и лишь только я, кончивъ свой диспутъ, хотѣлъ идти къ себѣ, всѣ они, окруживъ меня, начали прощаться со мною. Надо замѣтить, что вскорѣ по заключеніи мира, тюремное начальство перемѣнило свое обращеніе съ нами, и можно сказать, даже боялось насъ. Съ офицеровъ цѣпи были сняты послѣ моего разговора съ вице-адмираломъ, а матросы распорядились сами. Забавнѣе всего то, что нѣкоторые цѣпи были возвращены караульному капитану, а большая часть ихъ попала въ кабакъ (любопытно знать за какую цѣну они поступили опять въ казну). Успокоивъ своихъ бѣдныхъ товарищей, я приказалъ имъ возвратиться въ тюрьму, а самъ обратился къ стоявшему тутъ тюремному начальству съ вопросомъ, какъ они будутъ обращаться съ остающимися у нихъ плѣнными, не начнутъ ли они по прежнему истязать, заковывать въ цѣпи, безпокладно бить и высылать на работы. Они отвѣтили, что заковывали въ цѣпи и посылали на работы по существующему у нихъ обыкновенію, но что теперь есть приказаніе обращаться съ плѣнными какъ можно лучше. «Если такъ», сказалъ я имъ, «то пойдете со мною и повторите ваши обѣщанія». Съ этими словами я взялъ чауса капитана-паши и тюремнаго секретаря за руки и пошелъ съ ними въ тюрьму, прочія личности слѣдовали за нами. Прийдя туда, я приказалъ людямъ стать во фронтъ. Чаусы чрезъ переводчика повторили свои слова, поговорили много обѣщаній, и затѣмъ послѣдовала другая сцена, истинно торжественная. Мы прощались съ нашими товарищами, какъ братья по вѣрѣ и участи. Послѣ того офицерамъ было приказано выходить за тюремныя ворота, потомъ начали вызывать по очереди нашу прислугу. Я вывелъ къ себѣ доктора Шинака и двухъ греческихъ офицеровъ, прибывшихъ съ эскадры Ламбро.

Когда это было кончено, насъ повели подь конвоемъ, шедшимъ съ обѣихъ сторонъ въ два ряда. И до сихъ поръ не могу догадаться, къ чему были взяты эти предосторожности, — обѣжать намъ было некуда, да и зачѣмъ, если война кончилась, и, протерѣвъ 4 года, что значить одицъ мѣсяцъ, тѣмъ болѣе, что намъ обѣщали комфортабельную жизнь. Если же это было сдѣлано въ обереженіе насъ отъ народа, то напрасно — мы шли пустыми мѣстами; почету тутъ — я тоже не вижу.

Спусти недолго времени, мы пришли къ берегу. Меня съ моими ассистентами (прислугою я не могу ихъ назвать) посадили въ особенный большой каюкъ, прочихъ офицеровъ разсажали по маленькимъ плюнкамъ, и такъ мы отправились къ мѣсту нашего новаго жилища. Тамъ мы представились къ агѣ (*) (коменданту крѣпости), и каково было наше удивленіе, когда вмѣсто обѣщанной комфортабельной жизни, онъ приказалъ помѣстить насъ въ одной грязной и темной комнатѣ. Я объявилъ ему, что фирмапомъ великаго визиря мы переведены сюда не для того, чтобы жить хуже даже того, какъ мы жили въ тюрьмѣ, когда были еще плѣнными, но теперь война кончилась, а потому насъ должно содержать прилично нашему званію, и если онъ не придумасть ничего лучшаго, то мы требуемъ возвратитъ насъ туда, гдѣ мы были, а по моему мнѣнію, добавилъ я, приличіе всего дать намъ тѣ комнаты, гдѣ жилъ посланникъ Булгаковъ. Моя рѣшительная рѣчь имѣла полный успѣхъ и произвела сильное впечатлѣніе на нашего новаго начальнига агу. Онъ до того струсилъ, что задрожалъ и началъ упрашивать подождать недолго, обѣщая приготовить для насъ лучшія комнаты, а находившійся тутъ каія (***) предложилъ намъ пить у него кофе, отъ чего мы не отказались.

Дѣйствительно, чрезъ весьма короткое время явился ага съ предложеніемъ слѣдовать за нимъ, и ввелъ насъ въ хорошія комнаты съ окошками въ садъ, который, какъ сказалъ самъ ага, отдастся въ наше пользованіе; въ саду очень хорошенькая бесѣдка. Ага попросилъ меня выбрать для себя комнату, а по другимъ раздѣлить офицеровъ. Между тѣмъ вносили наши вещи, и когда все было устроено, ага и каія простились съ нами очень дружески.

(*) Комендантъ.

(**) Офицеръ, служащій при крѣпости.

Сентября 25. Сегодня утромъ ага объявилъ, что на наше содержаніе назначено отпускать 300 піастровъ въ мѣсяцъ, полагая тутъ отопленіе и освѣщеніе. Я еще вчера замѣтилъ, что на этого господина успѣшно дѣйствуетъ рѣшительность и внезапность, а потому прямо спросилъ его, кто я? и за тѣмъ, не давъ ему опомниться, сдѣлалъ ему другой вопросъ, знаетъ ли онъ, что я сераскиръ (*), и можетъ ли сераскиръ одинъ довольствоваться 300 піастрами въ мѣсяцъ и, слѣдовательно, какъ можетъ турецкое правительство назначить для всѣхъ насъ только 300 піастровъ? Онъ, дѣйствительно, оробѣлъ и, завертываясь во всѣ стороны, говорилъ, что это есть воля султана. Я тотчасъ написалъ письмо къ рейзу-эфендію (**), которое поручилъ агѣ передать ему лично. Ага скоро возвратился съ извѣстіемъ, что мое письмо приказано перевести на турецкій языкъ для доклада султану, и прибавилъ, что мы напрасно затѣяли такую исторію, потому что переписка по этому дѣлу продолжится по крайней мѣрѣ мѣсяцъ. Послѣднія его слова такъ разсердили офицеровъ, что они бросились на него со всею бранью, которую затвердили въ 4 года пребыванія въ Турціи. Ага убѣждалъ, а мы остались въ ожиданіи лучшаго положенія и, на наше счастье, у насъ были деньги, полученныя отъ турецкаго правительства за послѣдніе 10 мѣсяцевъ; безъ того мы бы вполнѣ насладились обѣщаннымъ намъ комфортомъ.

Сентября 28. Ага пришелъ къ намъ съ жалобою, что наша прислуга ломаетъ садъ, для приготовленія кушанья. Я отвѣтилъ, что не токмо садъ, но и все сгораемое, находящееся въ замкѣ, мы уничтожимъ и сождемъ. Ага предложилъ мнѣ написать второе письмо къ рейзу-эфендію, обѣщая лично ему отпечь, а вечеромъ три воза дровъ были къ нашимъ услугамъ.

Октября 16. Здѣсь носится слухъ о смерти Потемкина.

Декабря 20. Боже! благодарю Тебя за посылаемую намъ милость. Я получилъ письмо, отъ проживающаго здѣсь моего земляка, мистера Якова Барбада; онъ пишетъ, что въ Перро пріѣхали два русскіе чиновника, по дѣлу объ освобожденіи насъ. Я постѣннѣ обрадовалъ этою вѣстью своихъ товарищей.

Сегодня день рожденія моей жены; у меня было празднество.

(*) Полковникъ.

(**) Министръ иностранныхъ дѣлъ.

Между нашими, оставшимися въ тюрьмѣ, опять появилась чума, есть даже смертные случаи.

Декабря 21. Вчера Тримбинскій посылалъ письмо къ прибывшимъ изъ Мессъ русскимъ чиновникамъ. Сегодня онъ получилъ отвѣтъ за подписью господъ Ивана Кираева и Луки Кирикова. Они увѣдомляютъ, что прѣехали сюда къ неаполитанскому повѣренному въ дѣлахъ графу Константину Лудольфу (Ludolf), съ предварительными статьями мирнаго договора Россіи съ Турціею, и что съ ними есть деньги, для вспоможенія намъ, а потому они просили доставить имъ списокъ всѣхъ находящихся въ плѣну русскихъ подданныхъ.

Декабря 22. Сегодня мы получили нѣкоторые точныя свѣдѣнія о прибывшихъ сюда чиновникахъ. Одинъ изъ нихъ коллежскій ассесоръ Яковъ Павловичъ Кираевъ, онъ скоро долженъ возвратиться въ Мессы; а другой капитанъ Лука Григорьевичъ Кириковъ, состоящій переводчикомъ при иностранной коллегіи, остается здѣсь. Я написалъ письмо къ графу Безбородко, къ графу Лудольфу, къ жепѣ своей и къ Кираеву, прося послѣдняго переслать письма по адресамъ; а къ г. Кирикову послалъ письмо съ приложеніемъ требуемаго списка.

Декабря 24. Я получилъ отвѣтъ отъ г. Кираева; вотъ что онъ мнѣ пишетъ: Почтенный господинъ! Всѣ полученныя отъ васъ письма, я разонлю. Мы очень благодарны вамъ за присланный списокъ, его отдали перевести на французскій языкъ, для представленія графу Лудольфу, и графъ не замедлитъ выслать деньги. Возвратясь къ графу Безбородко, я передамъ ему въ какомъ жалкомъ положеніи находятся здѣсь подданные Ея Величества, и надѣюсь, что понесенныя вами страданія будутъ щедро вознаграждены. Въ полномъ уваженіи и пр. Иванъ Кираевъ.

Въ 1791 году умерло въ тюрьмѣ 9 (въ томъ числѣ выбывшій Рубетсъ). Остается моей команды 139.

1792 годъ.

Января 8. Всѣмъ офицерамъ, находящимся здѣсь, выдано по годовому окладу жалованья, нижніе чины получили денежное пособіе.

Января 9. Тримбинскій, Витичъ и 17 человекъ солдатъ отпра-

вляются въ армію. Съ Витичемъ я послалъ списокъ 59 грековъ и 34 мальтійцевъ, просившихъ покровительства Государыни. Этихъ несчастныхъ обрекаютъ здѣсь на вѣчное рабство.

Въ Константинополѣ объявленъ миръ съ Россіею. Съ этимъ же извѣстіемъ прибылъ сюда отъ графа Безбородко, къ уполномоченнымъ министрамъ прочихъ дворовъ, гвардейскаго коннаго полка поручикъ Дмитрій Павловичъ Татищевъ.

Января 22. Веревкину пришла блажная мысль просить неаполитанскаго посланника, поручить ему завѣдываніе всѣми плѣнными христіанами. Графъ отвѣтилъ ему, что французскій посланникъ поручилъ эту обязанность мнѣ, а онъ не находитъ надобности дѣлать такія либо перемены. Веревкинъ, негодуя на неуспѣхъ, запилъ больше преляго.

Февраля 2. Намъ приказано освободить отъ плѣна и перевести всѣхъ русскихъ въ Перро, въ старый дворецъ, гдѣ до объявленія войны жилъ посланникъ Булгаковъ.

Февраля 3. Мы уже въ Перро. Французскій посланникъ приказалъ поздравить насъ съ новосельемъ, и прислалъ намъ разнаго рода напитки; но графъ Лудольфъ, почему-то, не позволилъ принять этого подарка. Это дѣла темной политики. Мы не знаемъ и того, почему со дня прѣзда сюда гг. Кираева и Кирикова, завѣдываніе нами перешло къ неаполитанскому посланнику.

Февраля 4. Всѣ мы, русскіе офицеры, приглашены сегодня обѣдать къ графу Шуазель Гуфье, но опять по таинственнымъ видамъ политики, неаполитанскій посланникъ прислалъ къ намъ гг. Татищева и Кирикова съ приказаніемъ отказаться отъ приглашенія и сказать французскому посланнику, что до прѣзда сюда русскаго министра, мы не смѣемъ выходить изъ дому.

Февраля 5. Я и всѣ другіе офицеры представились сегодня неаполитанскому посланнику. Онъ принялъ насъ очень хорошо, много говорилъ съ нами о разныхъ предметахъ и при прощаніи пригласилъ обѣдать у него завтра. Вечеромъ былъ у насъ г. Татищевъ и отъ имени неаполитанскаго посланника предложилъ намъ быть завтра у графа Шуазель Гуфье.

Всѣ эти комедіи я нахожу весьма странными. Вчера онъ совѣтовалъ отказаться, а сегодня совѣтуетъ идти; я началъ подозревать, что идетъ ли между ними личной интриги, а потому рѣшился отстранить себя отъ всего и сказался больнымъ, да я и дѣйствительно боленъ.

Февраля 6. Наши офицеры были у графа Шуазель-Гуфье, потомъ обѣдали у графа Лудольфа.

Февраля 9. Графъ Лудольфъ отдалъ мнѣ визитъ.

Февраля 19. Я получилъ письмо отъ своего свояка, капитанъ-лейтенанта Бридинга Бойля (*) и капитана Вильсона, оба они пишутъ, что переведены въ черноморскій флотъ и находятся въ Севастополѣ съ іюня прошедшаго года. Пишутъ, что съ нетерпѣніемъ ожидаютъ моего возвращенія. И мое нетерпѣніе оставить Турцію возрастаетъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ.

Февраля 28. Я сдѣлалъ визитъ французскому посланнику, благодарилъ его за все вниманіе, которое онъ оказывалъ всѣмъ намъ, и остался у него обѣдать.

Марта 1. Я былъ у сэра Роберта Энсли и у банкира барона Хубчъ съ благодарностью за добродѣтели, которыя они оказывали мнѣ во время моего пребыванія здѣсь. Къ сожалѣнію, разница нашихъ положеній такъ велика, что мнѣ едва ли представится случай отблагодарить ихъ такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось.

Марта 3. По всей Турціи есть много русскихъ, попавшихся въ рабство, переходившихъ отъ одного хозяина къ другому. Теперь, узнавъ о заключеніи мира, они бѣгутъ отъ своихъ владельцевъ, стекаются въ Константинополь и ищутъ моего покровительства.

Апрѣля 7. Сегодня пріѣхалъ сюда, такъ давно и съ такимъ

(*) *Breding Boye*, впоследствии переименованный въ Платона Алексѣевича, былъ женатъ на другой дочери лейтенанта Нокса, Аннѣ. Онъ поступилъ въ русскій флотъ въ 1788 году лейтенантомъ. Здѣсь встаетъ вопросъ объ оригинальномъ случаѣ его переименованія, характеризующемъ дѣлосколько то время и отношенія между собою русскихъ и англичанъ, дружно сражавшихся въ славный екатерининскій періодъ нашего флота. Однажды къ Бойлю собрались его пріятель и товарищъ, русскіе капитаны Чичаговъ, Лупандинъ, Синявинъ, Быченскій, Лутохинъ, тутъ же были и земляки его Муръ, Кропъ, Кандлеръ, Тетъ и Огильви (передавшій намъ этотъ случай). Былъ ли тутъ шумъ или грохъ неизвестно, но бесѣда ихъ шла очень дружественно; какъ вдругъ одному изъ русскихъ гостей (кажется Чичагову) показадось страннымъ и неудобопроизносимымъ имя Бридингъ. «Чортъ вѣсь разбереть», закричалъ онъ, обратившись къ нидерландцамъ: всѣ вы Виллимы, да Вильямовичи, да Карловичи; тебѣ ширимъ-фрѣ, зовутъ капитанъ-то Бридингомъ, да зовишь ты какъ нибудь по человѣчески; ну хоть Платономъ Алексѣевичемъ, что-ли». Такъ онъ и пошелъ за Платона Алексѣевича, и имя это впоследствии внесено въ формулярный списокъ, а сынъ его вице-адмиралъ нашего флота, главный командиръ архангельскаго порта и архангельскій военный губернаторъ, умершій въ 1854 году, назывался уже Романомъ Платоновичемъ.

Прим. перевод.

нетерпѣніемъ ожидаемый нами, повѣренный въ дѣлахъ Императрицы, полковникъ Александръ Семеновичъ Хвостовъ.

Я былъ у него, онъ принялъ меня очень хорошо, съ подробностію спрашивалъ объ обстоятельствахъ, по которымъ мы попали въ плѣнъ, и слушалъ съ большимъ вниманіемъ и участіемъ рассказъ о нашей жизни въ тюрьмѣ.

Апрѣля 23. Турецкое правительство паняло три транспортныя судна для перевоза насъ въ Россію, и выдало полковнику Хвостову 2500 піастровъ, на наши путевыя издержки.

Русскимъ плѣннымъ солдатамъ, отираившимся съ Тримбинскимъ и Витичемъ, выдано отъ турецкаго правительства по 50 піастровъ каждому. На этомъ основаніи матросы наши начали требовать, чтобы и имъ выдали по столько же, говоря, что они не считаютъ себя хуже солдатъ. Это обстоятельство очень затруднило Хвостова, однако требованіе ихъ удовлетворено. Капитанъ-паша лично привезъ 4000 піастровъ, которые тогда же и розданы.

Полковникъ Хвостовъ поручилъ мнѣ распредѣленіе людей по судамъ и вообще всѣ распоряженія касательно переезда нашего въ Россію. На каждомъ суднѣ я назначилъ быть одному изъ штабсъ-офицеровъ, на одномъ былъ я самъ, а на остальныхъ двухъ Веревкинъ и Перелешинъ.

Последніе дни пребыванія въ Турціи мы провели довольно разнообразно; я очень часто бывалъ у полковника Хвостова, у графа Шуазель-Гуфье, сэра Роберта Энсли и у барона Хубчъ, а офицеры бывали приглашаемы къ разнымъ лицамъ иностранныхъ посольствъ, съ которыми они составили знакомства; словомъ сказать, время проходило незаметно, и наконецъ, 15 мая, мы переебрались на суда, а 19-го пришли къ Буюндере, гдѣ за противнымъ вѣтромъ простояли недѣлю.

23-го, рано утромъ, наши три судна снялись съ якоря и поплыли при тихомъ попутномъ вѣтрѣ. Сами мы себя не вѣрили, что возвращаемся въ Россію. Подойдя къ мысу Ферпари, Веревкинъ прислалъ ко мнѣ лейтенанта Кострова спросить: можетъ-ли онъ идти съ нами безъ своего шкипера, оставшагося по дѣламъ на берегу? Я былъ удивленъ такимъ плѣннымъ вопросомъ и приказалъ ему немедленно стать на якорь и ожидать прибытія

шкипера. При закатѣ солнца я видѣлъ судно Веревкина еще стоящимъ у мыса Фернари, а Переленинъ былъ значительно отставши отъ меня; но со мною всегда что нибудь да случится. Ночью я лежалъ въ каютѣ и читалъ книгу, какъ вдругъ услышалъ трескъ. Выбѣжавъ на верхъ, я увидѣлъ, что обѣ наши стѣнки сломаши, чего по состоянію погоды никакъ нельзя было ожидать. На верху находились лейтенантъ Сахаровъ и шкиперъ судна, но ни тотъ, ни другой не могли объяснить мнѣ причины такого случая. Я послалъ Сахарова разбудить нашихъ людей, чтобы помогать очищать переломанныя части рангоута и перенутавшія тавеланы; между тѣмъ Переленинъ подогналъ меня и, проходя довольно близко, совѣтовалъ мнѣ спуститься въ одинъ изъ портовъ анатолійскаго берега для исправленія поврежденій. Поблагодаривъ его за дружескій совѣтъ и пожелавъ ему благополучнаго плаванія, я занялся происходившимъ на нашемъ суднѣ, и замѣтивъ, что мой шкиперъ человекъ весьма не находчивый и вялый, я приказалъ боцманамъ Ульянову и Губицыну идти на марси, большіе куски стенокъ принайтовить къ топамъ мачтъ; и хотя при этомъ форъ-стенгъ сдѣлалась 8 футами ниже гротъ-стенги, а на мѣсто форъ-марселя былъ поднятъ гротъ-брамсель, чрезъ сутки мы подогнали Переленина (чему онъ, конечно, былъ не радъ). 30 мая, рано утромъ, мы увидѣли возвышенности Тавриды, а въ полдень бросили якорь близъ рѣки Бельбека. Капитанъ Веревкинъ пришелъ къ намъ въ тотъ же день въ 4 часа по полудни. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, снявшись съ якоря, мы начали лавировать, но это было недолго; послѣ двухъ поворотовъ мое судно могло спуститься, и въ полдень я бросилъ якорь въ карантинной бухтѣ, находящейся близъ входа въ севастопольскую бухту, гдѣ обыкновенно останавливаются суда, приходящія изъ Турціи, и ранѣе 40 дней не могутъ имѣть сообщенія съ берегомъ.

Лишь только мы пришли, какъ были окружены множествомъ гребныхъ судовъ, на которыхъ пріѣхали разные лица, желавшія видѣть насъ. На одномъ изъ катеровъ я узналъ жену свою и Томи: съ ними были капитанъ-лейтенантъ Бридингъ Бойль и Прецманъ. Тогда я хотѣлъ обнять весь міръ, даже враговъ своихъ, а не могъ обнять, не могъ прижать къ сердцу жену свою и сына. Мы должны были ограничиться киваніями головъ, маханіями платковъ и перекрикиваніями привѣтствіями; но такого

рода свиданія я замѣнилъ перепискою, что продолжалось ровно мѣсяцъ. Терпѣніе есть мое назначеніе во всѣхъ простыхъ и серьезныхъ случаяхъ жизни.

Капитанъ Веревкинъ пришелъ въ слѣдующую ночь, а Переленинъ 5 іюня. Слѣдовательно, не смотря на поврежденія въ рангоутѣ, на такомъ незначительномъ разстояніи, я пришелъ 5 днями ранѣе; конечно, я не приписываю это себѣ, но хорошему качеству судна.

1 іюля пріѣхали къ намъ контръ-адмиралъ Ушаковъ и приказалъ прекратить карантинное положеніе. Какъ старшему пачальнику, я донесъ ему о состояніи прибывшихъ со мною людей. Съ нимъ пріѣхали Бойль и Томи, и только теперь я могъ считать себя возвратившимся изъ плѣна. Ушаковъ увѣрялъ меня въ искренности чувствъ, въ готовности оказать мнѣ зависящую отъ него помощь; но мнѣ некогда было его слушать, я горюпиль шкипера сняться съ якоря. Ушаковъ уѣхалъ, а Бойль и Томи проводили меня въ Севастополь. Когда Бойль дошелъ со мною до дому, я просилъ его остаться во дворѣ, а самъ съ Томи пошелъ въ комнаты; жена встрѣтила насъ въ дверяхъ. Я взялъ ее и сына за руки и втроемъ, вставъ на колѣни, благодарили Бога за посылаемую намъ милость. Вскорѣ за тѣмъ пришли наши родные и знакомые; я едва вѣрилъ, что нахожусь опять въ своей семьѣ, и хотя намъ было о чемъ поговорить послѣ продолжительной разлуки, но наши чувства и мысли такъ были переполнены, что мы, говоря очень много, не сказали другъ другу ничего особеннаго.

Въ послѣднее время жизни въ тюрьмѣ, наши матросы вели себя очень плохо и даже оказали непослушаніе мнѣ и Хвостову. Хвостовъ донесъ объ этомъ вице-адмиралу Николаю Семеновичу Мордвинову, главному пачальнику херсонскаго адмиралтейства и флотовъ Ея Величества на Черномъ и Азовскомъ моряхъ; вслѣдствіе чего виновныхъ приказано было отдать подъ военный судъ, и для удобнаго призыва къ допросу, ихъ помѣстили на кораблѣ, а чрезъ два дня по приходѣ нашемъ изъ карантина военно-судная коммисія начала свое дѣйствіе. Въ тотъ же день я получилъ отъ Мордвинова увѣдомленіе, что той же коммисіи поручено изслѣдовать дѣло по потерѣ корабля «Марія Магдалина» и въ заключеніе добрый Николай Семеновичъ выразилъ свою надежду, что это послужитъ къ моему оправданію.

Составъ комисіи: Предсѣдатель генераль-маіоръ Гаврило Кузьмичъ Галенкинъ.

Члены: капитанъ 1 ранга Иванъ Андреевичъ Селивачевъ, капитанъ 1 ранга Матвій Максимовичъ Елчаниновъ, капитанъ 2 ранга Илья Ивановичъ Озюбининъ, капитанъ 2 ранга Михаилъ Николаевичъ Нелединскій, одинъ капитанъ-лейтенантъ и секундъ-маіоръ морскихъ полковъ.

5 іюли меня и офицеровъ призывали къ допросу. Комисіа приняла насъ очень вѣжливо, личныхъ вопросовъ не дѣлала, а каждому изъ насъ дали по листу бумаги съ главными вопросами, и отпустили насъ по домамъ. Предсѣдатель просилъ доставить отвѣты по возможности скорѣе.

Въ сентябрѣ 1787 года, война Россіи съ Турціею только лишь началась и на молодой русскій флотъ въ Черномъ морѣ смотрѣла Европа, ожидая результатовъ его дѣйствій. Черноморскій флотъ, храбро встрѣтивъ непріятеля, всюду поражалъ его и, славно исполнивъ то, чего ожидала отъ него Монархиня, представилъ рядъ славныхъ подвиговъ частныхъ и общихъ, которые заняли первыя страницы въ исторіи этой войны (*).

Мое официальное донесеніе, съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ, приведшихъ корабль подъ батареи непріятельскія, разгласилось бы всюду, и слѣд. какое мнѣніе должно было родиться о флотѣ, только лишь готовившемся къ дѣйствию? а потому въ первомъ донесеніи къ контръ-адмиралу Войновичу изъ Константинополя, я изложилъ только положеніе, въ которое былъ приведенъ корабль, умолчавъ обо всѣхъ нравственныхъ причинахъ, мѣшавшихъ мнѣ настоящимъ образомъ бороться со штурмомъ.

Казалось, что теперь я могъ бы воспользоваться тѣмъ, что для исследования нашего дѣла назначена комисіа, могъ бы объявить всю истину, но и теперь у меня не доставало духа. Зачѣмъ? какая надобность выводить въ наружу истину во вредъ тѣмъ, кто уже выкупилъ свою вину продолжительнымъ и тяжкимъ плѣномъ; истина, думалъ я, сама передастся устно, слухами, а изъ этихъ слуховъ сложится общественное мнѣніе, которое рано или поздно дойдетъ до Государыни. Къ тому же я очень хорошо зналъ, что

(*) Славные подвиги черноморскаго флота въ эту войну съ большою подробностью описаны въ превосходной книгѣ «Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова», составленной Р. К. Скалковскимъ.

противъ меня поднимутся мои враги и обвинять меня за то, что я не умѣлъ поддерживать порядка и дисциплины, хотя поддержать можно только то, что уже существуетъ, а въ условіяхъ, въ которыхъ находился мой корабль, по качествамъ офицеровъ и команды, дисциплина и порядокъ существовать не могли. Чтобы ввести то и другое, надо время, надо содѣйствіе чье-нибудь, а этихъ условій я не имѣлъ. Отдавая полную справедливость заслугамъ Войновича, я все таки могу сказать, что онъ несправедливъ. Оправдываясь передъ Потемкинымъ тѣмъ, что я не имъ назначенъ командиромъ корабля, онъ въ то же время забылъ признать, что, припявъ командованіе флотомъ, не обратилъ вниманія на составъ судовыхъ командъ, въ особенности командъ тѣхъ судовъ, командиры которыхъ ему были мало извѣстны, и зачѣмъ онъ не уравнилъ команды и офицеровъ, готовясь съ флотомъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Если Войновичъ не имѣлъ ничего сказать въ свою защиту и оправдывался тѣмъ, что я назначенъ не имъ, значитъ онъ считалъ меня дурнымъ капитаномъ, то какъ же послѣ этого ему было не позаботиться узнать кто такіе мои помощники, а я, иностранецъ, смѣлъ ли сортировать и отзываться худо объ офицерахъ и командахъ, съ которыми никогда не служилъ, да и почти все лѣто мы простояли на якорѣ, а потому могъ ли я вѣрно судить объ людяхъ, съ которыми еще не былъ въ морѣ?

Я скрылъ всю истину, скрылъ о консиліумѣ, между тѣмъ какъ актъ былъ у меня въ карманѣ. Показанія мои я написалъ согласно съ показаніями офицеровъ, чему они были очень рады, и въ свою очередь говорили много хорошаго о моихъ распоряженіяхъ во время бѣдственнаго положенія корабля.

10-го числа насъ опять пригласили въ слѣдственную комисію, сдѣлали еще нѣсколько дополнительныхъ вопросовъ, и за тѣмъ генераль-маіоръ Галенкинъ объявилъ, что слѣдствие кончилось.

По возвращеніи изъ плѣна я еще не имѣлъ случая представиться къ вице-адмиралу Мордвинову; онъ жилъ въ Херсонѣ, а потому я просилъ контръ-адмирала Ушакова о дозволеніи мнѣ ѣхать въ Херсонъ; но онъ отказалъ, ссылаясь, что къ Мордвинову пошло на разсмотрѣніе наше слѣдственное дѣло, и что бить можетъ его превосходительству угодно будетъ приказать сдѣлать намъ еще какіе нибудь дополнительные вопросы. Нечего дѣлать, надо было остаться, но вопросовъ никакихъ не послѣдовало.

Недѣли черезъ три капитанъ-лейтенанта Перелешина назначили командиромъ транспорта, отправляющагося въ Херсонъ. Если капитанъ-лейтенанту Перелешину, служившему у меня на кораблѣ, дали въ командованіе судно, то дѣла слѣдственной комисіи можно было считать конченными, а потому я повторилъ просьбу объ увольненіи меня въ Херсонъ. Ушаковъ, какъ и всегда, принялъ меня очень хорошо, пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ, но объявилъ, что Мордвиновъ требуетъ и въ которыхъ дополнительныхъ свѣдѣній и далъ мнѣ прочесть кѣмъ-то составленные вопросы. Прочитавъ, я сказалъ Ушакову, что въ нихъ не заключается ничего новаго, что все требуемое этими статьями уже объяснено прежде и что я не имѣю ничего болѣе сказать въ дополненіе, и что во всякомъ случаѣ требованія не могутъ быть вполне удовлетворены за отсутствіемъ капитанъ-лейтенанта Перелешина, отправившагося въ Херсонъ. Но, не смотря на мои доводы, онъ все таки отказалъ и чтобъ заставить меня выйти, онъ взялъ въ руки флейту и началъ ходить по комнатѣ.

Этотъ второй отказъ, совпавшій съ посылкою Перелешина, я началъ подозрѣвать коварнымъ замысломъ противъ меня, тѣмъ болѣе, что я зналъ о нерасположеніи къ себѣ Ушакова, и просилъ генералъ-маіора Галенкина быть моимъ ходатаемъ. Галенкинъ въ тотъ же вечеръ былъ у Ушакова, передалъ ему о моихъ надобностяхъ, и по возвращеніи домой приказалъ мнѣ быть завтра у Ушакова. Утромъ на другой день мнѣ выдали отпускной билетъ, а чрезъ часъ я уже мчался по тракту въ Херсонъ, куда пріѣхалъ вечеромъ 8-го августа и остановился въ домѣ своего пріятели, корабельнаго строителя Катасанова. Мордвинова не было: онъ уѣхалъ въ повостроющійся городъ Николаевъ, отстоящій отъ Херсона на 80 верстъ, откуда, какъ было извѣстно, онъ намѣревался проѣхать прямо въ Таганрогъ; потому я въ тотъ же день, получивъ отъ начальника въ Херсонѣ, генералъ-лейтенанта де-Вите, билетъ до Николаева, поспѣшилъ туда и, прибывъ въ ту же ночь въ Николаевъ, остановился въ трактирѣ, стоявшемъ подлѣ дома, гдѣ жилъ Мордвиновъ. Хотя мнѣ сказали, что для отъѣзда Мордвинова лошади уже запряжены, но я тотчасъ отправился къ нему и засталъ его совершенно уже готового сѣсть въ экипажъ. Адмиралъ, увидя меня, оставилъ тѣхъ, съ которыми говорилъ, скорыми шагами подошелъ ко мнѣ, обнялъ, разцѣловалъ, потомъ, взявъ за руку, повелъ въ другую комнату и тамъ, посадивъ возлѣ себя,

сказалъ съ видимымъ участіемъ: «Любезный г. Тиздель! къ сожалѣнію, я долженъ вамъ признаться, что, при всемъ желаніи, не могу помочь вашему горестному положенію; не знаю кѣмъ, но вы представлены Государынѣ съ весьма дурной стороны. Она очень сердита на васъ».

Я отвѣтилъ, что ничто не можетъ быть для меня такъ прискорбно какъ извѣстіе о нерасположеніи ко мнѣ Императрицы; но что, исполнить все отъ меня зависѣвшее, при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ я находился, совѣтъ мнѣ чиста. «Итакъ, я вижу», продолжалъ я, «что, скрывая истину, скрывалъ ее на свою же гибель. Теперь адмиралъ, прошу васъ прочесть этотъ документъ, и прошу какъ милости предать меня суду; пусть казнятъ меня смертію, если найдутъ того заслуживающимъ; но жить такъ позорно, я не могу». (Съ этими словами я подалъ ему актъ консіліума).

— «Я получилъ донесеніе слѣдственной комисіи отвѣтилъ Мордвиновъ, и по пріѣздѣ моемъ въ Таганрогъ дѣло это будетъ отослано на конфирмацію къ Государынѣ, хотя она уже положила рѣшеніе еще тогда, какъ пришло извѣстіе о несчастномъ случаѣ съ вашимъ кораблемъ. «Ея Величеству угодно было сказать, что она ни въ какомъ случаѣ не потеритъ отдачи судна неприятелю; она говоритъ: зачѣмъ вы не взорвали на воздухъ свой корабль, какъ то сдѣлать въ вѣчную славу свою капитанъ Сакенъ (*)». Выслушавъ это, я попросилъ Мордвинова прочесть поданную мною ему бумагу. Онъ вышелъ въ другую комнату, но, возвратясь чрезъ четверть часа, отдалъ мнѣ актъ, не сказавъ ни слова касательно его содержанія, но простился со мною ласково и поручилъ передать поклонъ моей женѣ.

Въ Севастополь я возвратился 20-го августа. Послѣ свиданія

(*) Въ 1788 году, капитанъ Сакенъ, командуя судномъ въ эскадрѣ принца Нассау, везъ важныя депеши, и близъ Очакова, встрѣясь съ кораблемъ капитана-паши, принужденъ былъ вступить съ нимъ въ бой. При этомъ Сакенъ, будучи раненъ въ руку, продолжалъ драться съ неприятелемъ, но когда его ранили въ другую руку, онъ, разсчитывая, что при потерѣ крови ему нельзя будетъ продолжать сраженіе, рѣшился погибнуть съ своимъ судномъ, и тѣмъ сохранить честь флага и секретъ депеши; приказавъ командѣ бросаться за бортъ, а самъ, отиравшійся въ крыйт-камеру, взорвался на воздухъ. Вѣчная память тебѣ, храбрый воинъ. Разсказъ этотъ я слышалъ отъ одного матроса его судна, который былъ спасенъ шлюшкою съ неприятельскаго корабля и чрезъ два мѣсяца послѣ того былъ доставленъ въ Константинополь, гдѣ содержался съ нами въ тюрьмѣ.

сь Мордвиновымъ, я началъ смотрѣть на свое положеніе совершенно съ другой точки, сказать иначе, я началъ видѣть себя въ томъ свѣтѣ, въ которомъ до сего времени видѣли меня только другіе. Вотъ результаты моей поѣздки въ Херсонъ, и хорошо, что я сдѣлалъ эту поѣздку, иначе бы до сихъ поръ я оставался въ заблужденіи, если сознаніе своей невинности можно назвать заблужденіемъ.

Со дня моего прибытія изъ карантинной бухты, я постоянно находился внѣ дома. Сперва была слѣдственная коммисія, затѣмъ я ѣздила въ Херсонъ и въ Николаевъ; кромѣ того, насъ часто посѣщали друзья и знакомые, время шло незамѣтно, такъ что до сихъ поръ я еще не спрашивалъ жену о ея жизни въ бытность мою въ плѣну.

Изъ прошедшаго слагается настоящее, изъ настоящаго будущее, а потому дурное настоящее не предвѣщало ничего хорошаго въ будущемъ. Теперь, предвидя бѣдность, я спросилъ жену о причинахъ, побудившихъ ее продать нашъ большой домъ. Вотъ ея отвѣтъ: «До сихъ поръ я боялась огорчить тебя, зная что душа твоя уже безъ того полна горечи, потому молчала, ожидая вопроса. Однажды, въ началѣ декабря 1787 года, пришелъ ко мнѣ адмиралъ Войновичъ. Я была больна и лежала въ постелѣ. Адмиралъ началъ съ извиненій, что пришелъ въ такое время, по что дѣло, по которому онъ желаетъ говорить со мною, не терпитъ отлагательствъ. «Князь Потемкинъ узналъ черезъ письмо одного капитана гупчессаго судна Жава Жениса, бѣжавшаго изъ Константинополя, что мужъ вашъ измѣнительски передать корабль свой неприятелю, а потому онъ приказалъ мнѣ конфисковать все имѣніе вашего мужа и взять отъ него вазенную прислугу. Вслѣдствіе чего, какъ этотъ, такъ и другой вашъ домъ, съ этого дня считаются уже принадлежащими русскому правительству, и прошу васъ, милостивая государыня, поспѣшить очистить дома».

«Я отвѣтила, что удивляюсь, слыша подобное распоряженіе князя, не получившаго никакого офиціальнаго донесенія о случаѣ съ кораблемъ моего мужа, но, зная, что воля князя должна быть исполнена, я поторопилась оставить домъ.

«Вы совершенно справедливы», отвѣтилъ мнѣ Войновичъ, «что князь, не имѣя офиціальнаго донесенія и безъ суда, не долженъ бы былъ дѣлать такого распоряженія, но, извините меня,

я ничто болѣе какъ исполнитель его воли, и обѣщаю вамъ употребить всевозможныя средства помочь вамъ достроить вашъ маленький домъ, а большой для васъ обширенъ по отсутствію мужа, и въ такомъ домѣ правительство имѣетъ дѣйствительную надобность.

«Я переселась сюда. Но все это ничто въ сравненіи съ другими огорченіями, которыя я должна была перенести. Представъ себѣ, что въ то же время почти всѣ русскіе офицеры, за исключеніемъ небольшого числа нашихъ друзей, начали дѣлать мнѣ оскорбленія, для изобѣжанія чего я нигдѣ не показывалась и жила безвыходно дома. Незнаю какъ, но объ гоненіи на меня узналъ Войновичъ и объявилъ офицерамъ, что оказавшій мнѣ неуваженіе будетъ исключенъ изъ общества. Наконецъ Войновичъ получилъ твое письмо изъ Константинополя отъ 8 марта. Письмо это совершенно измѣнило характеръ свѣдѣній о случаѣ съ твоимъ кораблемъ, и въ то же время измѣнилось положеніе нашихъ вѣсовъ, не смотря на то что русскіе офицеры, за исключеніемъ нашихъ друзей, не вѣрили твоему письму. Письмо было переведено на русскій языкъ, отослано къ Потемкину вмѣстѣ съ подлинникомъ, и вскорѣ затѣмъ мнѣ былъ положенъ пенсіонъ въ половину твоего содержанія, возвращена казенная прислуга и пачали выдавать дрова и воду. Это распоряженіе много измѣнило поведеніе твоихъ враговъ, я начала дышать свободно, стала посѣщать общества, въ которыхъ не показывалась въ теченіе многихъ мѣсяцевъ.

«Въ то время въ нашемъ большомъ домѣ жилъ бригадиръ Баскаговъ; домъ начали опять считать моею собственностью, и потому, по предложенію Войновича и по совѣту друзей нашихъ, я продала его въ казну за 3500 рублей».

12 октября всѣмъ офицерамъ велѣно было собраться на пристани, для парадной встрѣчи почтеннаго адмирала Мордвинова. Около полудня, вице-адмиралъ Ушаковъ, генералъ-маіоръ Галенкинъ, бригадиръ Пустошкинъ, я и многіе другіе капитаны и офицеры собрались у пристани; вскорѣ затѣмъ пріѣхалъ Мордвиновъ, и всѣ мы послѣдовали за нимъ въ домъ Ушакова. Мордвиновъ былъ со всѣми очень привѣтливъ, обращался ко всѣмъ сказать что нибудъ, въ томъ числѣ и ко мнѣ, спросилъ о здоровіи моего семейства. Потомъ онъ остался вдвоемъ съ Ушаковымъ, а мы разошлись по домамъ.

На другой день, по существующему обыкновению, все генералы, капитаны и офицеры, одѣвшись въ полную парадную форму, представлялись Мордвинову. Я воспользовался этимъ случаемъ—представилъ ему двухъ своихъ мичмановъ Велизарова и Дегалето, какъ молодыхъ людей, заслуживающихъ вниманія по своему хорошему поведенію и прилежанію къ службѣ, и доложилъ адмиралу, что офицеры эти были произведены въ лейтенанты еще въ сентябрѣ 1787 года, но до сихъ поръ не приведенные къ присягѣ, остаются на прежнемъ мичманскомъ содержаніи. Адмиралъ обласкалъ ихъ, велѣлъ привести къ присягѣ и считать произведенными съ сентября 1787 года. Капитанъ-лейтенантъ Перелешинъ получилъ въ командованіе фрегатъ; все это ободрило меня.

Я возвратился домой въ спокойномъ состояніи духа, даже съ надеждою, что и мнѣ можетъ быть нѣкоторая карьера. Такъ думалъ я, но это продолжалось недолго. Не болѣе, какъ часа черезъ два пришелъ ко мнѣ капитанъ Ивалъ Прецманъ (Priestman) и, отозвавъ паптомимомъ въ другую комнату, такъ чтобы не замѣтила того жена моя, сказала: «Будьте тверды, я имѣю сообщить вамъ вѣсть, которую сейчасъ слышалъ отъ майора Кобли (Cobleу), родственника Мордвинова: Императрица приказала исключить васъ изъ службы и выслать за границу. Мордвиновъ самъ будетъ у васъ, но онъ не можетъ собраться съ духомъ».

— «Да будетъ проклято все остальное!» сказалъ я, и сообщилъ объ этой новости женѣ; съ ней, какъ съ женщиной, случился небольшой нервный припадокъ, но, благодаря Бога, все кончилось благополучно. Мы въ то время нѣсколько отерпѣлись; однако, накрытый въ то время столъ и поданные блюда, остались нетронутыми.

Спустя немного времени, мы увидѣли идущаго къ намъ Мордвинова. Я вышелъ встрѣтить его на крыльцѣ, благодарилъ за оказываемое намъ вниманіе и сказалъ, что вѣроятно онъ принесъ намъ добрыя вѣсти. Мордвиновъ молча вошелъ, молча сѣлъ на диванъ и, посадивъ меня по правую, а жену мою по лѣвую сторону отъ себя, началъ такъ: «нѣтъ, друзья мои! къ сожалѣнію, долженъ сказать, что не съ доброю вѣстью пришелъ я къ вамъ, напротивъ, съ весьма дурною. Государыня приказала исключить васъ, г. Тиздель, изъ службы и предложить вамъ выѣхать изъ Россіи».

«Безъ суда!—это жестоко и несправедливо, отвѣтилъ я».

— «Вы говорите совершенную правду», сказала Мордвиновъ. «Ваше слѣдственное дѣло до сихъ поръ еще у меня, но здѣсь, продолжалъ онъ, вынимая изъ кармана бумаги, есть два документа, полученные мною отъ Императрицы, которые предлагаю вамъ прочесть. Одна изъ этихъ бумагъ отъ 17 іюля—приказъ о произведеніи слѣдствія, а другая, отъ 31 іюля—приказъ считать васъ исключеннымъ изъ службы со дня потери вами корабля. Бумаги эти я получилъ на пути изъ Николаева въ Таганрогъ.

Я прочелъ ихъ; они были за подписью Императрицы. Итакъ, между приказомъ парадить слѣдствіе для узнанія причины и важности моего преступленія и окончательнымъ рѣшеніемъ объ изгнаніи моемъ прошло только 14 дней.

«Не узнавъ причины и обстоятельствъ, не узнавъ ни одного слова, сказаннаго мною въ комисіи въ свое оправданіе, изгнать меня изъ службы и приказать выѣхать изъ Россіи,—я называю жестокостью. 22 года я служилъ безукоризненно, 5 лѣтъ я провель невинно въ мучительномъ плѣну. Признаюсь вамъ, адмиралъ, я считалъ Императрицу болѣе милостивою и еще болѣе справедливою и никогда не ожидалъ отъ нея такого поступка».

Мордвиновъ былъ тронутъ, слыша такое мое мнѣніе объ Императрицѣ; онъ сказалъ: «да, я самъ удивляюсь съ торопливости въ опредѣленіи рѣшенія, не дождавшемъ допосенія слѣдственной комисіи, но должно думать, что вы имѣете враговъ между лицами, ее окружающими, а кто они—я не знаю; все, что могу сказать: вы всегда служили хорошо и были уважаемы своими начальниками».

Я благодарилъ Мордвинова за его похвальный отзывъ обо мнѣ и сказалъ, что, оставивъ Россію, буду вспоминать объ немъ, какъ объ лучшемъ изъ людей, когда либо мною встрѣченныхъ. «Воспоминаніе о вашей ко мнѣ дружбѣ будетъ говорить мнѣ, что я не даромъ былъ въ Россіи». «Помилуйте, за что? сказалъ онъ, я ничего для васъ не сдѣлалъ и теперь не могу ничего сдѣлать, но долженъ вамъ только сказать, что Войновичъ много погрѣшилъ тѣмъ, что, получивъ извѣстіе отъ капитана Жениса, послалъ его прямо къ Потемнину; этимъ онъ бросилъ ему мысль, вамъ неблагоприятную. Потомъ Войновичъ, получа ваше второе доносеніе, конечно раскаявался въ своей опрометчивости, но тогда было уже поздно; совершившееся впечатлѣніе не изгладилось,

а потому; такъ или иначе, а я считаю его главною причиною вашихъ бѣдъ».

Эти грустные, насъ касающіеся монологи разстроили жену, она горько плакала. Добрый Николай Семеновичъ началъ утѣшать ее тѣмъ, что приметъ всѣ старанія помочь нашему горю. Послѣ того я просилъ его совѣта, какъ мнѣ дѣйствовать, и что предпринять къ оправданію себя предъ Государыней.

«Часто и долго обдумывалъ я вопросъ, который вы мнѣ сейчасъ предложили, отвѣтилъ онъ, и самое лучшее, что я до сихъ поръ могъ придумать, это—посоветовать вамъ ѣхать немедленно въ Константинополь и уже оттуда писать письмо къ Государыни, при письмѣ приложить копію съ консиліума, бывшаго на вашемъ кораблѣ, и мнѣ кажется, что если вы не будете возвращены въ русскую службу, то, по крайней мѣрѣ, вамъ положить пенсію, которая хотя нѣсколько облегчитъ ваше бѣдное положеніе. Составьте письмо, продолжалъ онъ, дайте его мнѣ, если угодно, я переправлю, дамъ ему болѣе пріятныя выраженія для слуха Императрицы; вы возьмете его съ собою, и по приѣздѣ въ Константинополь перепишете, пришлете ко мнѣ, а тамъ уже мое будетъ дѣло направить его такъ, чтобы оно непременно пошло въ руки Императрицы.»

Я благодарилъ его, по притомъ выразилъ свое сомнѣніе, что письмо отъ такого незначительнаго лица, какъ я, можетъ придти прямо въ руки Императрицы: «боюсь», сказалъ я, «что враги мои не допустятъ этого и перехватятъ письмо».

«О, сказалъ адмиралъ,—на этотъ счетъ не безпокойтесь; во-первыхъ, положитесь на меня, а во-вторыхъ—говорю вамъ за вѣрное, что если вы будете адресовать письма на имя Государыни, съ надписью «подать въ собственныя руки», то даже первый министръ и начальникъ почтъ Безбородко, не посмѣетъ вскрыть печати, развѣ только она сама прикажетъ ему распечатать и прочесть ей. Я знаю, что на это есть ея особенный приказъ. На счетъ жены вашей тоже не безпокойтесь, оставьте ее въ Россіи, вамъ незачѣмъ напрасно увозить ее; даю вамъ слово, что я и жена моя будемъ пенсией объ ней, я буду снабжать ее всѣмъ необходимымъ. Ваши домики возьмутъ въ казну за сумму, которую вы сами назначите, а деньги вы получите теперь же. Паспортъ на выѣздъ вы получите отъ меня». Затѣмъ добрый Николай Семеновичъ простился съ нами и хотѣлъ уйти, но его

удержалъ вошедшій тогда Галенкинъ; и этотъ добрый старикъ, съ чувствомъ участія, съ глазами, полными слезъ, сказалъ мнѣ, что еще прежде слышалъ о резолюціи Государыни отъ Мордвинова, но никакъ не рѣшался придти ко мнѣ первымъ.

«Прощайте, сказалъ я ему, другъ мой! Государыня обвиняетъ меня въ измѣнѣ и безъ суда, не дождавшись донесенія слѣдственной комисіи, выгоняетъ изъ Россіи! Если она считаетъ меня измѣнникомъ, то зачѣмъ не приказала разстрѣлять или повѣсить меня на повѣ, какъ измѣнника, словомъ, убить, если я предатель? Но куда дѣнусь я теперь, куда? зачѣмъ и съ чѣмъ возвращусь я въ Англію, въ британскій флотъ, гдѣ служить мои старые товарищи, гдѣ дядя мой командоромъ, а братъ лейтенантомъ; какой отчетъ могу я дать моей родицѣ, что скажу я имъ въ свое оправданіе? Повѣрятъ ли мнѣ гдѣ нибудь, что я изгнанъ безъ суда?» Я горько, горько плакалъ, плакалъ такъ, какъ можетъ плакать человѣкъ или вѣришь сказать—шестидесятилѣтній старикъ.

«Добрые люди! они утѣшали меня, проси не предаваться отчаянію, увѣряя, что все устроится хорошо. «Побѣжайте», говорили они, «а мы будемъ торопить ваше дѣло, и вѣрите, что къ вамъ возвратятся лучшіе дни». А сами вышли отъ меня плачущими, оставя меня съ женою обдумывать свое будущее, въ которомъ мнѣ предстояло жить безъ всякихъ средствъ и права быть даже гражданиномъ, а такъ считаться по бѣлому свѣту и считать для себя единственнымъ счастьемъ ту минуту, которая прерветъ нашу жизнь».

Томи! Томи! мой бѣдный Томи! говорилъ я моему сыну: что приготовилъ я тебѣ? клянусь любовью къ твоей несчастной матери: я не виноватъ, а только несчастливъ. Бѣдная жена моя! бѣдная Сарра!

Мы бродили, какъ тѣни, вспоминая случившееся, а потому могли ли настоящимъ образомъ обдумать предстоящую намъ разлуку и притомъ еще бѣдность. Наступила ночь, она была еще мучительнѣе. Наконецъ, пришелъ востерпѣливо ожидаемый разсвѣтъ. Рано утромъ, я, вмѣстѣ съ адмираломъ Ушаковымъ и другими лицами, пошелъ къ вице-адмиралу Мордвинову. Онъ, какъ обыкновенно, встрѣтилъ меня очень ласково, потомъ, отвѣдя въ сторону, спросилъ готово ли письмо, о которомъ говорилъ мнѣ накануне.

— Нѣтъ сэръ, отвѣтилъ я ему, чувства мои такъ взволнованы, что я не въ состояніи написать двухъ словъ, не только письма, на которомъ должна основаться моя надежда на будущее. — Ну хорошо, сказалъ онъ, я укажу вамъ человѣка, который поможетъ вамъ въ этомъ случаѣ.

Я благодарилъ адмирала и просилъ дать мнѣ копію съ приказовъ Императрицы о производствѣ слѣдствія и о высылкѣ меня за границу. Сначала онъ не сомнѣвался, ссылаясь на то, что приказанія эти имѣютъ видъ секретныхъ къ нему писемъ, которыя должны быть переданы при другихъ документахъ, но потомъ, подумавъ, сказалъ, что, не желая дать этому видъ формальный, объявляетъ мнѣ словесно, и вслѣдъ за тѣмъ призвавъ своего секретаря, приказалъ ему снять копіи съ обоихъ документовъ. Это было исполнено очень скоро, и мы тутъ же сами повѣрили ихъ съ подлинными. Оба эти письма были написаны отъ Государыни въ двухъ экземплярахъ, на русскомъ и англійскомъ языкахъ.

Господину (*) Вице-Адмиралъ Мордвиновъ, возвратившемся изъ плѣну флота Господину Капитану Перваго Ранга Тиздель изтребовать отъ него точно доказательства объ потераніе корабль Ему вѣрнопный. На Его отвѣтъ положите ваше мнѣніе и Представитъ къ мнѣ немелино. Прибываемъ въ прочемъ вамъ благосклонны.

На подлѣпно подписано тако
Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ
іюля 17 д. 1792 г.

Господину Вице-Адмиралъ Мордвиновъ, возвратившемся изъ плѣну флота Капитана Перваго Ранга Тиздель, объявите что онъ въ то самое время какъ потерялъ корабль Ему вѣрнопный, изъ службы Нашей выключень, а потому и можете снабдить

(*) Оба предписанія представляются здѣсь въ вѣрной копій, съ намѣреніемъ показать насколько г. Тиздель былъ знакомъ съ русскою грамматикою, что считаю необходимымъ вопросамъ, который долженъ быть принятъ во вниманіе при обсужденіи дѣла по потерѣ корабля.
Прим. перевод.

Его надлежащимъ Паспортомъ на выѣздъ изъ Россій куда Онъ пожелаетъ. Пребываемъ въ прочемъ вамъ благосклонны.

На подлинномъ подписано тако
Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ
іюля 31 д. 1792 г.

По возвращеніи моемъ домой, ко мнѣ пришелъ генералъ Галенкинъ съ приглашеніемъ обѣдать съ нимъ. У него обѣдали Мордвиновъ, Ушаковъ, бригадиръ Пустошкинъ и еще нѣсколько изъ старшихъ морскихъ офицеровъ. Послѣ обѣда Мордвиновъ зашелъ ко мнѣ, повторилъ обѣщаніе имѣть полное попеченіе о моей женѣ и послалъ за капитаномъ Прецманомъ, чтобы просить его составить черновое письмо въ Государынѣ. Прецманъ не замедлил явиться и обѣщавъ приготовить все какъ слѣдуетъ къ утру другаго дня, такъ какъ Мордвиновъ намѣревался отправиться въ Симферополь завтра въ 8 часовъ утра.

Но скорыя обѣщанія превращаются иногда въ медленные исполненія; такъ случилось и теперь. Причиною тому было то, что мой другъ и помощникъ Прецманъ провелъ этотъ вечеръ въ веселой компаніи, легъ спать въ 6 часовъ утра, и конечно забылъ о письмѣ. Утромъ Мордвиновъ зашелъ ко мнѣ проститься, но о письмѣ не повторилъ, а въ 8¹/₂ часовъ 15 октября выѣхалъ въ Симферополь.

Около 11 часовъ утра я нашелъ Прецмана въ плохомъ видѣ; но онъ утѣшалъ меня тѣмъ, что 19-го онъ приглашенъ обѣдать къ симферопольскому губернатору, и отвезетъ письмо самъ, «а до того времени, сказалъ онъ, я успѣю написать 10 000 писемъ и къ кому угодно.»

Не смѣя болѣе надѣяться на его обѣщанія, я составилъ письмо нижеслѣдующаго содержанія, по англійски:

«Всемиловѣйшая Государыня!

«Покоряясь повелѣнію Вашего Императорскаго Величества, переданному мнѣ его превосходительствомъ вице-адмираломъ Мордвиновымъ, я оставилъ Севастополь и въ настоящее время нахожусь въ Херсонѣ, въ ожиданіи случая отправиться моремъ въ Константинополь.

«Позвольте бѣдному, несчастному, неутѣнному шестидесятилѣтнему старику, обремененному семействомъ, повергнуть себя и семейство свое вниманію Вашего Императорскаго Величества.

«Изъ 45 лѣтней службы моей на морѣ, 22 года я прослужилъ Вашему Величеству и всегда имѣлъ счастье пользоваться расположеніемъ своихъ начальниковъ, до горестнаго случая съ моимъ кораблемъ во время шторма.

«Не о справедливости хочу я просить Монархиню, великодушіе и милосердіе которой такъ извѣстны, но хочу просить дозволить представить положеніе моей жены при моемъ изгнаніи.

«Ваше Величество перестали смотрѣть на меня какъ на своего подданнаго; я же не пересталъ видѣть въ васъ Мою Государыню. Моя жена и сынъ родились въ Россіи.

«Не получая содержанія 5 лѣтъ за все время пребыванія моего въ плѣну, я нахожусь въ такой крайности, что, уѣзжая изъ Россіи, оставляю свое семейство безъ всякихъ средствъ къ жизни и почти не имѣю возможности выѣхать изъ владѣній Вашего Величества.

«Позвольте мнѣ, Всемилостивая Государыня, повергнуть предъ вами конію съ консиліума, который, согласно морскаго регламента, былъ составленъ на моемъ кораблѣ, въ тотъ несчастный день, когда корабль достался въ руки непріятеля, и если Ваше Величество найдете въ немъ что нибудь могущее облегчить положенію мнѣ сентенцію, то позвольте мнѣ просить Вашего милосердія въ пользу моего семейства, лишеннаго средствъ къ пропитанію.

«Сердце мое разбито грустью при мысли о перасположеніи ко мнѣ Вашего Величества. Отдавая себя волѣ Вашей, я остаюсь самый несчастнѣйшій изъ всѣхъ подданныхъ Вашего Величества.

Веніаминъ Тиздель.

Письмо это я послалъ къ Мордвинову съ капитаномъ Прецманомъ, отправившимся въ Симферополь 17 октября.

Между тѣмъ наступила осень, мнѣ надо было готовиться къ путешествію въ такое дурное время года. Опять предстояло мнѣ плыть Чернымъ моремъ и тѣмъ мѣстомъ, гдѣ было начало моему несчастію. Не будетъ ли тамъ и конецъ? думалъ я.

24 Октября мы съ женой только лишь встали изъ-за стола,

какъ вдругъ является капитанъ Прецманъ нездоровый—онъ жаловался на голодъ и поѣзду. Жена начала приводить въ порядокъ столъ, чтобы накормить усталого и голоднаго странника, поставила на столъ водку и вино. Прецманъ выпилъ и тѣмъ возбудивъ въ себѣ нѣкоторую бодрость, объявилъ, что исполнилъ въ точности мое порученіе, вслѣдъ же за тѣмъ признался, что въ Симферополь не былъ и Мордвинова не видалъ, потому что, доѣхавъ до дачи г. Виллиса такъ сильно занемогъ, что не могъ продолжать путь (я полагаю, онъ просто былъ пьянъ), и поручилъ все дѣло доктору Магдунальду и Виллису, ѣхавшимъ въ Симферополь. Ихъ онъ уполномочилъ передать Мордвинову письмо, узнать его мнѣніе, хорошо ли письмо составлено и не имѣетъ ли Мордвиновъ что нибудь приказать мнѣ передъ выѣздомъ моимъ изъ имперіи. (Нечего сказать, хорошо исполнилъ порученіе).

Прецманъ объявилъ также, что Мордвиновъ одобряетъ все содержаніе письма, за исключеніемъ того мѣста, гдѣ я упоминаю о консиліумѣ и о представленіи мною копіи съ акта. Въ заключеніе Прецманъ посоветовалъ мнѣ, какъ другу, торопиться отъѣздомъ, иначе, говорилъ онъ, васъ засадятъ въ кибитку и отвезутъ въ Польшу, откуда вы уже никогда не выйдете.

Всему сказанному Прецманомъ я, конечно, не вѣрилъ. Какая надобность была Мордвинову обманывать меня. Онъ самъ советовалъ мнѣ писать къ Государыни и при письмѣ приложить конію съ акта. И что будетъ заключать въ себѣ письмо, если выключить это обстоятельство; оно будетъ состоять только изъ унижительныхъ просьбъ, неимѣющихъ никакого основанія и права.

Я торопился немедленно выѣхать изъ Севастополя и просилъ генераль-маіора Галенкина спросить у Ушакова, не говоритъ ли ему Мордвиновъ что нибудь о выдачѣ мнѣ паспорта на выѣздъ за границу. Ушаковъ отвѣтилъ, что ничего не знаетъ и не имѣетъ никакихъ приказаній. На этомъ основаніи, 25 октября я написалъ письмо Николаю Семеновичу въ Херсонъ, а на другой день просилъ пріятеля своего полковника Хильберга, командира пѣхотнаго полка въ Севастополь, послать въ Евпаторію козака для провѣдыванія—пѣтъ ли тамъ купеческаго судна, готоваго отправиться въ Константинополь. 29-го я опять повторилъ Мордвинову о моемъ намѣреніи какъ можно скорѣе от-

правиться за границу, и притомъ выразилъ ему свое удивленіе, что нахожу затрудненіе получить паспортъ, который онъ показывалъ мнѣ дней 17 тому назадъ.

31 Октября возвратился козакъ изъ Евпаторіи съ письмомъ отъ начальника таможи майора Дмитрія Ивановича Вретто, что одно очень маленькое судно, нагруженное пшеницею, готово къ отправленію въ Константинополь. Дѣло стояло за паспортомъ, что очень огорчало меня. Однако, въ тотъ же день послѣ полудня пришелъ ко мнѣ мой прежній клеркъ Иванъ Петровъ, съ увѣдомленіемъ, что Федоръ Федоровичъ Ушаковъ желаетъ говорить со мною. Я тотчасъ пошелъ къ нему, засталъ его совершенно одного; онъ принялъ меня во внутренней комнатѣ, и по всегдашней своей манерѣ былъ очень вѣжливъ; потомъ выразилъ свои сожалѣнія въ моемъ несчастіи; но знаю, что слова его были притворны. Я былъ увѣренъ, что онъ желалъ, чтобы всѣ иностранцы подверглись одной со мною участи, не смотря на то, что во время войны они были не бесполезны. При этомъ онъ увѣрялъ меня, что, къ сожалѣнію, всѣ употребленныя имъ мѣры и пути дѣйствовать въ мою пользу, остались безуспѣшны, и за тѣмъ, изливъ весь запасъ вѣжливыхъ, но не сердечныхъ выраженій, отдалъ мнѣ паспортъ за подписью Мордвинова.

«По указу Ея Величества Государыни Императрицы Самодержицы Всероссийской и проч. и проч.

«Предъявитель сего, флота господинъ капитанъ 1 ранга Тиздель, службу Ея Императорскаго Величества продолжалъ во флотѣ черноморскомъ, а нынѣ отъ оной уволенъ, почему для свободаго изъ Россіи выѣзда куда онъ пожелаетъ и данъ ему сей паспортъ за моимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ герба моего печати, въ благополучномъ Севастополѣ. Октября 26 дня 1792 года.

«Николай Мордвиновъ,

«Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей Государыни моей вице-адмиралъ, предсѣдательствующій въ черноморскомъ адмиралтейскомъ правленіи, главнокомандующій флотами на Черномъ и Азовскомъ моряхъ и ордена св. Анны кавалеръ».

Вечеромъ того же дня пришелъ ко мнѣ къ ужину капитанъ Дмитрій Николаевичъ Сенявинъ и объявилъ, что въ Балаклаву пришло одно французское судно, идущее въ Константинополь.

Я вознамѣрился на другой же день ѣхать въ Балаклаву, чтобы узнать и видѣть каково то судно, но по дурной дождливой погодѣ, долженъ былъ отложить поѣздку.

2 Ноября немного подморозило, день былъ хотя холодный, но ясный, и я, получивъ отъ своего пріятеля полковника Хильберга лошадей, въ сопровожденіи капитана Сенявина отправился въ Балаклаву. Тамъ мы нашли бригантину; командиръ ея, капитанъ Маринъ (французъ), намѣревался, при первомъ благопріятномъ вѣтрѣ, идти въ Евпаторію, нагрузиться пшеницею и отправиться въ Константинополь. Судно это мнѣ очень понравилось, капитана Марина я зналъ еще прежде въ Херсонѣ, а потому, охотно сдѣлавъ съ нимъ условіе о перевозкѣ меня, возвратился въ Севастополь.

Въ понедѣльникъ 8 ноября, я дѣлалъ прощальные визиты, зашелъ и къ Ушакову и сказалъ ему, что, на основаніи выраженного имъ сожалѣнія о моемъ несчастіи, я пришелъ посоветоваться съ нимъ — какъ мнѣ дѣйствовать по пріѣздѣ въ Константинополь. «Вы извините, я не могу дать вамъ никакихъ совѣтовъ, а предлагаю вамъ обратиться за ними къ тѣмъ, къ кому вы обращались прежде, на примѣръ къ Мордвинову, къ Прецману», отвѣтилъ мнѣ Ушаковъ.

Я просилъ дать мнѣ подорожную на полученіе лошадей до Евпаторіи. «Отпустите меня, я не хочу оставаться здѣсь», сказалъ я ему. «Извольте», сказалъ онъ; съ этими словами, написалъ билетъ, подписалъ, приложилъ печать и отдалъ мнѣ.

Получивъ билетъ, я вмѣсто прощанья пожелалъ себѣ не встрѣчаться болѣе съ подобными ему людьми и отправился продолжать свои визиты. Былъ у генералъ-майора Галенкина, полковника Хильберга, у капитановъ Белли, Кумани, Прецмана, Алексіана, былъ у молодого графа Войновича, у доктора Виллиса и у другихъ своихъ пріятелей; потомъ, возвратясь домой, нашелъ у себя друга своего, капитана Сенявина, и г. Мачиси. Ему я отдалъ письма—одно къ Мордвинову въ Херсонъ, другое къ тестю своему Карлу Ноксу въ Ревель, съ порученіемъ послать въ возможно скоромъ времени.

Меня уведомили, что судно капитана Марина перешло из Балаклавы в Евпаторію.

Ноября 9-го я отправился в Евпаторію съ истиннымъ своимъ другомъ Сепявинимъ и прибылъ туда въ тотъ же день вечеромъ въ 8 часовъ. Добрый маіоръ Вретто отдалъ въ мое распоряженіе весь свой домъ.

11-го утромъ, я простился съ Сепявинимъ, онъ уѣхалъ въ Севастополь. Съ нимъ я послалъ письма къ жёнѣ, къ полковнику Хильбергу и къ его жёнѣ. Я благодарилъ этихъ добрыхъ людей за ихъ дружеское знакомство.

Съ отъѣздомъ Сепявина я еще сильнѣе началъ чувствовать горькое свое положеніе и съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты отправления. Рядъ душевныхъ потрясеній, перенесенныхъ мною въ последнее время, былъ не безъ послѣдствій. У меня началась лихорадка, грозившая перейти въ горячку, но здѣсь случился мой корабельный лекарь Шипакъ, онъ открылъ мнѣ кровь и тѣмъ избавилъ меня даже можетъ быть отъ смерти; однако, чувствовалось мнѣ, что здоровье мое и силы сильно разстроены. Благодаря доброму Вретто, я не имѣлъ надобности заботиться ни о чемъ—все было къ моимъ услугамъ, а особенно что поддерживало меня—это частая переписка съ женою и съ друзьями. 19-го вечеромъ, докторъ Шипакъ отправился въ Константинополь, съ нимъ я послалъ письма къ своему хорошему знакомцу мистеру Якову Барбаду. Судно, на которомъ поѣхалъ Шипакъ, хотя и имѣло три мачты, но было такъ дурно устроено и тяжело нагружено, что Вретто рѣшительно объявилъ, что не постигъ меня иначе какъ на бригантинѣ Марина. Сверхъ того, мой паспортъ былъ посланъ въ Симферополь для подписи губернатора генерала Сегулина, и возвращень ко мнѣ на другой день отправления Шипака.

Въ Евпаторіи гавани нѣтъ, а потому всѣ суда, туда входящи, выгружаются и нагружаются, стоя на рейдѣ. Евпаторійскій рейдъ открытъ при всѣхъ вѣтрахъ, дующихъ изъ южной части компаса, и самый незначительный вѣтеръ уже замедляетъ работы выгрузки или загрузки, потому что товары перевозятся на небольшихъ лодкахъ. Со времени моего пріѣзда въ Евпаторію дули южные вѣтры и 20 числа была первая работа, производившаяся съ успѣхомъ въ загрузкѣ судна Марина; послѣ этого дня вѣтеръ опять задулъ съ моря, а по временамъ былъ такъ

сильнѣ, что не было сообщенія съ берегомъ, и это продолжалось до 30 ноября.

Въ пятницу, 3 декабря, послѣ полудня, пришелъ ко мнѣ капитанъ Маринъ съ объявленіемъ, что нагрузка кончится завтра, и просилъ меня переселиться на бригантину не позже воскресенья. Въ тотъ же день вечеромъ задулъ WSW, въ ночь скрѣпчалъ до степени шторма; однимъ словомъ, военное брантвахтенное судно и всѣ купеческія суда бросили по другому якорю. 4-го вечеромъ, около 11 часовъ, Вретто былъ уведомленъ, что два купеческія судна изъ стоящихъ на рейдѣ выбросило на берегъ. Я, бывъ уже въ постелѣ, тотчасъ началъ одѣваться; но Вретто не пустилъ меня, согласно приказаній, полученныхъ отъ Шипака; я было заспорилъ съ нимъ, но онъ урезонилъ меня тѣмъ, что помощи я оказать не могу, а непременно простужусь и не въ состояніи буду ѣхать, если въ числѣ погибающихъ судовъ нѣтъ бригантинъ Марина. Я же былъ въ полной увѣренности, что судно Марина погибаетъ, иначе быть не могло. Такъ и случилось; на другой день на разсвѣтѣ, я узналъ, что судно Марина разбилось, а съ нимъ вмѣстѣ моя надежда уѣхать въ Константинополь. Несчастливъ я и несчастливы дѣлаются тѣ, которые хотя на время и случайно имѣютъ со мною общій интересъ.

Вопреки всѣмъ запрещеніямъ Вретто, я вышелъ на берегъ. Дождь лилъ ливнемъ; вѣтеръ срывалъ съ ногъ и пронизывалъ холодомъ до костей. Вышелъ я, конечно, не изъ любопытства, а изъ надобности начать прискивать какое нибудь другое судно; но въ этотъ день я ничего не узналъ и не сдѣлать путнаго, вернулся домой, слегъ въ постель и прохворалъ очень долго. Сильная простуда такъ скрутила меня, что я не могъ шевельнуться, а не то-что хлопотать и прискивать себѣ случай выѣхать изъ Россіи.

Когда вѣтеръ стихъ, я узналъ, что капитаны остальныхъ трехъ судовъ, стоящихъ на рейдѣ, до того перетрусились, что отменили свое намѣреніе грузиться пынче, а положили идти на зимовку въ Севастополь. Это страшно поразило меня. Мнѣ пришелъ на память совѣтъ Прецмана торопиться выѣздомъ; въ противномъ случаѣ, говорилъ онъ, меня отошлютъ въ Польшу или куда нибудь еще дальше, да еще и въ другую сторону.

Между тѣмъ погода стояла хорошая, страхъ, обуявшій капи-

тановъ, мало по малу прошелъ, они начали нагружаться и 17-го Вретто обрадовалъ меня, что одна французская бригантина *Marie*, подъ командою капитана Арнольда, кончила погрузку пшеницы и завтра отправляется въ Константинополь. Въ тотъ же день я написалъ письма къ женѣ и къ Сенявину; письма эти я послалъ съ деньщикомъ Сенявина, котораго онъ оставляетъ въ моемъ распоряженіи. Въ тотъ же день послѣ полудня я отослалъ на корабль свои вещи и вслѣдъ за ними отправился самъ; но такъ какъ ходить я не могъ, то меня перенесли на носилкахъ, устроенныхъ изъ креселъ. Четыре солдата перенесли меня какъ китайскаго мандарина къ пристани, гдѣ осторожно спустили въ шлюпку. Меня провожалъ добрый майоръ Вретто. Со слезами на глазахъ я благодарилъ этого добраго человѣка за всѣ попеченія обо мнѣ. Въ числѣ провожавшихъ былъ докторъ Степанъ Ивановичъ Бочковъ, пользовавшій меня въ послѣднее время, и много другихъ добрыхъ людей, съ которыми я познакомился въ Евпаторіи.

Приѣхавъ на бригантину, я узналъ, что капитанъ Арнольдъ уѣхалъ въ Севастополь за судовымъ наспоргомъ и уѣзжая приказалъ своему мѣту идти туда же, гдѣ онъ намѣревался выждать попутнаго вѣтра. Страшное чувство посѣтило меня при этомъ извѣстии—и страхъ и радость, нежеланіе и желаніе. Идея Предзнана, казавшаяся мнѣ сперва сумасбродною, начала казаться выполнимою. Указъ Государыни о высылкѣ меня за границу состоялся 31 июля, съ того времени прошло уже 4 мѣсяца, а я все толкусь въ границахъ Ея имперіи. Я думалъ такъ, что если погибло одно судно, на которомъ я намѣревался отправиться, то почему же съ другимъ, на которомъ я уже нахожусь, не можетъ случиться, если не совершенная гибель, то поврежденіе, и поврежденіе въ такой степени, что оно, войдя въ Севастополь, принуждено будетъ исправляться. Присутствіе мое на суднѣ не можетъ быть сохранено въ тайнѣ, объ этомъ узнаетъ Ушаковъ и такъ далѣе. Что за странное стеченіе обстоятельствъ, что за судьба моя такая! И кто расскажетъ Государынѣ, что я боленъ, что первое судно, на которомъ я намѣренъ былъ отправиться, погибло, а другое зашло въ Севастополь по распоряженію шкипера; кто скажетъ Ей, что я безъ ногъ; Она узнаетъ только, что Тиздель еще не выѣхалъ. Таковы были мысли мои, когда я сидѣлъ въ каютѣ капитана Ар-

нольда, уступившаго въ мое распоряженіе все свое помѣщеніе. А между тѣмъ, на верху дѣлалось свое дѣло, по шуму и движенію я зналъ, что мы снимаемся съ якоря, и что меня везутъ опять въ Севастополь. Вѣтеръ былъ крѣпкій SW. Бригантина хотя медленно, но выбиралась изъ бухты. Ночь мы продержались въ морѣ, а утромъ 18-го пришли въ Севастополь. Къ намъ приѣхалъ браунвахтенный офицеръ. Скрыть о томъ, что я нахожусь въ числѣ пассажировъ я не смѣлъ, боялся, чтобы изъ этого не вышло чего хуже. Здѣсь я узналъ, что за отсутствіемъ Ушакова, уѣхавшаго въ свою деревню, старшимъ начальникомъ въ Севастополѣ остался генераль-майоръ Галенкинъ. Это обстоятельство нѣсколько успокоило меня; однако, приѣхавшій шкиперъ объявилъ, что онъ намѣренъ выждать попутнаго вѣтра, который Богъ знаетъ когда будетъ.

Я боялся, что жена моя, узнавъ о моемъ прибытіи, приѣдетъ ко мнѣ и, увидя меня больнаго, едва двигающагося, испугается, что можетъ кончиться нехорошо, а уѣхать мнѣ все таки будетъ надо. Вѣсть о моемъ возвращеніи быстро пронеслась по Севастополю, дошла и до жены. Она, сынъ и съ ними генераль-майоръ Галенкинъ, Сенявинъ и многіе другіе, въ томъ числѣ лейтенантъ Велизаровъ (*), приѣхали ко мнѣ и, найдя меня больнымъ, начали упрямивать съѣхать на берегъ и тамъ ожидать отправленія судна въ Константинополь. Галенкинъ успокоилъ меня, что въ случаѣ, если вѣсть о моемъ пребываніи въ Севастополѣ дойдетъ до Мордвинова, или даже до Государыни, то онъ беретъ на себя разъяснить всѣ обстоятельства, непустившія меня выполнить волю Императрицы. Жена, дѣйствительно, сначала испугалась, найдя меня въ постелѣ; но приѣхавшій съ ними докторъ Виллисъ успокоилъ ее тѣмъ, что болѣзнь моя требуетъ только терпѣнія и тепла, что это есть ничто иное, какъ простуда въ сильной степени. Галенкинъ и Сенявинъ скоро уѣхали и обѣщались прислать за мною катеръ, что они вскорѣ исполнили. Меня перевезли на макензіеву пристань, а оттуда въ каретѣ въ мой домъ. Я не вѣрилъ, что нахожусь опять съ своимъ семействомъ.

20 число, день рожденія моей жены, мы провели очень пріятно: у насъ обѣдали наши друзья Галенкинъ, Сенявинъ, Прец-

(*) Приѣхавъ послѣдлаго тронулъ меня до слезъ.

манъ и еще-кое кто. Слѣдующіе за тѣмъ дни шли себѣ обычной чередой и незамѣтно пришелъ 1793 годъ, а бригантина все стояла въ ожиданіи попутья. Здоровье мое быстро поправлялось, и пачать далѣе выходить, бывалъ у Галенкина. Намъ посѣщали друзья наши, иногда я занимался ученикомъ своего маленькаго Томи, училъ его арифметикѣ, и по временамъ рѣшительно забывалъ, что пребываніе мое въ Севастополь можетъ кончиться съ измѣнившимся направленіемъ вѣтра. Тяжело становилось мнѣ, когда приходило сознаніе своего настоящаго положенія, сознаніе въ томъ, что я изгнанникъ, что по мнѣнію Государыни я не стою и не смѣю быть въ границахъ Ея владѣній.

Наконецъ, въ субботу 18 января, задулъ попутный вѣтеръ. Рано утромъ капитанъ Арнольдъ прислалъ увѣдомить меня, что онъ скоро спимется съ якоря. Такъ какъ большая часть моихъ вещей находилась на бригантинѣ, то сборы были не продолжительны. Въ полдень пріѣхалъ ко мнѣ капитанъ Арнольдъ, обѣдалъ съ нами на скорую руку, и за тѣмъ послѣдовала тяжелая минута прощанія. Я вышелъ, оставивъ жену плачущую у порога нашего маленькаго дома, подъ крышу котораго я уже не надѣялся возвратиться. Идучи на пристань, я зашелъ проститься къ Галенкину и Сепявину. Томи проводилъ меня на судно, тутъ простился я и съ нимъ.

Мы снялись при попутномъ вѣтрѣ и скоро вышли изъ бухты, но, дойдя до Херсонскаго мыса, принуждены были лечь въ бейдевиндъ и взять рифы, потому что вѣтеръ зашелъ и скрѣпчалъ. Тяжело нагруженную бригантину сильно несло бокомъ, а потому капитанъ Арнольдъ рѣшился спуститься въ Балаклаву.

По утру 20-го, я написалъ къ женѣ, а 21-го получилъ отвѣтъ, съ прибавленіемъ пріятнаго извѣтія, что добрый адмиралъ Мордвиновъ прислалъ ей чрезъ Галенкина 300 рублей. Она упоминала также, что уже благодарила Мордвинова за его милостивое вниманіе къ положенію женщины, неимѣющей ничего, кромѣ надежды на лучшее время въ будущемъ. 23-го я послалъ къ ней еще письмо, а въ тотъ же день задулъ попутный вѣтеръ, мы снялись и до 27-го шли новидимому хорошо, съ нами былъ лоцманъ французъ, въ которомъ капитанъ подозрѣвалъ челоуѣка знакомаго съ берегомъ Чернаго моря, но крайней мѣрѣ онъ самъ такъ рекомендовалъ себя. 27-го открылся берегъ и это

былъ первый случай, заставившій насъ разочароваться въ познаніяхъ нашего лоцмана. Онъ объявилъ, что не знаетъ видимаго берега, а вѣтеръ между тѣмъ гналъ насъ довольно скоро; было уже 4 часа по полудни, какъ вдругъ судно наше, задѣвъ раза три за грунтъ, остановилось. Всѣ забѣгали, засуетились, а я началъ смѣяться надъ своею судьбою, которая тоже въ свою очередь продолжаетъ издѣваться надо мною даже и теперь. Волненіе было небольшое; но много ли нужно для такого маленькаго судна какъ бригантина *Marie*; ее порядочно постукивало. Капитанъ Арнольдъ приказалъ выбрасывать грузъ; но я остановилъ его, предложивъ попытаться отащить судно завозомъ якоря, обмѣривъ предварительно глубину по разнымъ направленіямъ. Убрали паруса, спустили шлюпки, словомъ исполнили все то, что я совѣтовалъ, и безъ особенныхъ трудовъ снялись съ мели; тогда было уже совершенно темно. Спявшись, мы легли бейдевиндъ правымъ галсомъ и такъ оставались до разсвѣта. Утромъ поворотили, вѣтеръ былъ тихій WSW. Продолжая плыть лѣвымъ галсомъ на NW, мы опять увидѣли вчерашній берегъ; но никто изъ находившихся на суднѣ не могъ опредѣлить гдѣ мы находимся. Въ началѣ нашего плаванія я не слѣдилъ за численіемъ, а потому тоже не могъ сказать ничего опредѣлительнаго; но утверждалъ, что находимся гораздо выше той параллели, на которой считалъ себя капитанъ Арнольдъ, уже переставшій довѣряться лоцману. Передъ вечеромъ на закатѣ солнца мы были такъ близко къ берегу, что послали даже шлюпку къ судну, стоящему на якорѣ, узнать, въ которой части Чернаго моря мы находимся; но вскорѣ стемнѣло, люди, бывшіе на шлюпкѣ, потерявъ изъ виду судно, къ которому ѣхали, возвратились назадъ; на ночь опять поворотили на правый галсъ и, благодаря Бога, на другой день удалось сдѣлать обсервацию, по которой оказалось, что мы находимся на параллели Варны. Увѣрившись въ справедливости моего мнѣнія, капитанъ Арнольдъ поставилъ больше парусовъ, въ то же время вѣтеръ сдѣлался болѣе благопріятный, мы пошли скорѣе, такъ что 1 февраля утромъ передъ разсвѣтомъ мы увидѣли Константинопольскій маякъ, а вечеромъ того же дня бросили якорь въ Буюкдерѣ. 2 февраля дулъ такой страшный SW, что будь мы въ морѣ, намъ бы никогда и нигуда не придти, а 3-го вѣтеръ

стихъ, перемѣнился и мы, снявшись съ якоря, благополучно перешли къ Константинополю.

Въ тотъ же часъ я отправился къ своему другу Якову Барбаду, и такъ какъ онъ очень хорошо зналъ всю исторію, случившуюся со мною, то вмѣстѣ съ нимъ мы рѣшили, что, не смотря на мое неловкое отношеніе къ Россіи (если можно такъ выразиться), мнѣ необходимо быть у Хвостова. На другой день я пошелъ къ нему. Онъ принялъ меня какъ нельзя лучше, много разспрашивалъ и слушалъ все съ большимъ вниманіемъ. Мнѣ не было надобности скрывать отъ него что нибудь; онъ остался очень доволенъ моею откровенностью и въ свою очередь сказалъ, что никогда во всю свою жизнь не слышалъ о подобно жестокомъ поступкѣ. Много еще говорили мы съ нимъ, наконецъ при прощаніи я просилъ его принять меня подъ свое покровительство, и видѣть во мнѣ подданнаго Ея Величества, пока я не употреблю всѣ мѣры на полученіе позволенія возвратиться въ Россію. Хвостовъ увѣрилъ меня въ совершенной готовности служить мнѣ всѣмъ, чѣмъ только можетъ, и обѣщавъ быть моимъ ходатаемъ у русскаго посланника генералъ-лейтенанта Михаила Иларіоновича Голенищева-Кутузова, прибытія котораго онъ ожидаетъ въ скоромъ времени. Въ заключеніе онъ просилъ меня обращаться къ нему безъ всякой церемоніи и предложилъ получать отъ него по 50 піастровъ въ мѣсяцъ, и тогда же обѣщавъ послать къ моей женѣ 200 піастровъ, чтобы она могла пріѣхать ко мнѣ, если я этого желаю. Отъ этого послѣдняго предложенія я отказался.

На другой день мы съ мистеромъ Барбадомъ поѣхали на бригантину *Marie*, перевезли на берегъ мои вещи, и я поселился въ маленькой комнатѣ, которую мнѣ нашелъ Барбадъ во французской гостинницѣ за 40 піастровъ въ мѣсяцъ, безъ прислуги и стола.

6-го я опять былъ у полковника Хвостова, мы очень много говорили, я показывалъ всѣ мои бумаги. Черновое мое письмо къ Государынѣ онъ одобрилъ, увѣрялъ меня въ счастливомъ окончаніи моего дѣла, словомъ—успокоилъ меня и я вышелъ отъ него въ хорошемъ расположеніи духа. При прощаніи онъ просилъ меня чаще навѣщать его и обѣдать съ нимъ. Все это я принялъ съ сердечною благодарностію, а 8 февраля онъ при-

слалъ мнѣ 100 піастровъ, которые я считалъ назначенными мнѣ на два мѣсяца.

Мистеръ Барбадъ перевелъ на французскій языкъ черновое письмо къ Государынѣ, составленное мною согласно совѣта вице-адмирала Мордвинова; къ этому письму я приложилъ копию съ акта консиліума и, запечатавъ эти бумаги въ общій конвертъ, адресовалъ на имя Государыни и 16 февраля отдалъ полковнику Хвостову съ просьбою отослать, съ первою отходящею почтою, въ Петербургъ. Черезъ день Хвостовъ увѣдомилъ меня, что порученіе мое исполнено.

Съ этою же почтою я писалъ къ Мордвинову и къ женѣ. Я ихъ увѣдомлялъ о моемъ благополучномъ прибытіи въ Константинополь, и о томъ, что съ тою же почтою послано письмо къ Государынѣ, съ приложеніемъ копии акта; но въ письмахъ я умалчалъ о сдѣланномъ мнѣ приѣмѣ полковникомъ Хвостовымъ.

Здѣсь я прилагаю копию съ письма моего къ Государынѣ, переведеннаго на французскій языкъ, и копию съ акта консиліума.

Всемиловѣйшая Государыня!

Повинуясь приказанію вашего Императорскаго Величества, переданному мнѣ вице-адмираломъ Мордвиновымъ, я оставилъ владѣніи Вашего Величества моей всемиловѣйшей Монархини и прибылъ въ Константинополь, откуда смиренно прошу Ваше Величество дозволить несчастному, безутѣшному человѣку, повергнуть себя и случай свой милосердому вниманію Вашего Величества.

Изъ 40 лѣтней службы на морѣ, 22 г. я употребилъ на служеніе Вашему Величеству и въ продолженіе всѣхъ этихъ лѣтъ имѣлъ счастье пользоваться хорошимъ мнѣніемъ моихъ начальниковъ, до несчастнаго случая потери своего корабля во время шторма.

Хотя Ваше Величество перестали считать меня своимъ подданнымъ, я продолжаю видѣть въ васъ свою Монархиню. Жена и дѣти мои родились въ Россіи и я не имѣю ни единого близкаго роднаго въ какой либо иной странѣ.

Лишенный содержанія за всѣ 5 лѣтъ пребыванія моего въ плѣну, я припелъ въ такое положеніе, что, исполняя Вашу волю, долженъ былъ оставить свое семейство на попеченіе чужихъ людей, и самъ въ настоящее время нахожусь въ такомъ стѣснен-

тельномъ положеніи, что не въ состояніи выѣхать отсюда на свою родину.

Я не отвергаю правосудіе Царицы, спускательность и великодушіе которой такъ извѣстны, но полагаю, что пореженіе мое, какъ офицера, было представлено Вашему Величеству въ дурномъ видѣ; я умоляю Васъ, всемилостивѣйшая Государыня, дозвольте мнѣ повергнуть предъ Вами прилагаемую при семъ копію акта консиліума, подлинникъ котораго былъ прочитанъ вице-адмираломъ Мордвиновымъ, генераль-маіоромъ Галенкинымъ и находится у меня на случай, если понадобится его представить.

Консиліумъ былъ составленъ согласно правилъ русскаго морскаго регламента и законовъ прочихъ морскихъ націй, и происходилъ на кораблѣ, бывшемъ подъ моею командою, въ самый день несчастія, въ тотъ день, когда, вопреки моему совѣту и постоянному требованію сохранить честь флага Вашего Императорскаго Величества, корабль былъ преданъ въ руки неприятеля.

Если Ваше Величество найдете въ этомъ документѣ что нибудь могущее смягчить Вашъ гнѣвъ противъ меня и умѣрить положительную септенцію, то позвольте мнѣ смиренно просить милосердія Вашего Величества ко мнѣ, ради моего несчастнаго семейства, и измѣнить условіе моего изгнанія. Кромѣ содержанія, которое я получалъ на службѣ, мы никогда ничего не имѣли, такъ позвольте дожить остающаеся намъ время безъ крайней бѣдности тамъ, гдѣ угодно будетъ приказать Вашему Величеству.

Съ сердцемъ, разбитымъ печалью, при мысли о перасположеніи ко мнѣ Вашего Величества, я остаюсь съ полною покорностью къ волѣ Вашей, несчастливѣйшій и неутѣнливѣйшій изъ всѣхъ подданныхъ Вашего Императорскаго Величества.

Веніаминъ Тиздель.

Константинополь
Февраля 4, 1793 г.

Копія.

Консиліумъ корабля Маріи Магдалины. 1787 Года, Сентября отъ 8-го дня; полудни въ 7 часовъ здѣлался привеличайшей штормъ и продолжался. Послежъ Полудни 0-8 часовъ, мы-же все время лежали въ дрефѣ подбезанью. А послѣ сего нашла Престрашная буря, которою съломило все три Мачты и бунпритъ вдругъ. Отъ чего Корабль былъ весьма много поврежденъ.

Здѣлалось внымъ воды 10 футъ; ноотъбольнаго волнѣнія икачки ахторъ-штевень раскочало, румпель переломило; и Корму пониже порты въ Констанельскою всю разломало. Между прочемъ поставили другой румпель и начали для спасенія жизни, держатся несколько ветру и волнению. Но по продолженіи, досего числа таковаго шторма, Едва могли уливаться отъливаемемъ воды изъ корабля; А сего Сентября 13 дня прибило насъ къ Царегригитскому Проливу. И не имея болсе никакаго спасенія къ возвращенію во отѣчество. или къ спасенію Людей кромѣ какъ зделать только честь Отечеству потопить корабль всею Командою. Начтожъ сего числа при собраніи всей Команды Господь Штапъ, Оберъ Офицеровъ, Ундеръ Офицеровъ, и прочіе нижніе чины Служители Мною спрашиваны были. Къ чему оныя болсе согласятся. на что Единогласно объявили и вся Команда недопуская Меня къ сему согласію, а объявили и согласились быть лучше живыми нежели погибнуть, вчемъ утвердились и подписуемся тогожъ Сентября 13 дня 1787 года.

Подхиперъ Андрей Бачуринъ. Что и команда известна изънаетъ, что Порохъ подмочило отъ великой воды въ корабле.

- Сержантъ Илья Лапухинъ.
- Морской Артилеріи Яковъ Миловъ.
- Морскихъ баталіоновъ Капраль Степанъ Песонной.
- Капраль Спиридонъ Степановъ.
- Трубачъ Капралскаго чина Иванъ Барсуновъ.
- Подскаръ Иванъ Шенпахъ.
- Штурманъ Афонасій Лосефъ.
- Квартермѣстѣръ Лаврентей Шветовъ.
- Трубачъ Капралскаго чина Федоръ Разуваевъ.
- Коробельный писаръ Федоръ Дорофѣевъ.
- Писаръ Гаврила Григорьевъ.
- Матросъ Михаилъ Празоровъ.
- Ларіонъ Бабелинъ.
- Матросъ Иванъ Калпаковъ.

Вмѣсто служащихъ насемъ кораблѣ неумѣющихъ Грамотѣ свидѣтельствую и подписуюсь Иермонахъ Мисайлъ.

Къ сему утвержденію и я подписуюсь тогожъ корабля Иермонахъ Мисайлъ.

- Камисаръ Иванъ Зарукинъ.
- Подштурманъ Астафей Зубаревъ.

Къ сему объявились Подштюрманъ Павелъ Малышевъ.

Лекаръ Юганъ Бернгардъ.

Констепель Дмитрій Рубецъ.

Поручикъ Степанъ Глушениновъ.

Штурманскій ученикъ Спиридонъ Егоровъ.

Мичманъ Спиридонъ Дегаллето.

Мичманъ Саранда Велизаровъ.

Мичманъ Федоръ Алексіано.

Шхиперъ Иванъ Ушаковъ.

Клеркъ Комисарскаго чина Иванъ Петровъ.

Лейтенантъ Францъ Замбекари.

Лейтенантъ Сергей Сахаровъ.

Капитанъ-лейтенантъ Перелешинъ.

Во время претерпѣванія Корабля Маріи Магдалины бѣдствія безъ мачтъ и бушперта Прибыло оной отъ жестокайшей погоды къ Царегратцкому Проливу Сентября 13 дня въ 8 часовъ послѣ полуночи. Втогдашнее время Командующей флота Капитанъ Бенжаминъ Тиздель, видя что погода неуменщается а особливо Непрiятельскаго берега подвѣтромъ изъ Содинацкую футами воды выптрюмъ приказалъ Сочинить сеи Концылиумъ которой посочиненіи втожъ время Господиномъ Капитанъ-Лейтенантомъ Перелешинимъ Такожъ Оберъ Офицерами, Ундеръ Офицерами, и прочими нижними чинами Служителями присвидѣтельствъ Моемъ подписали.

Клеркъ тогожъ Корабля Иванъ Петровъ.

Мое письмо къ вице-адмиралу Мордвинову:

Ваше превосходительство!

Сэръ

Я долженъ почтительнѣйше увѣдомить васъ, что изъ Севастополя я выѣхалъ вскорѣ по полученіи моего паспорта отъ вице-адмирала Ушакова и употребилъ всѣ старанія, чтобы согласно воли Императрицы оставить Ея владѣнія, но, встрѣчая разныя препятствія отъ дурныхъ погодъ, я пріѣхалъ въ Константинополь не ранѣе 3 февраля.

Пользуюсь первымъ случаемъ, чтобы благодарить васъ за всѣ милости ваши, оказанныя моему несчастному и бѣдному семейству. Будьте увѣрены, что всю жизнь я сохраню въ сердцѣ моемъ чувства признательности за ваши благодѣянія.

Увѣдомляю васъ, что я съ точностью слѣдовалъ совѣту, данному мнѣ вами въ Севастополѣ, надѣясь, что и въ настоящее время вы одобряете мои дѣйствія и будете ходатайствовать предъ Ея Величествомъ за бѣднаго человѣка, у котораго нѣтъ другаго защитника и который всегда будетъ признателемъ къ вамъ за дружеское расположеніе.

Увѣренный въ добротѣ и человѣколюбіи вашего превосходительства, я поручаю все дѣло свое справедливому вашему суду и остаюсь съ глубокою преданностію и покорностію къ вашему превосходительству и съ желаніемъ вамъ совершеннаго здоровья и счастья.

Вашего превосходительства
преданнѣйшій и покорнѣйшій слуга
Веніаминъ Тиздель.

Константинополь
Февраля 15 дня 1793 г.

Дорогая моя Сарра!

Письмо твое, полученное мною въ Балаклаву чрезъ сержанта Агана, изъ котораго я узналъ о твоей болѣзни, очень огорчаетъ меня; ты пишешь, что едва ходишь по комнатѣ. Понимая, что главною причиною твоей болѣзни есть постоянно тревожное состояніе и страхъ за меня и что въ особенности ты беспокоилась за предстоящее мнѣ путешествіе черезъ море, въ такую неблагоприятную пору, — я спѣшу увѣдомить тебя, что, благодаря Бога, я благополучно и совершенно здоровымъ прибылъ въ Константинополь 3 февраля, ровно чрезъ годъ послѣ освобожденія своего изъ плѣна, и встрѣченъ здѣсь такъ хорошо, какъ я даже и не ожидалъ.

Прошу тебя, пиши мнѣ скорѣе отвѣтъ на это письмо, или проси капитана Прецмана, чтобы онъ писалъ, если къ тебѣ придетъ время ожидаемыхъ страданій. Ради Бога не скучай и не бойся за меня, ибо я надѣюсь, что съ Божиимъ благословеніемъ все устроится хорошо, такъ или иначе; но намъ должно имѣть надежду, — къ этому утѣшенію мы прибѣгли болѣе 5 лѣтъ, теперь уже недолго остается.

Будь тверда, мой другъ, прошу тебя, скажи Томасу, что онъ долженъ беречь мать, помнить отца, хорошо учиться и съ пользою употреблять совѣты, мною ему данныя. Грустно мнѣ, что

я не могу быть съ вами, въ особенности въ это безотрадное время, но да будетъ воля Господа исполнена.

Передай мой поклонъ генералу Галенкину и его женѣ, капитану Прецману, Сеявину, Белли, доктору Виллису, и проси ихъ всѣхъ писать ко мнѣ.

Итакъ, дорогая моя, небо да благословитъ тебя и моего дорогого сына Томаса и да пошлетъ онъ вамъ силы духа и крѣпости переносить тяжесть испытанія въ скорби. Передайте другъ другу мой привѣтъ полный любви къ вамъ обоимъ во всѣ дни жизни моей.

Моя дражайшая Сарра
твой мужъ В. Тиздель.

Февраль 15-го 1793 г.

Комната, которую нанялъ для меня г. Барбадь, хотя и имѣла нѣкоторые достоинства, напримѣръ, хорошій видъ изъ оконъ, но это одно условіе безъ стола и безъ прислуги было для меня весьма недостаточпо, а между тѣмъ стоила она 40 піастровъ въ мѣсяць. И началъ придумывать какъ бы отыскать что нибудь повыгоднѣе, такъ какъ 50 піастровъ, казавшіеся мнѣ достаточными, при всей моей осторожной жизни, исчезали скоро. Въ это тяжкое время судьба послала мнѣ добрую старуху гречанку. Мужъ ея служилъ привратникомъ при домѣ русскаго посольства въ Перро, въ то время, когда посланникомъ въ Константинополь былъ Булгаковъ. У ней была дочь, женщина лѣтъ 27, обѣ онѣ просили меня поселиться въ ихъ домѣ за 10 піастровъ въ мѣсяць. Этой паходѣ я былъ очень радъ; 18 февраля я перебрался въ новое жилище и нанялъ себѣ слугу, стараго грека, за 10 піастровъ. Однообразно и тихо потекло мое горькое время изгнанія. Иногда отъ скуки бесѣдовалъ я со старухой и ея дочерью.

Въ видахъ экономіи я часто ходилъ обѣдать къ сэру Роберту Энсли, къ неаполитанскому посланнику и къ полковнику Хвостову; при всемъ томъ 50 піастровъ мнѣ было недостаточно на мѣсячное содержаніе, а потомъ положеніе мое сдѣлалось еще хуже: меня посѣтила подагра въ такихъ сильныхъ припадкахъ, что я не могъ выходить изъ дома.

Марта 18-го здоровье мое на столько поправилось, что я могъ ходить по комнатѣ. Моя прислуга, старій грекъ, сталъ требовать увеличенія платы, чего я исполнить не могъ, а потому

счелъ за лучшее отослать его и самъ остался безъ прислуги. Вставая рано утромъ, я стараюсь самъ исполнить все пужное и угѣшаю себя тѣмъ, что это даже необходимо для моего здоровья.

Апрѣля 9. Полковникъ Хвостовъ прислалъ ко мнѣ одного изъ своихъ чиновниковъ спросить о моемъ здоровьѣ и не имѣю ли я въ чемъ надобности. Я поручилъ ему благодарить г. Хвостова за его любезное вниманіе, и передать, что здоровье мое поправляется, но что касательно нуждъ своихъ я имѣю сказать многое, а именно то, что у меня нѣтъ ни одного піастра. При этихъ словахъ посланный всталъ и уѣхалъ, а я, одѣвшись, пошелъ къ сэру Роберту Энсли, приславшему еще раньше просить меня къ себѣ обѣдать.

Тотчасъ послѣ обѣда меня отозвали домой. Вернувшись къ себѣ, я нашелъ того чиновника, съ которымъ говорилъ утромъ; онъ передалъ мнѣ поклонъ отъ добраго полковника Хвостова, и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ отъ него же 150 піастровъ и, отдавая ихъ сказалъ, что г. Хвостовъ, приславъ мнѣ деньги, приказалъ спросить достаточно ли для меня этой суммы, и просить не стѣсняясь откровенно обращаться къ нему со всѣми надобностями, и что онъ всегда будетъ радъ служить.

Мая 16. Полковникъ Хвостовъ прислалъ за мною и прочелъ мнѣ приказъ о томъ, что Императрица велѣла вице-адмиралу Мордвинову выслать мнѣ содержаніе за все время пребыванія моего въ Константинополь, считая со дня выдачи мнѣ паспорта на выѣздъ изъ Россіи. Я просилъ Хвостова донести Государынѣ о моей всеподданнѣйшей благодарности; но въ то же время, не приписывая это ничему иному, какъ только вниманію ко мнѣ Мордвинова, я тотчасъ же написалъ къ нему письмо, въ которомъ благодарилъ его за то, что онъ, пользуясь расположеніемъ къ себѣ Императрицы, ходатайствовалъ о выдачѣ пособія мнѣ, бѣдному изгнаннику, и просилъ его выдать деньги женѣ моей, если они еще не высланы сюда.

Послѣ этого въ запискахъ Тиздели слѣдуютъ два письма, отъ 17 мая—одно къ Мордвинову съ изъявленіемъ благодарности за ходатайство, а другое авторъ писалъ къ женѣ своей, которымъ утѣдмлялъ ее, что ему назначено получить деньги и что онъ просилъ

Мордвинова выдать деньги ей, если онъ еще не высланы въ Константинополь. Въ этомъ послѣднемъ письмѣ проглядываетъ нѣкоторая надежда на скорое возвращеніе въ Россію, и тѣмъ кончаются записки.

Между потомками автора передается устно, что ему было позволено возвратиться въ Россію; но что вскорѣ по приѣздѣ своемъ въ Севастополь онъ умеръ. Говорятъ также, что ему былъ пожалованъ слѣдующій чинъ; но что приказъ объ этомъ засталъ его уже на столѣ.

Умирая, онъ завѣщалъ сына своего Томаса отослать въ Англію, что и было исполнено. Жена его осталась въ Россіи и впоследствии, переехавъ въ Петербургъ, была начальницею малолѣтней роты морскаго кадетскаго корпуса и питомицы ея, пинѣипіе адмирала, быть можетъ, помнитъ Сарру Карловну. Это обстоятельство дастъ право думать, что мужъ ея былъ оправданъ, ибо, само собой разумѣется, что жену иностранца, измѣнника, не помѣстили бы въ казенное заведеніе, гдѣ воспитывается юношество, готовящееся служить во флотѣ.

Благодаря Бога, теперь архивы открыты, можно работать, да и пора начать выводить въ свѣтъ дѣла минувшихъ дней. Пора намъ читать истину о прошедшемъ, да и самимъ умирая знать, что, придетъ время, — и про насъ напишутъ то, что мы сами продиктовали нашими дѣлами.

Въ свою очередь возьмется изъ архива дѣло о потери корабля «Марія Магдалина» и быть можетъ оно подтвердитъ обстоятельства, изложенныя въ этихъ запискахъ, и я благодарю случая, доставившій мнѣ возможность вывести въ свѣтъ слова, которыя авторъ писалъ съ намѣреніемъ оправдать себя передъ потомствомъ, и если все сказанное имъ есть истина, то мы можемъ сказать, что служба ему была мачихою, да и жизнь немного ласкала его.

Статья эта посвящается памяти сына автора, Томасу.

Р. Севериковъ.

ДЖОНЪ РОБИНСОНЪ,

служившій въ русскомъ флотѣ премьеръ-маіоромъ (*).

Джонъ Робисонъ, знаменитый шотландскій математикъ, родился въ Boghall'ѣ въ Стирлингскомъ графствѣ, въ 1739 году. Одаренный необыкновенными способностями и съ раннихъ лѣтъ обнаружившій любовь къ наукамъ, онъ съ большимъ успѣхомъ учился у профессоровъ Симсона (*), Личмана и др. Считая математику основою для изученія естественныхъ наукъ, Робисонъ предался ей съ энергіею, стремясь усвоить себѣ преимущественно методы новейшей аналитики; но профессоръ Симсонъ, руководившій его въ занятіяхъ, налегая, напротивъ, на синтетическіе методы древнихъ, смотря на этотъ родъ упражненій, какъ на превосходную гимнастику ума.

По желанію своихъ родныхъ, Робисонъ готовился въ духовное званіе, но, благодаря разнымъ обстоятельствамъ, отвлекшимъ его отъ богословія, онъ могъ вполне предаться любимымъ занятіямъ и въ нихъ сдѣлать такіе успѣхи, что уже въ 1757 году могъ явиться кандидатомъ на профессуру физики. Получивъ отказъ по причинѣ молодости, 18 лѣтній юноша отплылъ въ Квебекъ въ качествѣ преподавателя математическихъ наукъ старшему сыну адмирала Ноульса (*), имѣвшаго свой флагъ на 90 пуш. кораблѣ *Neptune*. Робисонъ, въ чинѣ гардемарина (*midshipman*), послѣдовалъ за своимъ ученикомъ, когда сей послѣд-

(*) Жизнеописаніе шотландца *Джона Робисона* (не Робинсона, какъ его у насъ называли), заимствовано нами изъ т. XXXVI *Biographie universelle (Michaud) ancienne et moderne*.

(*) Робертъ Симсонъ, род. въ 1682 и сл. въ 1763 г., преподавалъ въ Глазговѣ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ и въ свое время считался замѣчательнымъ математикомъ и авторомъ.

(*) М. Сб., 1849 г., т. II, стр. 509: «Адмиралъ Ноульсъ», А. Соголовъ.